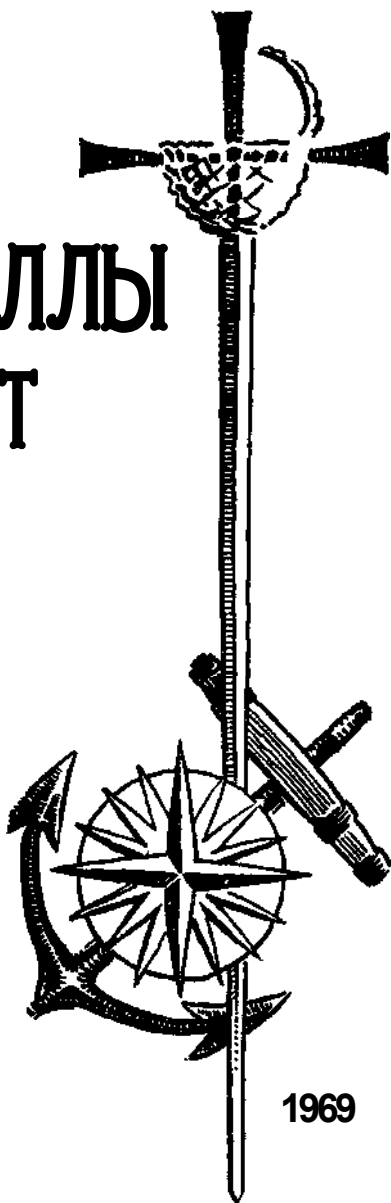

А. ЛИЕЛАЙС

КАРАВЕЛЛЫ ВЫХОДЯТ В ОКЕАН

издательство "Лиесма" рига

1969

Перевела с латышского Вера Беркович
Художник Адольф Лиелайс
Карты рисовал Янис Анцитис

Четыре с половиной века тому назад Христофор Колумб, в поисках морского пути в богатую Индию, вышел на трех небольших парусниках — каравеллах в бескрайний, неведомый океан и 12 октября 1492 года достиг берегов Америки — островов Багамского архипелага.

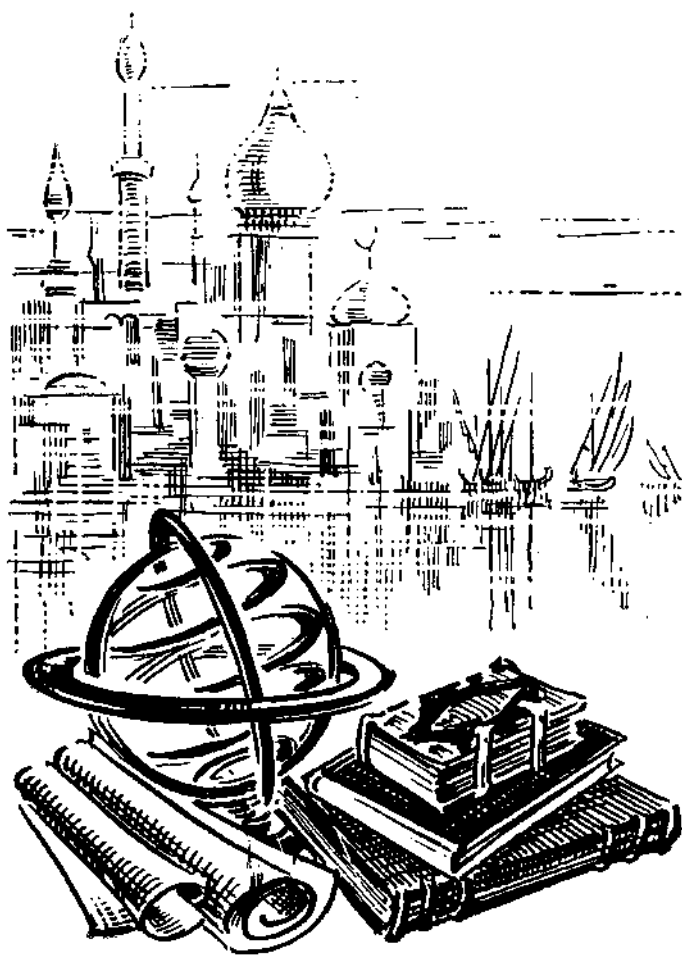
Четыре грандиозных путешествия через Атлантический океан, открытие Больших и Малых Антильских островов и побережья Южной и Центральной Америки поставили Колумба в ряд с величайшими мореплавателями и открывателями новых земель, овеяв его имя неувядаемой славой.

Эту славу он завоевал фанатическим упорством и отвагой, с которыми долгие годы отстаивал свои дерзкие планы, сражался со свирепыми бурями и коварными течениями, опасными мелями и грозными рифами у берегов неведомых морей, под знойным тропическим солнцем, под буйными ливнями.

Жизнь Колумба подобна легенде: нищий, никому не известный чужестранец, которого многие считали бесплодным мечтателем и фантазером, он стал всемирно известным мореплавателем, великим адмиралом Испании и вице-королем ее заморских владений, а затем снова лишился власти и богатства и умер в опале, всеми покинутый и забытый.

Многочисленные документы, старинные летописи, свидетельства современников и историков, письма и дневники самого адмирала помогли автору обрисовать как путешествия Колумба, так и эпоху великих открытий. В книге рассказывается также о ранних открывателях Америки — норманнах, о португальцах, проложивших морской путь в Индию вокруг Африканского материка, о завоевателях Америки — конкистадорах, последовавших за Колумбом, об Америго Веспуччи и происхождении названия «Америка». Дается также некоторое представление о причинах, которые побуждали людей отправляться в столь дальние и опасные морские путешествия, об историческом, революционном значении великих географических открытий и их грандиозных последствиях.

Мираж Востока

У БЕРЕГОВ ОКЕАНА

Нашествие арабов на Пиренейский полуостров. — Начало расцвета Португалии. — Великие торговые пути на Восток. — Средневековое невежество. — В страну золота — Африку!

В юго-западной части Европы, там, где Гибралтарский пролив соединяет лазурные воды Средиземного моря с суровым Атлантическим океаном, греется в лучах южного солнца Пиренейский полуостров. На его широких плоскогорьях, в горах и долинах обитали в древности племена иберов и лузитан — предков нынешних португальцев и испанцев. Морские просторы издавна манили мореходов. Финикийцы, греки и карфагеняне, избороздив вдоль и поперек Средиземное море, основали на Пиренейском полуострове свои колонии. Железным маршем прошагали по этой земле легионы древнего Рима. Они принесли с собой рабство, романский язык и культуру. А затем могучий Рим рухнул под ударами варваров, началось великое переселение народов, и на полуостров двинулись дикие орды аланов и вандалов, за которыми последовали вестготы.

В VII веке с Аравийского полуострова во все стороны света ринулись конные армии арабов. Воинственные мусульмане, мечом прокладывая дорогу учению пророка Магомета, вскоре покорили всю Северную Африку. А уже в VIII веке волна завоевателей хлынула на полуостров, и он долгие столетия оставался под игом

арабов (мавров). Непокоренные племена нашли себе пристанище в неприступных горах на севере и западе полуострова. Там они образовали мелкие независимые государства и пытались отразить наступление мавров.

Прошли века, и огромный арабский халифат стал постепенно распадаться, а мелкие государства на севере полуострова, наоборот, росли, крепили, объединялись и в свою очередь перешли в наступление. Началась реконкиста — отвоевание полуострова. Эта кровавая война христиан с мусульманами тянулась беспрестанно вплоть до XV века. Мусульманам приходилось отступать, оставляя область за областью. На Пиренейском полуострове в жестоких сражениях рождались два новых государства — Испания и Португалия.

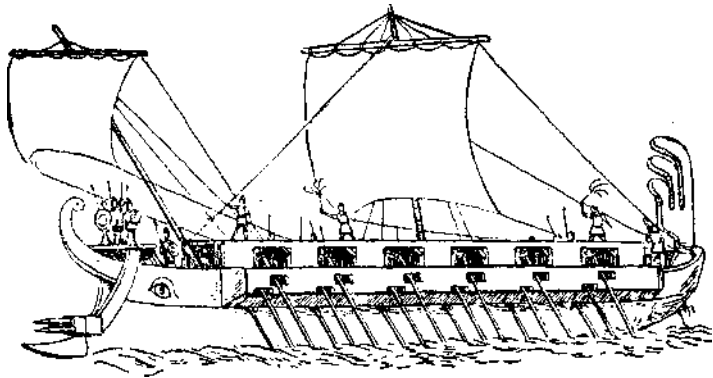
Португальцы изгнали мавров в 1249 году — на два с половиной века раньше, чем испанцы, и основали государство с сильной королевской властью. Уже в XIV веке маленькая Португалия — страна пахарей, виноделов и пастухов — создала могучий флот.

Но в то время она находилась в стороне от больших, очень важных торговых путей, которыми владели ее могущественные соперники: на Северном и Балтийском морях хозяйничал Ганзейский союз, на Средиземном море и его побережье, помимо арабов, торговали купцы североитальянских городов, в первую очередь Венеции и Генуи, и каталонцы из Испании. Средиземное море соединяло Западную Европу с великими торговыми путями на Восток — в Индию, Среднюю Азию и далекий Китай.

С Востока поступали пряности — перец, гвоздика, корица, мускатный орех, кардамон, шафран, которые в Западной Европе ценились на вес золота и были доступны одним лишь богачам. Этим пряностям даже приписывалась чудотворная сила. Без них не обходилось ни одно пиршество, они придавали самой однообразной пище остроту, вкус и аромат.

В азиатских странах торговлю пряностями, драгоценными камнями, жемчугом, изделиями из золота и слоновой кости, шелком, парчой, гобеленами, коврами, оружием, фарфором, ароматическими веществ-

в древности весельные галеры бороздили воды Средиземного моря главным образом вдоль побережья.

вами — ладаном, миррой — и другими драгоценными товарами монополизировали арабские купцы. Арабы завладели древними торговыми путями через Среднюю Азию и Аравийский полуостров. Бесконечным потоком шли товары: из Индии — морем, а из далекого Китая — владений великого хана — через всю Азию издревле известными караванными тропами — Великим шелковым путем. Караваны верблюдов медленно шагали по бескрайним степям и пустыням, преодолевали дикие, неприступные горы, пока не добирались до берегов Средиземного моря. Тут привезенные ими товары становились собственностью итальянских купцов, и генуэзские и венецианские парусники развозили их по всему побережью. Заморские товары, переходя из рук в руки, становились в стократ дороже. Торговля ими приносила баснословные барыши, и каждая страна стремилась захватить торговлю со странами Востока. Португалия не являлась исключением.

Однако, хотя Португалия и превратилась в XV веке в могущественное государство, она не могла и мечтать о господстве на Средиземном море — слишком сильными были ее соперники. Естественно, что взоры португальских феодалов, жаждавших богатства и новых земель, обратились к западному побережью Африки. Возбуж-

дая всеобщее любопытство, жадность и честолюбие, из уст в уста передавалась молва о таинственном материке, сказочно богатом золотым песком и слоновой костью, к тому же расположенном гораздо ближе к Португалии, чем далекая Индия. К ней еще надо было искать не захваченный конкурентами морской путь вокруг Африки.

Но бескрайний, неведомый океан страшил мореходов. До сих пор они на своих парусниках и галерах ходили лишь вдоль его берегов, не отваживаясь отправиться вдаль.

Что было ведомо людям средневековья о необозримых просторах океана, о форме и величине Земли?

Ведь уже Аристотель — один из величайших умов древней Греции — утверждал, что Земля — это шар. А греческий географ Эратосфен первый в мире, и довольно точно, определил длину земной окружности.

Однако в средние века эти и многие другие открытия античного мира, которые такгодились бы мореплавателям и открывателям новых земель, оказались погребенными под сводами темных келий европейских монастырей, были утеряны и забыты. Просвещение заглохло, даже правители не умели ни читать, ни писать. Процветали суеверие, предрассудки, невежество. Бывало, что целые страны и народы с трепетом ожидали страшного суда.

Монахи и священники отвергли идею шарообразности Земли. В учении о Земле и Вселенной господствовали библейские представления. Так, например, монах Козьма Индикоплевст утверждал, будто Земля не шар, а четырехугольник, подобный ларю Моисея, и что эту четырехугольную Землю со всех сторон окружает океан, который вместе со своими четырьмя заливами — Среднеземным, Красным, Персидским и Каспийским морями — отделяет населенную людьми сушу от восточных стран, где расположен рай и берут начало четыре реки — Нил, Ганг, Тигр и Ефрат. Сверху Землю плотно прикрывает четырехугольный небесный свод. В верхней части его — царствие небесное. Там, вокруг высокой конусообразной горы, возвышающейся на севере, ангелы вращают небесные светила.

Морское чудовище увлекает корабль в пучину (по старинной гравюре).

Мрак невежества застилал людям взор, и им мерещились всякие чудовища и привидения. Шла молва, будто за краем Земли обитают диковинные люди — об один глаз или об одну ногу, без носа или рта, с собачьей головой или лошадиными ногами. По ночам над океаном гаснут звезды, и суда в кромешной тьме сбиваются с пути, днем же под палящими лучами солнца вода в море закипает и становится тягучей, как смола. Моряков подстерегают огромные единороги, пронзающие зараз три корабля, из пучины поднимаются гигантские осьминоги, обхватывают длинными щупальцами судно и увлекают его в бездну.

Но шло время, и Европа понемногу освобождалась от невежества, пробуждалась от тяжкого сна. Этому в какой-то степени способствовали крестовые походы, организованные в XI—XIII веках Римской церковью для освобождения Палестины и «гроба господня» от неверных. Проходили они под эгидой распространения христианства, но их действительной целью было порабощение, ограбление народов Ближнего Востока и

захват торговых путей. Эти закончившиеся бесславно походы значительно расширили кругозор европейцев, углубили их географические познания и вызвали тягу к путешествиям и поискам новых земель. Побывав в чужих странах, участники крестовых походов познакомились с мусульманской культурой и с удивлением обнаружили, что арабы сохранили научные богатства античного мира, знакомы с учениями древних философов, математиков и географов, хранят старинные рукописи, торгуют со странами Востока и совершают дальние путешествия.

Вскоре после этих походов в Европе наступила великая эпоха Возрождения, когда ожили античная наука и искусство, стала развиваться техника.

Преодолев страх перед неведомым океаном, европейцы отправились на поиски новых морских путей и уже в XIII—XIV веках открыли Канарские острова, которые приобрели потом большое значение для испанских мореплавателей как опорный пункт их походов за океан. Захватив эти острова, испанцы безжалостно уничтожили населявших их туземцев-гуанчей.

А Португалии широкие перспективы поисков новых стран и новых морских путей к богатому Востоку сулил только южный путь вдоль Африканского побережья. В начале XV века португальцы предприняли попытку завоевать северо-западную часть Африки — теперешнее Марокко. Один из военачальников, двадцатилетний принц Энрике, допрашивая пленных арабских купцов, узнал из их уст о богатой стране, расположенной за горами, к югу от великой пустыни Сахары. Купцы поведали принцу, что в пустыне имеются оазисы, населенные людьми, и что мавры посылают караваны через бесплодные пески, и они выходят к широкой реке, в страну, поросшую густыми зелеными лесами, и привозят оттуда золото и чернокожих рабов. По-видимому, решил Энрике, это и есть та сказочно богатая страна Офир, в которой по библейским преданиям царь Соломон добывал золото для Иерусалимского храма.

И молодой полководец возвратился из Марокко домой с твердой решимостью снарядить суда и на-

править их в разведку к западным берегам Африки, чтобы найти морской путь в эту обильную золотом страну, а затем и в страны Востока.

Король назначил Энрике магистром великого ордена Христа. Этот орден был основан для борьбы с неверными и за долгие века своего существования накопил несметные богатства, которые молодой магистр мог теперь использовать для осуществления своих замыслов.

ПОРТУГАЛЬЦЫ И ВЕЛИКИЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

Энрике-Мореplаватель. — «Черное золото» идет в Лиссабон. — Монополия португальцев на морской путь и земли «вплоть до индийцев». — Золотой Берег. — Бартоломеу Диаш у мыса Доброй Надежды.

В XIX веке принца Энрике назовут Мореplавателем, хотя после марокканской экспедиции он больше ни разу не выходил в океан. Став магистром, он удалился в юго-западную часть королевства, в свой замок на скалистом мысе, вокруг которого бушевали океанские волны. Здесь он оборудовал обсерваторию и организовал школу мореplавателей, собрав моряков из Португалии и других стран, а также астрономов и картографов, математиков и астрологов со всей Европы, Мореходы составляли карты, обучались плаванию по компасу, собирали сведения о морском пути в Африку и Индию.

Свыше четырех десятков лет, до самой своей смерти, Энрике снаряжал одну экспедицию за другой, чтобы разведать и захватить берега Африки и найти дорогу в Индию. Золото, уничтожение мавританского могущества и распространение христианства — вот три цели, вдохновлявшие принца и его моряков.

То был век, когда все жаждали золота. Алхимики всеми способами пытались добыть «философский

камень», обладавший чудесной силой превращать любое вещество в заветный металл. Другие люди считали, что золото — это окаменевший солнечный свет и потому его надо искать в тропических странах, где много солнца и кожа у людей черная. Для этого надо было продвигаться все дальше и дальше на юг вдоль пустынных берегов Африки, вдоль голых, жгучих песков Сахары, где не росло ни единого деревца, ни единого кустика или травинки, где ничто не сулило богатства и наживы.

В океане португальские мореходы неожиданно обнаружили группу островов, поросших могучими прекрасными лесами. Самый большой из них они нарекли Мадейрой («Лес»). Португальцы вырубili и сожгли могучие деревья, устроили на острове плантации сахарного тростника, разбили виноградники. Пытались они овладеть и Канарскими островами, которые принадлежали испанцам, но тщетно.

Моряки принца Энрике открыли также в океане, в тысяче четырехстах километрах к западу от Португалии, Азорские острова.

Наконец они осмелились обогнуть угрюмый и грозный мыс Бохадор (у 26° северной широты), до тех пор считавшийся непреодолимой преградой, пределом, который сама природа поставила человеку на западном побережье Африки. Здесь постоянно дули мощные северо-восточные ветры (пассаты), не сулившие судам возвращения к родному берегу. В пустыне нельзя было найти ни воды, ни пропитания. Люди сомневались, удастся ли вообще преодолеть жаркий тропический пояс. Ведь, согласно утверждениям ученых древности, отвесные лучи солнца сжигают там всю растительность и убивают все живое. Людей там нет и в помине.

Обогнув мыс Бохадор, португальцы действительно увидели бесплодный пустынный берег, но вскоре заметили редкие селения рыбаков и кочевников: значит и в тропическом поясе живут люди. Моряки начали охотиться за чернокожими африканцами. Нашли они и золотой песок.

В то время цены на рабов в Лиссабоне были высо-

На каравеллах мореплаватели отваживались
выходить в океан.

кие, и потому с каждым годом все больше кораблей отправлялось к берегам Африки, и нередко они возвращались оттуда с немалой добычей. Вот, например, какой эпизод занесен в хронику того времени:

«Наконец-то господу богу, воздателю добрых дел, угодно было за многие бедствия, перенесенные на его службе, даровать им победоносный день, славу за их

труды и вознаграждение за убытки, так как захвачено всего мужчин, женщин и детей 165 голов». Началась массовая торговля чернокожими невольниками.

Благочестивый принц Энрике вытребовал для себя право на пятую долю доходов от продажи чернокожих в рабство.

Вскоре португальцы основали на Африканском побережье колонии и вступили с туземцами в меновую торговлю, получая за куски пестрой материи шерстяные накидки, утварь, седла, коралловые и стеклянные бусы, зеркала и разные побрякушки чернокожих рабов из Гвинеи, золотой песок из Тимбукту, верблюжьи, львиные и буйволы шкуры, страусовые яйца, ароматические смолы и другие ценные товары.

За невольниками — «черным золотом» или «черной слоновой костью» — устремились целые караваны судов. Работорговцы изобрели даже новый способ насаждения европейской культуры и христианской веры: они покупали главным образом на Канарских островах (их название *Insulae Canariae* на латинском языке означает «Собачья острова») огромных свирепых собак и дрессировали их для охоты на людей.

Лиссабон стал крупнейшим центром работорговли в Европе. Конкурировать с ним могла лишь Севилья в Испании, куда, помимо африканцев, привозили для продажи также гуанчей с Канарских островов.

Стремительный рост работорговли толкал на поиски все новых и новых земель, способствуя географическим открытиям. Давно уже осталась позади голая, мрачная пустыня Сахара. Каравеллы завоевателей продвигались вдоль тропических берегов Африки все дальше на юг и вскоре достигли густонаселенного устья реки Гамбии.

То был богатейший берег, где имелись большие запасы золотого песка и слоновой кости, но главным источником наживы по-прежнему оставалась охота на негров. Она приносила такие баснословные барыши, что португальцы надолго приостановили свое продвижение на юг вдоль морского побережья и охотились на людей у устьев больших рек, проникая все дальше в глубь материка. В океане они случайно обнаружили

пустынные, никем не заселенные острова Зеленого Мыса.

Ревностный служитель Христа и проповедник его учения Энрике добился у римского папы монопольного права для Португалии на торговлю с африканскими странами, плавание в южных морях и захват побережья Африки «вплоть до индийцев».

Энрике-Морепоплаватель умер в 1460 году. Вся его деятельность — подготовка опытных мореходов и создание самого мощного по тому времени флота — сыграла огромную роль в истории Португалии, Морьяки этой страны научились строить быстроходные суда — каравеллы и смело отправлялись на них в океан. Они захватили в восточной части Атлантического океана четыре архипелага (за исключением Канарских островов, которые принадлежали Испании), обследовали и нанесли на карту западное побережье Африки — от Гибралтарского пролива до Гвинеи — протяжением в 3,5 тысячи километров, начали массовую торговлю чернокожими рабами.

Буржуазные историки создали много легенд об Энрике-Морепоплавателе и окружили его чело ореолом святости. Его уста якобы не знали вина и никогда не касались женских уст. Никому из оскорблявших его не случалось слышать от него сурового слова брани. Он был полон чистой любви к науке и верен сладостной мечте об Индии, где миллионы язычников пребывали во тьме и невежестве и не могли дожидаться обращения в христианство.

«Однако нет доказательств, — пишет советский ученый И. Магидович, — в пользу того, что принц руководился такими побуждениями. Индия была очень далека, африканские рабы и золото были, во всяком случае, гораздо ближе».

После смерти Энрике португальцы занялись главным образом охотой на негров. Сначала они заманивали чернокожих на суда поодиночке или небольшими группами, захватывали рыбаков в море, но вскоре стали высаживать для поимки негров вооруженные отряды с дрессированными собаками, оцеплять селения и даже целые районы. Они брали в плен сотни

людей, отбирая самых крепких и здоровых: стариков и детей безжалостно уничтожали. Заслышав о приближении белых дьяволов, которые убивают издалека громом и молнией, африканцы в ужасе покидали приморскую полосу, и португальцы отправлялись все дальше на юг в поисках районов, где никто еще не охотился на людей.

В 1482 году они основали в Гвинее, на Золотом Берегу, колонию и построили форт, назвав его Сан-Жоржи-да-Мина («Рудник святого Георгия»), так как в этом районе были открыты крупные месторождения золота. Вскоре на картах рядом с Золотым Берегом появились Берег Слоновой Кости, Перцовый Берег, названный так потому, что африканцы привозили сюда для обмена пахучие семена, похожие на азиатский перец, и Невольничий Берег. Эти названия красноречиво свидетельствуют об истинных намерениях португальцев.

Вскоре они пересекли экватор, открыли устье могучей реки Конго и двинулись дальше на юг, обследовав неизвестный ранее западный берег Африки к югу от экватора вплоть до 22° ю. ш.

В 1487 году король Португалии послал по южному морскому пути три каравеллы под командой Бартоломеу Диаша.

Диаш вышел из форта Мина, пересек южный тропик и за ним открыл новый пустынный берег. Тут поднялась страшная буря и погнала две каравеллы Диаша в открытый океан. Их долго относил все дальше на юг; берег исчез из виду, и Диаш больше не смог найти его. Тогда он решил, что уже миновал южную оконечность Африки. Так это и было. Добравшись здесь до берега, Диаш повел свои корабли вдоль него на восток и вскоре понял, что находится уже в Индийском океане. Тогда он повернул обратно и привез на родину радостную весть: морской путь в Индию вокруг Африки открыт! Так было опровергнуто утверждение античного ученого Птолемея, будто Африканский материк простирается до самого Южного полюса, а Индийский океан представляет собой замкнутый бассейн.

Богобоязненный Энрике-Мореplаватель — организатор охоты на рабов (по старинной гравюре).

Мыс у южной оконечности Африки, где он перенес двухнедельный шторм, Диаш назвал «Торментозу» («мыс Бурь»), но король после возвращения экспедиции в Лиссабон приказал переименовать его в мыс Доброй Надежды.

Однако надежда на быстрое достижение Индии была не так-то легко осуществима: ведь Лиссабон от южной оконечности Африки отделяло огромное расстояние в десять тысяч километров. И кто мог знать, сколько еще предстояло плыть от мыса Доброй Надежды до Индии... В ближайшие несколько лет португальцы не предприняли ни одной попытки продвигнуться вперед. Они словно переводили дыхание и набирались сил перед грандиозной экспедицией Васко да Гамы в Индию, к далеким берегам Азии.

Успехи Португалии на Африканском побережье вызвали огромный интерес и в Испании. Эти обе страны, несмотря на родственные связи их государей, жили в вечных раздорах и вражде. Португальский король приказал своим морякам безжалостно топить каждое иноземное судно, если только оно осмелится появиться у берегов Африки. Побережье этого материка, а также южный морской путь в Индию португальцы считали своим владением и не собирались ни с кем делиться добычей.

ИСПАНИЯ НА ПУТИ К МОГУЩЕСТВУ

Создание единого королевства Испания. — Подавление самовластия крупных феодалов. — Инквизиция. — Война с маврами. — Католические короли — идеал монарха. — Страсть к наживе — болезнь века. — Древние торговые пути во власти турок.

На Пиренейском полуострове, рядом с быстро развивавшейся Португалией, из многочисленных феодальных княжеств, беспрестанно воевавших друг с другом и с их общим врагом — маврами, оттесненными уже на самый юг полуострова, рождалось

единое испанское государство — могущественная абсолютная монархия.

В последний период создания единого испанского королевства, в 1469 году, состоялось бракосочетание кастильской королевы Изабеллы с наследником арагонского престола Фернандо, — так были объединены два крупнейших пиренейских государства — Кастилия, с принадлежавшим ей Леоном, и Арагон, которому были подвластны Каталония, Южная Италия с городом Неаполем и остров Сицилия.

Изабелла и Фернандо, прозванные впоследствии католическими королями, всячески старались усилить свою власть, прежде весьма ограниченную. В течение столетий в беспрестанных войнах с маврами возникло множество мелких государств, возглавляемых могущественными феодалами-грандами, которые не желали подчиняться королям, не признавали их чиновников. Во владениях грандов нельзя было ни собирать подати, ни вершить суд, ни усмирять бунтовщиков.

Крупные и мелкие феодалы враждовали между собой и вместе со своими вассалами совершали набеги на соседние замки, опустошали поля, грабили селения и города. На дорогах хозяйничали разбойничьи шайки. Смута и беззаконие царили в Испании.

Своеволие крупных феодалов можно было обуздать только вооруженной силой. Король и королева создали свое войско и одного за другим разгромили непокорных грандов, сравняли с землей замки, зачастую превращавшиеся в разбойничьи гнезда, и возвратили церкви и монастырям земли, похищенные у них феодалами. Так католические короли обеспечили себе поддержку церкви.

В этой борьбе Фернандо и Изабелла пользовались помощью мелкопоместных дворян — идальго и поддержкой богатых городов и портов. Но затем короли безжалостно расправились с городами, в особенности с трудовым людом — ремесленниками и крестьянами, — утопив в крови их стремление к свободе.

Для борьбы с бунтовщиками и еретиками католические короли создали высший церковный суд —

инквизицию и в 1482 году назначили на пост великого инквизитора Томазо Торквемаду. Костры инквизиции запылали по всей стране. По приказу одного лишь Торквемады было сожжено свыше восьми тысяч человек. Церковь превратилась в самое страшное оружие абсолютизма.

Одновременно с процессом объединения Испании продолжалась и нескончаемая война с маврами. Наконец, в начале 1492 года испанцы заняли Гранаду — последний оплот мусульман на Пиренейском полуострове. Так завершилась кровавая реконкиста, продолжавшаяся восемь веков. Вскоре государи приказали изгнать из Испании мусульман, а затем и евреев; при этом были убиты и ограблены сотни тысяч прилежных, трудолюбивых людей.

Эти католические короли в то время считались идеальными монархами. Так, например, итальянский историк и писатель Макиавелли в своем знаменитом трактате «Государь» писал о Фернандо:

«Государь должен особенно заботиться... чтобы, слушая и глядя на него, казалось, будто он — весь благочестие, верность, человечность, искренность, религия. Все же важнее видимость этой последней добродетели. .. Есть в наше время один государь, — не надо его называть, — который никогда ничего, кроме мира и верности, не проповедует, на деле же он и тому и другому великий враг...».

В другом же месте Макиавелли прямо называет Фернандо Арагонского по имени, с похвалой отзываясь о нем, как о государе, который благодаря вероломству и лицемерию превратился из слабого короля в первого монарха христианского мира.

Фернандо и впрямь был коварным, жестоким интриганом, ловким и вероломным дипломатом. Он не гнушался никакими средствами для достижения своей цели и не скрывал своего истинного лица. Рассказывают, будто испанский монарх в ответ на жалобу французского короля, утверждавшего, что Фернандо дважды его обманул, насмешливо воскликнул: «Он лжет, я обманул его, по крайней мере, десять раз!»

Зато Изабелла, превозносимая историками как благочестивая и милосердная правительница, наделенная многими добродетелями, умела ловко маскировать свои жестокость, коварство и лицемерие туманными фразами, фанатической религиозностью и лживой обходительностью и сердечностью. В то же время она, из любви к Христу и святой деве Марии, без стеснения грабила целые провинции и города, набивая сундуки имуществом жертв инквизиции.

Таковы были государи, вскоре превратившие Испанию в самое сильное государство Западной Европы.

Образование могущественных абсолютных монархий сопровождалось во всей Западной Европе постепенным разложением феодализма. Его разрушали деньги, ставшие большой силой и превратившиеся благодаря широкому развитию торговли в средство обмена. Зарождалась новая эра — эра капитализма. Стремительно росла потребность в золоте.

Западную Европу охватила всеобщая жажда золота, жажда обогащения. Голое, ничем не прикрытое стяжательство губило души людей и провозглашалось высшей добродетелью человека. Поэты воспевали золото — этот удивительный металл, дитя земли и солнца, это новое божество, которое заставляет безногого ходить, немое — говорить, а безрукого — тянуться за сверкающими слитками, ибо тот, кто обладает золотом, может купить все, что пожелает — власть, честь, славу, любовь, даже папское благословение и райское блаженство. Слабого золото делает сильным, правду превращает в ложь, а ложь — в правду.

По словам Фридриха Энгельса, главной движущей силой цивилизации стало низменное стяжательство, а ее единственной определяющей целью — обогащение не всего общества в целом, а отдельного жалкого индивида.

Но достигнуть этого богатства становилось все труднее: над торговлей Европы с Востоком, приносившей огромные барыши, нависли грозные тучи.

Турки-сельджуки, предприняв успешные походы в Малую Азию и Аравию, заняли в 1453 году Кон-

стантинополь, а затем захватили весь Балканский полуостров, вторглись в Крым, покорили Аравию и Египет, проникли в Среднюю Европу и теперь вместе со своими североафриканскими вассалами господствовали на Средиземном море, преградив и так не слишком надежный — далекий и тяжелый путь на Восток.

Турки облагали торговые караваны данью, а то и просто грабили их по дороге — старинные торговые пути совсем заглохли и богатые города Италии — Венеция, Генуя, Флоренция — стали постепенно терять свое могущество.

В то же время спрос на восточные товары возрос до небывалых размеров, и жажда наживы, которую приносила торговля, все больше разгоралась. Во что бы то ни стало нужно было открыть морской путь в Индию!

Южный морской путь вдоль берегов Африки захватила Португалия. На долю других стран, расположенных у Атлантического океана, в том числе и Испании, оставался лишь морской путь на Запад — через неведомый океан. Только там можно было рассчитывать на новые земли, рынки сбыта и богатство, которых в равной степени жаждали и испанские государи, и купцы, и знатные гранды, и католическая церковь, и мелкопоместные идальго, — эти последние после прекращения войн лишились привычного занятия и могли теперь составить ядро вооруженных сил для заокеанской экспансии.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Детство и юность, окутанные тайной. — Плебей или дворянин, ученый или самоучка? — Христофор Колумб в Португалии. — Рассказы моряков и древние мифы об океанских странах.

К тому времени, когда исторические условия для великих заокеанских походов созрели, на Пиренейском полуострове поселился выходец из Генуи, Христофор Колумб.

Жизнь Колумба, в особенности его детство и юность, а также годы, проведенные в Португалии и Испании до великих путешествий, скрыты покровом тайны. Сведения о них очень скудны, и то немногое, что дошло до нас, вызывает сомнения и споры. Некоторые биографы даже утверждают, что Колумб вышел из морских пиратов или работоторговцев, был авантюристом, человеком с темным прошлым и потому так тщательно скрывал свое происхождение. И в самом деле, ни в письмах Колумба, ни в документах почти нет сведений о его юности, если не считать некоторых неясных намеков. Поэтому неудивительно, что о жизни Христофора Колумба слагались легенды.

Больше всего противоречий и вымысла содержит его жизнеописание, изданное в 1571 году в Венеции. Автором его считают сына Колумба Эрнандо (что, однако, точно не установлено). В нем говорится о предках великого мореплавателя и о его жизни до прибытия в Португалию.

Согласно утверждению автора жизнеописания, Колумб был отпрыском древней аристократической фамилии, ведшей свое начало от римского проконсула Коло. Этот славный род дал миру многих знаменитых мужей, в том числе и нескольких адмиралов. В войнах и невзгодах род утратил богатство, но отец Колумба все же отправил сына в Павианский университет, где он успешно изучал космографию, астрономию и геометрию. В четырнадцать лет Христофор закончил курс наук и впервые вышел в море. Он стал отличным капитаном.

В 1477 году Христофор Колумб якобы совершил путешествие в Исландию и даже прошел еще 5° дальше на север, то есть участвовал, очевидно, в дальней арктической экспедиции. По возвращении он будто бы примкнул к знаменитому в то время корсару — тоже Колумбу, который состоял на службе у французского короля и сражался за него с турками, венецианцами и другими противниками.

По приказу корсара Христофор Колумб напал вблизи Португалии на четыре венецианские галеры, груженные дорогими товарами. Разгорелся жестокий

бой, длившийся с утра до ночи. Христофор Колумб со своими людьми взял вражескую галеру на бордаж и чуть было не захватил ее, но тут оба судна загорелись. Все оставшиеся в живых попрыгали в море. Будучи прекрасным пловцом, Христофор уцепился за весло и так достиг португальского берега.

Рассказывают, что затем он отправился в Лиссабон, где встретил друзей отца и других земляков, оказавших ему всяческую помощь и поддержку. Приятная внешность, тонкое обхождение и особенно благочестие располагали к нему окружающих. Набожный юноша ревностно посещал монастырские вечерни и познакомился там с бедной девицей благородного происхождения, на которой вскоре женился.

Биограф рассказывает, будто однажды в доме Колумба нашел пристанище его старый товарищ, кормчий дальних морей, чудом уцелевший во время необыкновенного путешествия. Он шел из Испании в Англию, но сильный шторм погнал судно на запад в открытый океан. Долго носилось оно по волнам, пока не достигло берегов Индии. Высадившись «а берег, кормчий увидел совершенно нагих людей. Запасшись водой и дровами, он поспешно возвратился на судно. На обратном пути почти весь экипаж погиб от голода, уцелели только сам кормчий и трое матросов.

Колумб самоотверженно ухаживал за больным другом, но тому ничто уже не могло помочь. Перед смертью он якобы отдал Колумбу карту, на которой были обозначены открытые им земли. Так Колумб получил важные сведения, способствовавшие его смелой экспедиции за океан.

Однако, эта легенда, как и многие другие, не находит подтверждения в документах и высказываниях самого Колумба.

Но что же все-таки доподлинно известно о детстве и юности великого мореплавателя?

Можно считать установленным, что Христофор Колумб родился осенью 1451 года в Италии в приморском городе Генуе или в его округе, в семье шерстяника, достояние которой было не слишком велико.

Тем не менее, на честь называться родиной Колумба претендует еще с десяток городов Италии, расположенных недалеко от Генуи, а также во Франции.

По крайней мере до 1472 года юноша жил в Генуе или ее окрестностях и состоял в цехе шерстяников. Следовательно, великий мореплаватель был простолюдином. Без сомнения, позднее, в дни яркой славы, Колумб стыдился своего происхождения, ибо в Испании знатность рода и титулы имели большое значение. Но Эрнандо в биографии отца все же замечает: «Мне доставляет гораздо больше удовольствия считать, что отцовские титулы получены нами за его личные заслуги, нежели заниматься исследованиями, был ли отец купцом или дворянином, что позволило бы ему держать соколов или гончих собак».

Учился ли Колумб в школе или был самоучкой — неизвестно, но он владел по крайней мере четырьмя языками (итальянским, испанским, португальским и латинским), к тому же немало читал. Между прочим, знание латыни позволило ему ознакомиться с трудами современных и древних ученых.

В одном из своих писем Колумб утверждал, что он знает морские науки, астрологию, геометрию, умеет чертить карты и наносить на них города, реки и горы; что он изучал космографию, философию и историю и был связан с учеными людьми всех наций и религий. В другом же письме он отмечает что его познания весьма скудны.

Первое дальнее плавание Колумб совершил, очевидно, в 1473 или 1474 году: он участвовал в торговой экспедиции генуэзцев по Эгейскому морю.

В мае 1476 года Колумб отправился в Лиссабон в качестве представителя одного генуэзского торгового дома. Не исключено, что в Португалии он потом зарабатывал себе на жизнь ремеслом картографа: составлял и копировал карты вместе со своим братом Бартоломео. Неудивительно, что молодого генуэзца привлекала именно эта страна — в те времена она была самой деятельной морской державой в Европе, португальские мореходы достигли берегов Гвинеи,

а столица Лиссабон превратилась в крупный центр мировой торговли.

Колумб жил в Португалии около девяти лет: то в Лиссабоне, то на острове Мадейра, то на расположенном поблизости от него небольшом острове Порту-Санту.

Видимо, за это время генуэзец не раз принимал участие в дальних плаваниях. По его собственным словам, он побывал в Англии и в Гвинее — на Золотом Берегу. Впоследствии Колумб писал в своем дневнике, что он плавает по морям уже двадцать три года и повидал весь Восток и весь Запад.

В Лиссабоне Колумб женился на португалке Фелипе Муньиш, бедной девушке знатного рода, за которой взял небольшое приданое. В 1480 году у них родился сын Диего. Благодаря этому браку никому не известный чужестранец попал в круг влиятельных людей. Некоторое время он жил с семьей на острове Порту-Санту, где губернатором был дядя его жены.

Здесь Колумб мог знакомиться со старыми картами и судовыми журналами, встречаться с бывальыми моряками. Один из них рассказывал, что в открытом океане вытащил из воды кусок доски, покрытый невиданной резьбой, другой нашел полый бамбуковый ствол такой толщины, что между двумя узлами в него можно было влить около восьми пинт вина. Жители океанских островов нередко находили на берегу невиданно огромные сосны. А однажды течение прибило к одному из островов лодку с трупами людей, которые строением лица и тела не походили ни на европейцев, ни на африканцев. Иногда моряки, совершавшие дальние переходы, замечали на горизонте таинственные скалистые острова. Все это говорило о том, что в океане есть какие-то неизвестные земли.

В их существовании почти никто не сомневался. Еще во времена древних греков ходили легенды о таинственных странах посреди океана, на запад от Геркулесовых столбов (Гибралтарского пролива). Это нашло свое отражение в «Одиссее» Гомера, в трудах историка Геродота и сочинениях философа Платона.

Платон оставил потомкам чудесную легенду о

Христофор Колумб (по старинной картине).

Одна из них повествовала о том, как благочестивый аббат Брандан из Шотландии вышел со своим учеником в море на поиски райских островов с целью обратить туземцев-язычников в христианство. После долгих странствий они высадились на неизвестный остров, жители которого поклонялись могиле какого-то великана. Брандан пробудил великана от векового сна и обратил в христианскую веру. Великан рассказал ему о другом острове, со всех сторон окруженном стеной из чистого золота. Желая показать благочестивым мужам эту страну, великан бросился в море, взялся за канат и повел корабль Брандана по волнам. Но лишь только, гласит легенда, они приблизились к острову и, сотворив молитву, ступили на него, земля под ними закачалась и им пришлось вернуться на корабль. Уже издали они увидели, как таинственный остров поглотила морская пучина.

Эту землю — остров Брандана — будто бы видели многие моряки, проходившие к западу от Азорских островов, но всегда, как только судно приближалось к нему, таинственный остров отступал, исчезал из вида.

История Антилии, или острова Семи Городов, была такова. После завоевания Испании маврами семь епископов, спасаясь от меча мусульман, вместе со своей паствой вышли на семи кораблях в океан и отправились на запад. Претерпев ужасную бурю, они высадились на большом острове, и епископы сожгли корабли, чтобы заставить свою паству остаться на острове. Они построили семь чудесных городов, которые не дано было увидеть ни одному смертному из Старого Света.

Плавучий остров Бразил, согласно легенде, хранит в своих пещерах несметные богатства.

За этими островами лежит безбрежный океан — Море Мрака, полное ужасов и опасностей.

А за океаном в неведомой дали, наверное, скрывался сказочный берег Азии. Ведь земля — шар, и если плыть через океан на запад, приставая по пути к упомянутым островам, можно достичь Азиатского материка...

Этот путь казался легче и короче морского пути вокруг Африки, Здесь требовались лишь упорство и отвага, чтобы преодолеть страх перед неведомым океаном. Ведь недаром Древнеримский философ Сенека предсказал когда-то, что придет время и Океан развяжет сковавшие людей узы и будет открыта громадная земля и Крайняя Фула перестанет быть границей мира.

Так у Христофора Колумба созрел отважный план.

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ ВОСТОКА

Послание Паоло Тосканелли. — Джон Мандевиль — средневековый Мюнхгаузен. — Венецианский купец Марко Поло. — Сказочные богатства страны великого хана и других стран Востока. — Ошибки в проекте Колумба — причина великого открытия.

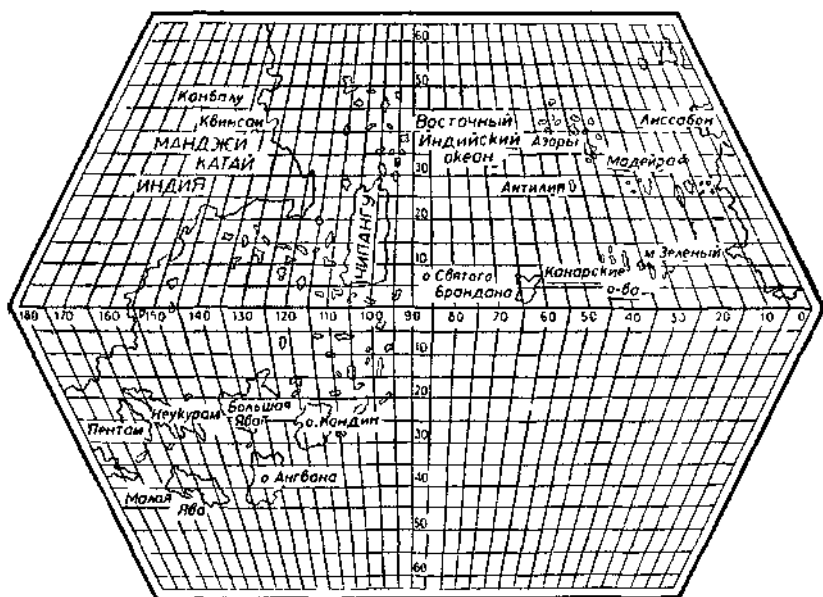
Мысль о существовании западного морского пути в Индию еще раньше возникла у известного флорентийского астронома и космографа Паоло Тосканелли. Он написал португальскому королю большое послание, в котором, между прочим, указал, что в Индию есть гораздо более короткий путь, чем тот, который ищут вокруг Африки португальские моряки. К письму прилагалась карта. Тосканелли писал: «Я знаю, что существование такого пути может быть доказано на том основании, что земля — шар. Тем не менее, чтобы облегчить предприятие, отправляю его высочеству карту, сделанную мною собственноручно. На ней изображены ваши берега и острова, откуда вы должны плыть непрерывно к западу; и места, куда вы придете, и как далеко вы должны держаться от полюса и экватора; и какое расстояние вы должны пройти, чтобы достигнуть стран, где больше всего разных пряностей и драгоценных камней. Не удивляйтесь, что я называю Западом страны, где растут пряности,

Паоло Тосканелли — флорентийский астроном и космограф.

тогда как их обыкновенно называют Востоком, потому что люди, плывущие неуклонно на запад, достигнут восточных стран за океаном в другом полушарии. Но если вы отправитесь по суше через наше полушарие, то страны пряности будут на востоке...».

Карта Тосканелли (реконструкция).

Затем Тосканелли рассказывал о богатствах страны великого хана — Китай, о ее могучих реках, о сотнях городов и мраморных мостов, о богатом городе Кинсее, или Квинсее (Небесный город), имеющем сто миль в охвате, и острове Чипанго, изобилующем золотом, жемчугом и драгоценными камнями.

Колумб переписывался с Тосканелли, и тот прислал ему копию своего послания королю и карту. Очевидно, Колумб изложил Тосканелли и свой замысел, так как флорентиец ответил ему, что считает его проект плавания с востока на запад великим и благородным.

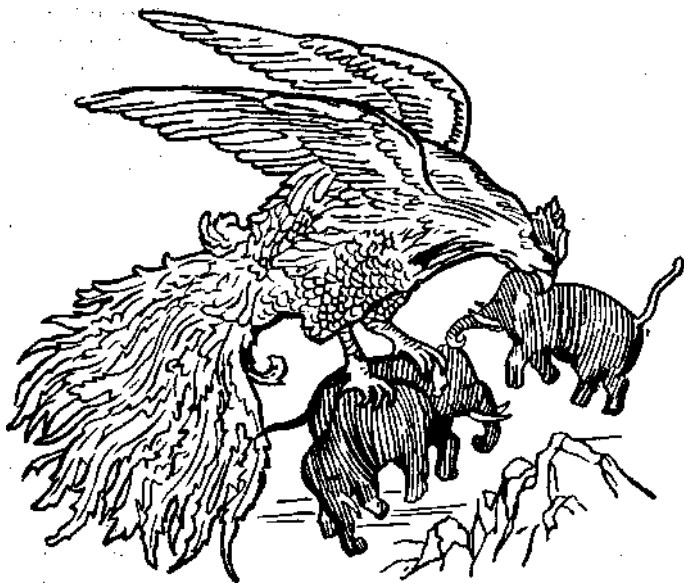
Особенно обрадовался Колумб утверждению Тосканелли, будто протяженность Европы и Азии вместе составляет едва ли не две трети земного шара, то есть 230° широты. Таким образом, на долю запад-

ного морского пути в Индию оставалось всего лишь 130°. «Часть моря, которую нужно проплыть по неизвестному пути, незначительна», — подчеркивал Тосканелли. Это было ошибкой, которая, однако, оказала большое влияние на решение Колумба, и не будь ее, кто знает, отважился ли бы он выйти в океан.

Колумб, очевидно, внимательно изучал не только тогдашние карты мира, но и книгу кардинала Пьера Д'Альи «Imago Mundi» («Картина мира»), содержащую все известные в то время сведения по космографии. Эта книга стала неразлучным спутником Колумба во время его экспедиций. Особенно важно для Колумба было утверждение автора, что суша якобы занимает большую часть поверхности земного шара и расстояние между Европой и Азией не очень велико — при попутном ветре его можно преодолеть за несколько дней. О том же говорили и некоторые другие ученые.

Но в те времена сведения о дальних странах и морях были скудны, противоречивы и туманны, а подчас — и просто фантастичны. Не прекращалась молва о кровожадных людоедах, населяющих страны за высокими горами, об амазонках и сиренах, о людях с одним или четырьмя глазами, о киноцефалах — людях с собачьими головами — и гиппоподах — людях с лошадиными ногами. Рассказывали также, что на краю земли живут безносые люди с такой длинной нижней губою, что ею можно пользоваться как плащом или зонтиком. У людей другого племени всего лишь одна очень толстая нога.

Ни один дневник средневековых путешественников не обходился без подобных небылиц. Но всех их, вероятно, превзошла книга сэра Джона Мандевиля — английского дворянина (лицо явно вымышленное), в которой он описал путешествие по Персии, Индии и Китаю, позаимствовав многое из книг других авторов. По сей день неизвестно, кто скрывался за этим именем — фантазер, шутник или ученый, но в то время книга его была одной из популярнейших в Европе. По свидетельству современников, Колумб тщательно изучал и подобную литературу.

Мифическая птица гриф подымает в когтях слонов
(по старинному рисунку).

Мандевиль легко мог бы состязаться с Мюнхгаузеном. Так, он рассказывал, будто попал однажды на берег огромного песчаного моря, в котором жили рыбы, а холмы вздымались и опускались, как океанские волны. В это море впадали кровавые реки. Он видел деревья, которые давали шерсть, муку и мед; бывал на островах, населенных людьми в двенадцать футов ростом, где женщины были так свирепы, что убивали одним взглядом. В своей книге он упомянул золотой и серебряный острова в устье Ганга и земли, покрытые вечным туманом, которые никто не отваживался посещать. Оттуда лишь изредка доносился крик петухов или лошадиное ржание. В одной из дальних стран, по его словам, есть Долина Ужасов, где бродят демоны и другие злые духи. Ужасная птица гриф подымает высоко в воздух слона, а то и целый корабль,

и бросает на землю. Жители одной страны насыщаются ароматом яблок, у других вместо рта узкая щель, и они принимают пищу через соломинку, у третьих такие большие уши, что в них можно завернуться, как в плащ, четвертые же не имеют головы, а глаза и рот у них расположены на груди.

Но даже эти невероятные рассказы Мандевиля содержали в себе крупицу истины — подтверждали идею о шарообразности Земли. Когда путешественник, побывав в Индии и посетив пять тысяч островов, отправился дальше в путь, он попал вдруг в страну, где говорили на его родном языке и где землепашцы по-нукали волов точно такими же возгласами, как у него на родине. Оказалось, что он, сам того не ведая, возвратился туда же, откуда начал свой путь.

Хотя книгу Мандевиля с восхищением читала вся Европа, никто не мог с уверенностью сказать, что автор видел все эти восточные чудеса своими глазами. Но в то время было уже немало людей, которые и впрямь посетили удивительные страны Востока, побывали в дальних краях Азиатского материка и могли сообщить о них правдивые сведения.

В необъятные владения ханов монгольской империи в центральных районах Азии отправлялись и монахи — посланцы и соглядатаи папы римского, — и купцы, которые искали рынки сбыта и собрали немало полезных сведений.

Из купцов особо следует отметить венецианца Марко Поло, который побывал в дальних областях Азии, куда еще не ступала нога европейца, и сделал немалый вклад в развитие географических представлений.

Отец Марко Поло — Никколо и дядя — Маффео уже четырнадцать лет торговали в странах Востока и побывали в Крыму, в Средней Азии и Китае.

В 1271 году Никколо и Маффео снова отправились на Восток и взяли с собою семнадцатилетнего Марко Поло. Они добрались до Ханбалыка (Пекина) — тогдашней столицы великого монгольского хана (великими ханами называли потомков Чингисхана).

Марко Поло прожил в Китае свыше пятнадцати

лет — до 1290 года. Он много путешествовал, ознакомился с обширной территорией, вплоть до Бирмы и Индокитая, и собрал сведения о стране в океане — Сипанго (Япония).

Из Китая венецианцы возвращались на родину морем вдоль восточного берега Индокитая и вышли в Индийский океан между Малаккским полуостровом и Суматрой. По пути к Персидскому заливу Марко Поло побывал на Цейлоне.

В 1295 году, после двадцатичетырехлетнего отсутствия, Марко Поло вернулся в Венецию и написал книгу о странах Востока.

Эта книга разожгла воображение людей так же сильно, как впоследствии «Приключения Робинзона Крузо» Даниеля Дефо или захватывающие романы Жюль Верна. Христофор Колумб тоже читал рассказы знаменитого венецианца. Найден латинский экземпляр этой книги с заметками Колумба на полях.

Особенно большое впечатление произвело на Колумба описание сказочных богатств Востока.

Вот как, например, описывает Марко Поло резиденцию великого хана в столице монгольской империи Ханбалыке.

«Большой дворец хана окружает квадратная стена четыре мили в округе, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана и различное оружие — луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, — все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угольные; всего по стенам восемь дворцов.

За этой стеной есть другая, и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя и оружие великого хана.

В главном дворце великого хана стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и по ним разрисованы драконы, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что кроме золота и живописи ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть.

Марко Поло — великий путешественник, посетивший азиатские страны (по мозаике).

Великому хану прислуживают триста тысяч невольников, а в золотых клетках содержится десять тысяч слонов и десять тысяч гончих соколов.

Великий хан ежегодно празднует два больших праздника: день своего рождения и Новый год. В первый из них он дарствует двенадцати тысячам князей и рыцарей сто пятьдесят тысяч дорогих одеяний, вытканых жемчугом и драгоценными камнями. Во второй праздник весь народ, все страны, области и царства приносят большие дары великому хану, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей. В этот день великому хану дарствуют, помимо прочего, сто тысяч коней под чудесными попонами, пять тысяч слонов, навьюченных дорогими сукнами и золотой посудой, и многое множество верблюдов.

Когда великий хан отправляется на охоту, он берет с собой добрых десять тысяч сокольников и егерей. Ездит великий хан в прекрасном деревянном покое, установленном на четырех спаренных слонах. Снаружи покой обтянут львиной кожей, а внутри обит вытканым золотом сукном».

Кто из европейских государей мог равняться с великим ханом, обладавшим таким могуществом и богатством? Рядом с ним они казались совсем нищими.

Описывая столицу Ханбалык с ее двенадцатью пригородами, Марко Поло рассказывает, что ни в один город мира не свозится столько дорогих и красивых товаров. Каждый день сюда приезжает более тысячи телег с шелковыми тканями. Из Индии везут драгоценные камни, жемчуг и другие ценные вещи.

Из городов южного Китая наибольшее восхищение вызвал у Марко Поло Кинсай (Ханчжоу). В этом городе, — рассказывал он, — двенадцать тысяч каменных мостов, и под сводами каждого могут проходить большие суда. Живет там множество искусных ремесленников и богатых купцов. Одна лишь торговля солью с Кинсаем приносит великому хану шесть миллионов золотых венецианских дукатов в год.

Во дворце прежнего царя провинции Манзи, говорит дальше Марко Поло, живет наместник великого хана Хубилая. Там двадцать огромных, роскошно убранных золотом залов; они так велики, что в каждом из них могут пообедать за одним столом десять тысяч человек. Башни замка крыты пластинами чистого золота и серебра с палец толщиной.

Очень важно с географической точки зрения свидетельство Марко Поло о том, что восточный берег Азии окружают не бескрайние непроходимые болота, как утверждал Птоломей, а океан, посреди которого есть и другие земли и острова, среди них Ципангу, или Сипанго (Япония).

Ципангу, по словам Марко Поло, большой остров на востоке, в тысяче пятистах милях от южной части Китая. Жители там белы, очень красивы и поклоняются идолам. Золота у них в стране великое обилие: дворец царя крыт чистым золотом, полы в покоях золотые, подоконники расписаны золотом. Жемчугу, драгоценных камней так много, что, знай себе, наклоняйся и подымай.

В Индонезии, или на островах Пряностей, рассказывает Марко Поло, земля удивительно плодородная; там много всяких богатств: роскошных деревьев — пальм, сахарного тростника и всевозможных пряностей. Можно ими грузить полные суда.

На Цейлоне, говорит он, добывают самые красивые в мире рубины, сапфиры, топазы, аметисты, гранаты, опалы и другие ценные камни. Самый красивый рубин — у тамошнего царя, такого никто не видел — в длину с пядь, а толщиной в человеческую руку, очень яркий и красный, как огонь.

Марко Поло описал также богатейшие залежи алмазов в горном ущелье, куда невозможно добраться из-за ядовитых змей. Люди бросают в ущелье куски сырого мяса, и алмазы пристают к ним. «В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей, — пишет Марко Поло. — Завидит орел мясо в глубокой долине, спускается туда, схватит его и потащит в другое место; а люди между тем пристально смотрят, куда орел полетел, и как только он усядется и станет

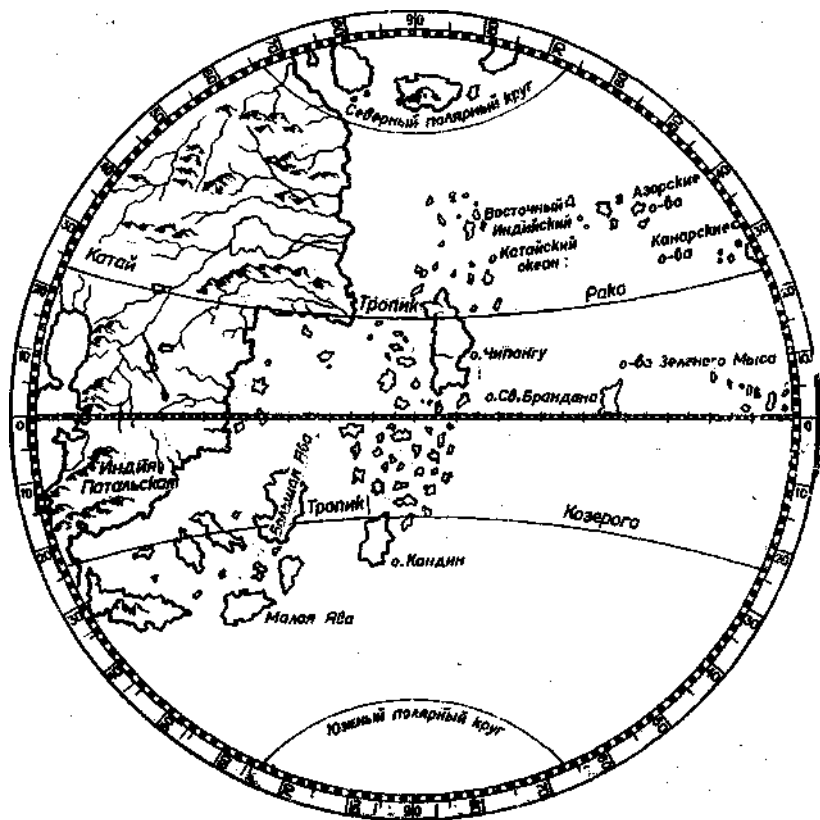
клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим еще способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, как вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем».

Неудивительно, что Колумб, начитавшись таких историй, был ослеплен золотым миражем Востока. Однако, чтобы добраться до этих сказочных богатств, надо было найти морской путь в Восточную Азию.

И у Колумба на основе всех этих фактов и легенд начал складываться план далекого морского путешествия в Индию, как в то время называли все страны Востока. Составляя этот план, Колумб допустил несколько серьезных ошибок. Не используя данных Эратосфена о длине земной окружности и основываясь лишь на неправильных сведениях ученых более позднего времени, он в своих расчетах брал неверную длину земной окружности — примерно на четверть меньше, чем в действительности. Кроме того, Колумб сильно преувеличивал протяженность материка Евразии с запада на восток. Если бы его расчеты оказались правильными, сегодняшний Токио находился бы на одном меридиане с Кубой.

Колумб собирался отправиться в путь с Канарских островов. Оттуда до Сипанго, по его мнению, надо было пройти на запад не более 4500—5000 километров. Суда того времени уже могли преодолеть такое расстояние. На самом же деле оно по крайней мере в четыре раза больше. Колумб не подозревал, какие огромные водные просторы отделяют его от заветной цели. Он даже не догадывался, что путь туда преграждает целый материк, названный впоследствии Новым Светом, и не узнал об этом до конца своих дней. Карта мира для него существовала без огромного Тихого океана.

Атлантический океан представлялся ему сравнительно узким морем. Ведь из библии было известно:

Западное полушарие на глобусе Бехайма 1492 г.

шесть седьмых земли занимает суша и лишь одну седьмую — океан. К тому же Колумб не собирался пересечь океан за один раз. Прежде чем достичь Индии, он надеялся найти среди водных просторов острова или страну, которые послужили бы ему опорной точкой. Ведь на картах мира были обозначены целые архипелаги — более семи тысяч островов, — и Марко Поло в своей книге рассказывал еще о тысячах островов в океане восточнее берегов Азии.

Но именно эти серьезные ошибки и просчеты привели Колумба к его великому открытию. По остроумному замечанию Виктора Гюго, если бы Колумб лучше знал космографию, он никогда бы не открыл Америки.

Однако, для реализации плана Колумбу нужны были морские суда, матросы, провиант, товары для меновой торговли, но у него не было ни денег, ни богатых друзей. Поэтому он решил предложить свой проект португальскому королю, чтобы в качестве командира экспедиции получить за свои труды достойную награду.

ГОДЫ ТОМИТЕЛЬНОГО ОЖИДАНИЯ

Неудача Колумба при португальском дворе. — Переезд в Испанию. — Первое свидание с королями Фернандо и Изабеллой. — Саламанская хунта. — Светлый луч во мраке тяжелых лет. — Все или ничего! — Содействие богатых купцов.

Почему же португальский король Альфонс V не воспользовался проектом Тосканелли? Очевидно, его советники с полным на то основанием усомнились в близости западного пути и сочли более разумным продолжать разведку берегов Африки, принесшую уже ощутимые результаты.

В 1481 году Альфонс V умер, и на престол вступил его сын Жуан II, который активно продолжил начатые принцем Энрике поиски морских путей. Колумб представил молодому королю свой проект и просил его снарядить три каравеллы, снабдить их годичным запасом провианта и товарами для обмена. Эти каравеллы отправились бы через океан в Индию — на остров Сипанго и в царство великого хана.

Колумб пустил в ход все свое красноречие и нарисовал заманчивые картины богатых заморских стран. Жуан выслушал его, но доводы гемузца не убедили короля, и он передал проект в специальный

«Совет математиков», который рассмотрел его лишь в 1484 году.

Колумб изложил членам совета свой план, и они легко обнаружили, что познания генуэзца в области математики и космографии очень скудны и заимствованы из книги Д'Альи. К тому же члены совета заметили, что генуэзец отбирает лишь те факты, которые говорят в пользу его проекта. Не вдохновили их и его красноречивые призывы обратиться в христианство язычников и использовать золото Индии для борьбы с мусульманами. Совет посчитал Колумба болтливым хвастуном и предложил королю отклонить его проект, как в корне ошибочный и к тому же повторяющий старый, забытый план Тосканелли.

Все же Жуан II продолжал переговоры с Колумбом. А тот был настолько уверен в успехе своей будущей экспедиции, что потребовал в награду за свои труды титул дворянина, чин адмирала и вице-короля всех земель, которые он откроет, а также десятую долю ожидаемых доходов. Король был разгневан дерзкими притязаниями генуэзца и окончательно отклонил проект. Ведь он привык к тому, что капитаны португальских судов никогда не требовали за свои открытия никаких особых прав. К тому же африканские экспедиции не позволяли расплывать силы и средства на другие начинания.

Потеряв всякую надежду на поддержку короля, Христофор Колумб после смерти жены в 1485 году навсегда покинул Португалию. Вместе с пятилетним сыном Диего он тайно перебрался в Испанию, очевидно, спасаясь от кредиторов или судебного преследования. Об этом свидетельствует письмо португальского короля Колумбу в Севилью, посланное им в 1488 году, должно быть, в ответ на просьбу генуэзца о разрешении приехать в Португалию. Король заверял Колумба, что на португальской земле он не будет арестован и не подвергнется также ни обвинению, ни привлечению к допросу по какому-либо уголовному или гражданскому делу.

Отец с сыном высадились на берег Испании в небольшом андалузском порту Палосе у Кадисского

залива и нашли пристанище в расположенном поблизости монастыре Рабида. Настоятель монастыря и другие духовные лица заинтересовались идеями Колумба и рекомендовали его богатым кастильским грандам, в том числе и герцогу Мединасели. Генуэзец просил у герцога снарядить три-четыре каравеллы, и герцог уже почти согласился выполнить эту просьбу, но вдруг вспомнил, что для отправки столь крупной экспедиции нужно испросить согласие королевы. Однако Изабелла вовсе не собиралась давать разрешение — крупные феодалы были заклятыми врагами королевской четы, а удачное заморское предприятие могло лишь усилить их влияние, богатство и славу. В то же время Изабелла и не запрещала этой экспедиции, а приказала передать вопрос на рассмотрение особой комиссии.

Такой неожиданный поворот отодвинул снаряжение задуманной экспедиции на шесть лет. Теперь оставалось лишь уповать на милость монархов, но их занимали совсем иные заботы. Подготовка решающего удара по маврам была сложной и тяжелой. Войска осаждали одну мавританскую крепость за другой. Фернандо и Изабелла часто появлялись в районе военных действий, и двор кочевал из города в город.

Колумб, оставив Диего в монастыре Рабида, поспешил в Кордову для встречи с их католическими величествами, но при дворе не обращали внимания на неприметного просителя. Лишь после девяти долгих месяцев ожидания Колумбу, наконец, удалось получить аудиенцию. Его выслушали внимательно и с интересом.

Изабеллу особенно воодушевила мысль об обращении язычников в христианство. Колумб выступил в роли слуги господня, который отправится в легендарную страну Офир и добудет для испанских монархов богатство, чтобы они успешно завершили войну с маврами и освободили в Палестине гроб господень.

Он пересечет океан, возглашал генуэзец, спасет языческие народы Востока от вечных мук, и слава Испании и ее католических королей прогремит на весь

христианский мир, а их благочестие будут превозносить на всех языках.

Фернандо же привлекла надежда опередить португальцев, добившихся в Африке таких блестящих успехов, и захватить богатства, так красочно описанные генуэзцем.

Но где взять средства для снаряжения экспедиции? Государственная казна была пуста: Испанию разорили бесконечные войны, а мавры еще не разбиты.

Король поручил своему исповеднику Эрнандо Талавере пригласить нескольких ученых мужей и обсудить с ними проект генуэзца. Это совещание, или хунта, состоялось зимой 1486—1487 года в Саламанке.

О Саламанской хунте ходят разные легенды. Рассказывают, будто некоторые из ее членов оказались столь невежественны, что отрицали шарообразность Земли и существование антиподов — стран и людей на другой ее стороне. Ведь если бы такие страны существовали, говорили они, люди там ходили бы вверх ногами и вообще все было бы наоборот: дождь падал бы снизу вверх, а деревья росли бы сверху вниз. Нет, такой страны быть не может!

Трудно, однако, представить себе, чтобы в те времена церковник или монах, претендовавший на ученость и являвшийся советником короля, решился бы оспаривать шарообразность Земли.

Другие члены хунты, хотя и не отрицали существования антиподов, все же считали невозможным добраться до них, так как в тропических морях будто бы бушуют горячие, как кипяток, волны. Обитаемым является одно лишь Северное полушарие, над которым простирается небо. С другой же стороны — хаос, бездна, бесконечная водная пустыня. Если бы и удалось достигнуть Индии морем, то как потом оттуда вернуться домой? С верхушки шара можно спуститься на его бок, но как снова взобраться на вершину?

Совет Талаверы представил королям свое заключение лишь в 1490 году: проект генуэзца был отклонен, доводы его признаны несостоятельными. На плавание в Азию потребуется не менее трех лет, если суда

вообще вернуться обратно, на что рассчитывать, по мнению комиссии, было трудно: океан гораздо шире, чем представляет себе Колумб, и местами недоступен для плавания; на другой стороне земного шара нет суши и из пяти зон Земли обитаемы только три; к тому же немыслимо, чтобы спустя столько времени после сотворения мира могли бы быть найдены большие, доселе еще неведомые земли.

Отказ, за исключением последнего пункта, был аргументирован и носил категорический характер.

Шесть лет, прошедшие между первой аудиенцией у королей и первой экспедицией, были самыми мрачными в жизни Колумба. Ему приходилось бороться с предрассудками, сносить тяжкие оскорбления и холодное равнодушие, насмешки и презрение, сталкиваться с вероломством, терпеть жестокую нужду. Гордый, легкоуязвимый генуэзец все же не терял веры в осуществление своих замыслов и переносил все невзгоды со стойкостью фанатика. Полный нетерпения, он следовал за двором из города в город, из одного военного лагеря в другой, писал бесчисленные просьбы и добивался, чтобы его выслушали влиятельные лица. Около четырех лет он пробыл в Кордове, какое-то время прожил в Севилье, влача жалкое существование: получал подачки от короля, грандов и духовных лиц, зарабатывал копированием карт.

В эти тяжкие годы в жизни генуэзца блеснул и светлый луч — Колумба полюбила бедная кордовская девушка Беатриса де Арана, очарованная его фантастическими рассказами. Юное, нежное существо помогло Колумбу снести горечь этих лет, заронило в его угрюмую душу искорки тепла и участия. Вскоре у них родился сын Эрнандо.

В конце своей жизни Колумб испытывал угрызения совести за то, что покинул мать своего ребенка, не сочетался с ней браком, забыл о ее любви и не возвратился к ней ни в дни своей славы, ни в годы опалы. Но разве брак с крестьянской девушкой мог прельстить честолюбивого человека, стремившегося к знатности, власти и славе!

В 1489 году Колумб был зачислен на королевскую службу и время от времени получал из казны значительные суммы. Его проект был снова рассмотрен экспертами, но и на сей раз его признали недостаточно обоснованным.

Имеются сведения, что Колумб в это время посылал своего брата Бартоломео к английскому королю и предлагал последнему свой проект заморской экспедиции, но опять потерпел неудачу. Он обратился также с письмом к португальскому королю Жуану II и даже посетил Лиссабон, но Жуан после успешной экспедиции Бартоломеоу Диаша к мысу Доброй Надежды потерял к генуэзцу всякий интерес. Проектом западного морского пути заинтересовался было французский король, но и он не давал никаких обещаний.

Колумб был в отчаянии — его идеи нигде не получали поддержки. Но вдруг Изабелла захотела еще раз выслушать генуэзца. В декабре 1491 года он прибыл в военный лагерь Санта-Фе, где в то время происходили драматические события — испанцы осаждали последнюю мавританскую крепость — Гранаду.

Победа над маврами увеличила шансы Колумба. Настал и его час: государи вспомнили о настойчивом просителе, открытия которого могли принести Испании столь же яркую славу, как и победа над неверными.

Однако и на сей раз чрезмерные требования генуэзца стали причиной отказа.

Этот удивительный человек, невзирая на нищету и долгие годы ожидания, потребовал еще более высокой награды, чем раньше. У герцога Мединасели он просил лишь несколько каравелл и самые необходимые средства, не мечтая ни о чести, ни о богатстве. А Изабелле и Фернандо он не постеснялся предъявить свои условия, не довольствуясь обещанными ему судами и королевской милостью. Генуэзец потребовал дворянского титула, звания вице-короля и губернатора всех открытых или завоеванных им земель, чина

адмирала моря-океана (великого адмирала), десятой доли доходов и драгоценностей, к тому же он хотел, чтобы все эти права, почести и титулы передавались по наследству его потомкам.

Колумб, получивший прозвище «человека больших посулов», захотел одним рывком обогнать всех знатных грандов, знаменитых полководцев и стать вторым лицом в государстве. Это были безрассудные требования.

Что он имел за душой помимо своей сомнительной идеи и фанатического упорства? У него не было ни денег, ни судов.

Но генуэзец упорствовал: всемогущий бог избрал его своим орудием для распространения веры христовой, а за такие деяния никакая награда не может быть чрезмерно велика. Он не уступал ни на йоту, ни в одном пункте, и был отвергнут.

И именно тогда, когда все надежды, казалось, были потеряны и Колумб стал готовиться к отъезду во Францию к брату Бартоломео, чтобы там попытать счастья, оно неожиданно ему улыбнулось.

Проектом генуэзца заинтересовались не только влиятельные лица из высшего духовенства, но и богатейшие купцы Испании. Они мечтали не о крещении неверных и даже не об островах, богатых золотом и алмазами, а о торговле пряностями. Их манил морской путь в страны, где пряности добывались в изобилии.

Королеву посетил Луис де Сантанхель, глава крупнейшего в Арагоне торгового дома, финансовый советник католических королей. Он убедил Изабеллу принять проект генуэзца и пообещал, что вместе с севильскими купцами ссудит государей средствами на снаряжение заморской экспедиции. Сантанхель подчеркнул при этом, что Колумб, по его мнению, именно тот человек, который может возглавить такую экспедицию, и в случае отказа сумеет найти государя, который примет его условия.

Сантанхель и другие испанские купцы и банкиры — представители нового класса — буржуазии, тесно свя-

занные с банкирами Италии и других стран, были опорой католических королей в их борьбе с крупными феодалами и в войне с маврами. И поскольку эти люди и церковная знать поддерживали план Колумба, мнение государей постепенно склонилось в его пользу.

В конце концов советчики убедили их принять условия генуэзца: Колумб вовсе не собирается покорять царство великого хана, а хочет лишь завязать с ним торговые сношения. Ведь у Китая миллионы солдат, тысячи боевых слонов, несметная конница. Если Колумб откроет какой-нибудь небольшой островок у берегов Азии, он станет его губернатором и создаст там торговую факторию.

И государи пришли, наконец, к заключению, что звучные титулы и впрямь ничего не стоят. Их можно присвоить. Но генуэзец требовал еще и денег, много денег и каравеллы. А государственная казна была пуста, долги выросли до необычайных размеров, и победа над маврами не принесла пока никаких результатов.

Легенда гласит, будто Изабелла, чтобы добыть средства для заморской экспедиции, заложила свои бриллианты. В действительности же экспедицию ссудил деньгами Сантанхель, не потребовав даже высоких процентов.

Богатые купцы хорошо знали, какие выгоды сулит им торговля пряностями. Ради нее можно было и рискнуть.

Сантанхель вместе с другими богачами выдал католическим королям очень значительную сумму — миллион сто сорок тысяч мараведи, или пять тысяч триста дукатов (дукат — тогдашняя золотая монета стоимостью в триста семьдесят пять мараведи, мараведи — мелкая медная монета).

Итак, томительные годы ожидания миновали, настойчивость и терпение генуэзца победили, мечта его жизни близилась к осуществлению, честь, слава и богатство стучались в дверь...

МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ЯВЬЮ

Договор с католическими королями. — Громкие титулы и десятая доля. — Поддержка рода Пинсонов. — Невзгоды в Палосе. — Вопреки суевериям и страху. — Цель экспедиции.

17 апреля 1492 года король и королева торжественно подписали и скрепили печатью договор с Колумбом, приняв почти все его требования, которые еще недавно считали чрезмерными. Коварный Фернандо, очевидно, тогда уже считал, что договор можно будет легко расторгнуть, если того потребуют его личные или государственные интересы: он неоднократно поступал так в подобных случаях.

Важнейшими статьями договора были следующие: «Ваши высочества, как сеньоры названных морей-океанов, жалуют отныне названного дона Христофора Колумба (в документах его по-испански называли Кристобалем Колоном) в свои адмиралы всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретет в этих морях и океанах, после его смерти (жалуют) его наследникам и потомкам навечно этот титул со всеми привилегиями...

Ваши высочества назначают названного Христофора Колумба своим вице-королем и главным правителем на всех названных островах и материках, которые он... откроет или приобретет...».

Так осуществилось одно из желаний Колумба: ему, сыну гонуэзского ткача, присвоили титул дворянина и право пользоваться приставкой «дон». Он стал правителем вновь открытых земель с правом назначения других должностных лиц, а также великим адмиралом моря-океана. Подобного титула в Испании еще ни у кого не было. Но пока это были лишь громкие слова. Другие статьи договора сулили и материальные блага, давали надежду на превращение золотого миража в явь:

«Со всех и со Всяческих товаров, будь то жемчуг

или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи и товары любого рода, вида и наименования, которые будут куплены, обменены, найдены или приобретены... да будет он иметь и да оставит он за собой десятую часть всего приобретенного, приняв в расчет все произведенные издержки таким образом, что из всего оставшегося чистым и свободным сможет он удержать названную десятую часть для самого себя и распорядиться ею по своему желанию, предоставив остальные девять частей вашим высочествам».

Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что Христофор Колумб откроет целый материк — Новый Свет? Если бы впоследствии этот договор не был нарушен, то десятая доля всех полученных в Америке доходов сделала бы Колумба и его потомков богатейшими людьми в мире.

Наделенный высокими титулами и широкими полномочиями, Колумб начал энергично готовиться к дальнему плаванию. Прежде всего он распрощался в Кордове с Беатрисой, сказав ей, что никогда не забудет мать своего ребенка, но с прошлым теперь покончено. Высокие стремления и цели заставляют его выбросить из головы легкомысленные радости, именуемые любовью. Господь бог призвал его нести святое слово людям, населяющим Азию, и он должен посвятить

себя этой высокой цели.

Затем адмирал поспешил в Палос. Еще до заключения договора с королями Колумб познакомился и завязал дружеские связи с главою большого рода палосских мореходов Мартином Алонсо Пинсоном — богатым корабельщиком, владельцем верфей и искусным капитаном, не раз бороздившим Атлантический океан. Ознакомившись с планами Колумба, Пинсон, по свидетельству современников, решил принять участие в экспедиции, снарядив для ее нужд корабль и предоставив средства. За это Пинсон потребовал у Колумба доли в доходах, которые тот получит по договору с католическими королями. Пинсон раздобыл еще немалую сумму, ибо займа Сантанхеля не хватило для покрытия всех расходов.

Для подготовки экспедиции Колумб выбрал порт Палос. Во-первых, здесь проживали Пинсоны, а, во-вторых, этот город в военное время отказался повиноваться королю и теперь в наказание должен был предоставить государству на двенадцать месяцев два корабля с полной оснасткой. Городу вменялось в обязанность снарядить их за десять дней и передать в распоряжение Христофора Колумба. Этим же указом матросам предлагалось поступать на королевскую службу с уплатой жалованья за четыре месяца вперед.

Однако моряки Палоса и окрестных деревень, не считая нескольких выпущенных из тюрьмы заключенных, не хотели идти в плаванье с Колумбом: они испытывали непреодолимый страх и перед путешествием по неведомому океану и перед таинственным чужеземцем.

Город также отказался выполнять предписание короля, и двору пришлось издать еще более строгие указы и послать особых чиновников для их проведения в жизнь. Они реквизировали у горожан два корабля, третий же был снаряжен самим Колумбом... Но прошло еще три месяца, прежде чем каравеллы вышли в океан.

Надо сказать, что свои великие плаванья Колумб совершал вовсе не на утлых суденышках, не на «ореховых скорлупках», как это иногда утверждают. В те времена моряки имели уже в своем распоряжении каравеллы — суда, вполне пригодные для дальних морских походов.

Моряков, ходивших вдоль знакомых берегов Средиземного моря и преодолевавших лишь небольшие расстояния, еще могли удовлетворять весельные галеры, на которых при попутном ветре ставились паруса. Но в океанских просторах и на дальних морских путях вдоль пустынных, необитаемых берегов Африки галеры были не пригодны. На них нельзя было ни запасти в достаточном количестве провиант и воду, ни взять на обратном пути рабов и тяжелые грузы. Невыгодно было также держать на корабле команду гребцов и необходимые для нее запасы провианта.

Постройка каравеллы (по старинной гравюре).

К тому же галеры не были быстроходны. И вот португальские мореплаватели создали на заре эпохи великих географических открытий новый тип легких быстроходных судов с небольшой осадкой — каравеллы. Эти маневренные парусники были удобны для судоходства как по морским и океанским просторам, так и в устьях неглубоких рек, в прибрежных водах, на отмелях и среди рифов.

Флагманским кораблем Колумба была «Санта-Мария» водоизмещением около ста тонн. Вторая каравелла (около шестидесяти тонн) называлась «Нинья» — ранее она принадлежала роду палосских моряков Ниньо, также участвовавших в этой экспедиции (кроме того, Нинья по-испански означает «детка» — возможно и такое толкование этого названия). «Ниньей» командовал капитан Винсенте Яньес Пинсон.

Третьим кораблем была «Пинта» (по-испански «кружка»). Следует, однако, отметить, что имя прежнего владельца судна было Пинто; в 1492 году хозяином этой каравеллы стал Кинтеро, тоже участвовавший в экспедиции). «Пинта» была несколько больше «Ниньи». Она шла под командой Мартина Алонсо Пинсона — старшего из братьев, а младший брат — Франсиско — был шкипером на этом же судне.

Флагманский корабль моряки называли еще «Гальегой» — то есть «Галисийкой», так как она прибыла из Галисии — северной области Испании. Колумб впоследствии отзывался о своем корабле, очевидно, незаслуженно как о плохом, неумело оснащённом судне, непригодном для дальних экспедиций. Все же «Санта-Мария» заслужила бессмертную славу, преодолев Атлантический океан и доставив испанских мореплавателей в Новый Свет, хотя ей и было суждено погибнуть, разбившись о коралловые рифы у берегов Эспаньолы.

Любимицей Колумба стала легкая, быстроходная «Нинья». На ней он счастливо вернулся на родину. Каравелла участвовала и во второй экспедиции, а затем снова пересекла океан, направляясь к берегам

Эспаньолы. В те времена столь дальние путешествия без аварий на небольшом деревянном судне были значительным достижением.

Все три каравеллы Колумба были легкими однопалубными судами с низким бортом, высокими кормовыми и носовыми надстройками. В средней части палубы не имелось надстроек, здесь размещались шлюпки, очаг, компас в особом деревянном ящике, насос для выкачивания воды из трюмов и брашпиль якорного каната. В качестве балласта использовались камни, погруженные в трюм. Паруса были расписаны большими крестами. Каждое судно было вооружено пушками небольшого калибра для защиты от пиратов и других непрошенных гостей. Однако каравеллы Колумба не являлись боевыми судами.

Цель экспедиции состояла главным образом в том, чтобы завязать торговые сношения с какой-нибудь языческой страной, а не завоевать ее или обратить в христианскую веру — для этого суда были слишком слабо вооружены, а экипажи их малочисленны. К тому же, среди моряков не было ни одного профессионального военного или священника.

Государи выдали Христофору Колумбу, как своему полномочному послу, три одинаковых верительных грамоты: одну для вручения великому хану повелителю Катая, а в двух других адмирал должен был сам проставить имена и титулы, когда в том появится необходимость.

Некоторые историки пытались в свое время доказать, будто Христофор Колумб отнюдь не собирался идти в Азию, ибо в документах о пожаловании титулов она не упоминается. Однако не надо забывать, что в этих документах вообще нет ни одного географического названия, которое указывало бы на цель экспедиции. Испанские короли не имели права в официальном документе упоминать Южную или Восточную Азию, которые в середине века назывались одним словом «Индия»: все вновь открытые земли к югу от Канарских островов «вплоть до Индии» были пожалованы папой римским Португалии, а Испания в своих договорах с этой страной признавала за нею

дарованное. Материк, упоминаемый в документах Колумба, мог быть только Азией, ибо в Северном полушарии, по тогдашним представлениям, никаких других материков, кроме Европы и Азии, не существовало.

Подготовка к экспедиции подвигалась успешно.

Чужеземец Колумб без поддержки богатых и влиятельных корабельщиков Пинсонов, Ниньо и Кинтеро никогда не смог бы набрать для экипажей своих кораблей офицеров и матросов. Эти потомственные мореходы пользовались таким большим уважением, что одно их участие в экспедиции, а тем более то, что они вложили в это рискованное предприятие денежные средства, понемногу рассеяли всеобщее недоверие и страх.

Команды для всех кораблей — около девяноста опытных мореходов, связанных к тому же между собой кровным родством, — удалось завербовать в Палосе и близлежащих селениях.

В составе экспедиции, кроме моряков, было несколько доверенных лиц короля и переводчик, который владел испанским, древнееврейским и арабским языками (последний был широко распространен в Азии), — для ведения переговоров в заморских странах.

Люди отправлялись в путь в надежде на барыши, богатство и королевское расположение. Но хотя необычность путешествия и манила их вдаль, они были охвачены суеверным страхом: ведь об экспедиции генуэзца ходили самые ужасные слухи, ее считали абсурдной и заранее обреченной на неудачу. Неведомый путь пугал этих морских волков, хорошо изучивших суровый океан, его соленые ветры и жестокие бури, коварные мели и скалистые берега. Страх, опасения и заботы сменялись в их душе надеждами и мечтами о золоте, славе и увлекательных приключениях.

Для самого же Колумба все было предельно просто: надо только взять правильный курс — не на север Атлантики, где господствуют свирепые западные ветры, а на юг, к Канарским островам. Там между

архипелагом и тропиками дуют постоянные северо-восточные ветры — пассаты. Пройдя с этими попутными ветрами около семисот лиг (лига — около шести километров), каравеллы достигнут острова Сипанго, а по дороге пристанут к Антилии или другому какому-нибудь острову: в том, что эти острова существуют, генуэзец не сомневался.

Наконец-то Христофор Колумб вступил на путь славы и богатства. Плечи его уже покрывала мантия адмирала моря-океана. Каравеллы уходили в океан.

Открытие Нового света

В БЕЗБРЕЖНОМ ОКЕАНЕ

К Канарским островам. — Курс на запад! — Полярная звезда меняет положение. — Три недели по «морским лугам». — Тоска по суше. — Горечь разочарования. — «Земля! Земля!»

На заре 3 августа 1492 года флотилия Колумба подняла якоря. Подхваченные волною отлива, каравеллы заскользили со спущенными парусами по реке Рио-Тинто к океану. На берегу плакали жены и дети моряков, из ближайшего монастыря доносилось пение монахов, служивших мессу. Никто не верил, что отплывающие вернутся целыми и невредимыми — столь далеким, таинственным и опасным казался предстоящий путь.

Сохранилось лишь несколько документов, повествующих о первой экспедиции Колумба за океан. К сожалению, дневник, написанный рукой Колумба, и судовые журналы исчезли бесследно. Остались лишь короткие отрывки и изложение дневника, составленное в середине XVI века епископом Бартоломе Лас Касасом — видным испанским историком-гуманистом и писателем.

По свидетельству этих источников, каравеллы Колумба, дождавшись попутного ветра, подняли паруса и понеслись по хорошо знакомому, привычному и не столь далекому пути — к Канарским островам. Сильный попутный ветер благоприятствовал путешествию.

Но 6 августа невдалеке от Канарского архипелага «Пинта» подала сигнал бедствия. «Сломан руль», —

доложил капитан Мартин Алонсо Пинсон. Адмирал заподозрил, что руль повредил владелец судна Кинтеро вместе со своим помощником. Они, мол, испугавшись опасностей дальнего пути, хотели покинуть экспедицию и от Канарских островов вернуться домой: они вообще не желали идти в это плавание и перед выходом, как сказано в дневнике, «эти люди строили козни и ковы».

Это краткое замечание выразительно иллюстрирует одну из черт характера адмирала — недоверчивость, подозрительность. Естественно, что такое отношение к спутникам не сулило добра и нечего было надеяться на взаимопонимание адмирала и команды. Мореходы вскоре обнаружили, что Колумб не слишком опытный командир, к тому же несправедлив, эгоистичен и вспыльчив. Он не сумел найти нужного дружеского подхода, подобрать ключ к сердцам простых, суровых моряков и в своих записях редко говорил о них доброе слово.

«Пинта» дала также течь, и трюмы начали наполняться водой. Пинсон, по определению адмирала, человек сильный духом и разумом, приказал закрепить сломанный руль канатами, и каравелла тихим ходом продолжала путь. На следующий день руль сломался снова, но флотилия успела уже добраться до главного города архипелага — порта Лас-Пальмас. Нанять другое судно взамен «Пинты» не удалось: местных судовладельцев не соблазнили никакие посулы. Наконец Колумб с трудом уговорил кузнецов приделать «Пинте» новый руль, а сам тем временем с двумя другими каравеллами отправился к западному острову архипелага Гомере и пополнил там запасы воды, дров и провианта: закупили хлеба, сыру, насолители и навялили мяса.

Ремонт «Пинты» продолжался целый месяц, и только 6 сентября флотилия снова вышла в океан.

В этот день Колумб отметил в дневнике, что ему стало известно о приближении трех португальских каравелл к Канарским островам с целью захватить его флотилию и таким образом расстроить задуманную экспедицию. Это, писал Колумб, объясняется,

должно быть, завистью, которую испытывает король Португалии при мысли, что он упустил адмирала. И лишь темная безлунная ночь помогла флотилии Колумба избежать нежелательной встречи.

В течение трех дней на горизонте еще маячил последний клочок Старого Света — горы острова Ферро и дымящаяся вершина вулкана Тенериф. Затем исчезли и они. Вокруг судов расстился теперь лишь один безбрежный океан.

Колумб приказал капитанам держать курс прямо на запад, не отклоняясь ни к северу, ни к югу, и равняться по флагману, чтобы каравеллы не потеряли друг друга из виду. Если все же случится беда и один из кораблей отстанет от флотилии, он должен по-прежнему идти на запад, а через семьсот лиг лечь в дрейф и ожидать остальные каравеллы: таково по карте Тосканелли было расстояние от Канарских островов до Сипанго.

Каравеллы подавали друг другу сигналы: днем — дымом, ночью — огнями и орудийными выстрелами, а приказы адмирала выслушивались на небольшом расстоянии.

Моряки не надеялись больше увидеть сушу и вернуться на родину в Испанию. Колумб понимал, что, по мере продвижения вперед, тревога их будет возрастать. И чтобы люди не впали в отчаяние, он решил, как о том свидетельствует запись в его дневнике, отмечать в корабельном журнале и объявлять экипажу приуменьшенные данные о пройденных расстояниях, а действительные — заносить в свой личный журнал.

Этот маневр адмирала не сыграл большой роли: братья Пинсоны на своих кораблях также вычисляли пройденное расстояние и записывали данные в судовой журнал, да и на самой «Санта-Марии» было немало бывалых моряков.

К тому же познания Колумба в навигации были довольно посредственны, и он нередко так ошибался в расчетах, что его «приуменьшенные» данные были ближе к истине, чем «правильные». А нередко резуль-

таты его расчетов были просто смехотворными, особенно при определении географической широты.

В первые недели плавания дул устойчивый восточный пассат, и каравеллы, как огромные белокрылые птицы, без усталости летели на запад. Идти было легко и привольно, погода стояла прекрасная.

О хорошей погоде свидетельствуют восторженные записи в дневнике Колумба. 16 сентября адмирал отметил, что в этот день удерживалась удивительно мягкая и приятная погода, точно «как в Андалусии в апреле». Прелесть утренних часов доставляла ему огромное наслаждение и, казалось, не хватает лишь соловьиного пения. Море было гладким, как река.

Паруса почти не приходилось переставлять, и матросы могли вволю отдохнуть и выспаться.

И все же в те времена дальние морские плавания отнюдь не были похожи на увеселительные прогулки. Мореходы долгие недели, а то и месяцы жили без элементарных удобств, спали одетые, в бури зачастую мокрые с головы до ног, в невероятной тесноте на ящиках и бочках в трюме и в палубных надстройках, подстилая под себя одежду. Подвесные койки, похожие на гамаки, появились на кораблях в XVI веке. В экспедиции же Колумба постелью пользовались лишь капитаны, шкиперы, штурманы и сопровождавшие флотилию должностные лица.

Пищу готовили на примитивном очаге, сооруженном на палубе в деревянном ящике, наполненном песком и прикрытом от ветра. В шторм же, когда ветер задувал пламя, а через палубу перекачивались волны, о горячей пище нечего было и думать.

Еда была очень однообразной: сухари, вяленое мясо, растительное масло, бобы и горох. Моряки в дальних плаваниях из-за отсутствия витаминов часто болели цингой, или скорбутом.

13 сентября, находясь в двухстах лигах от Канарских островов, Колумб впервые обратил внимание на странное явление: игла компаса отклонилась от обычного направления. В этот день она стала показывать прямо на север, на Полярную звезду, то есть легла точно по географическому меридиану (до тех пор

мореплавателям было известно лишь восточное склонение). В последующие дни северный конец иглы еще больше отклонился к западу. Колумб несколько дней скрывал это таинственное явление, чтобы не тревожить команду. Но рулевые заметили, что с компасом происходит неладное.

Вскоре весь экипаж узнал, что главный навигационный прибор перестал повиноваться законам природы. Начался ропот: говорили, что флотилия, потеряв возможность определять направление, заблудилась в океанских просторах. Но адмирал заверил возбужденных людей, что корабли вошли в новое пространство, где действуют иные законы природы, и сама Полярная звезда изменила своё положение.

Тревогу вызвало еще одно необычное явление: с 16 сентября моряки стали замечать в океане большие пучки зеленой травы. Судя по внешнему виду, она, казалось, совсем недавно была смыта со скалистых берегов и принесена сюда с запада. Все решили, что поблизости находится какой-то остров. Но при измерении глубины лот не достигал дна.

Это было огромное Саргассово море в субтропической полосе западной части Атлантического океана — единственное на свете море без берегов, площадью в несколько миллионов квадратных километров, сплошь покрытое плавучими водорослями.

В течение трех недель флотилия Колумба шла по этим «морским лугам» на запад, и моряков страшила мысль, что суда застрянут в зеленых путях и морские чудовища увлекут их на дно.

Иногда наступало затишье, паруса бессильно повисали на реях, и каравеллы едва скользили вперед. В мертвой тишине становилось слышно, как стебли водорослей трутся о борт корабля. Вскоре, однако, путешественники убедились, что водоросли не мешают ходу кораблей.

Мореходов утомило это однообразное плавание с попутным ветром, без каких-либо развлечений и перемен. Тупая апатия сменялась напряженным ожиданием. Страх охватывал их при взгляде на безбрежную

водную пустыню, над которой лишь изредка пролетали буревестник или чайка.

Наконец сильный северо-восточный пассат утих, и к великой радости команды подул переменный ветер. На море началось волнение, временами шел сильный дождь. Работа оживилась.

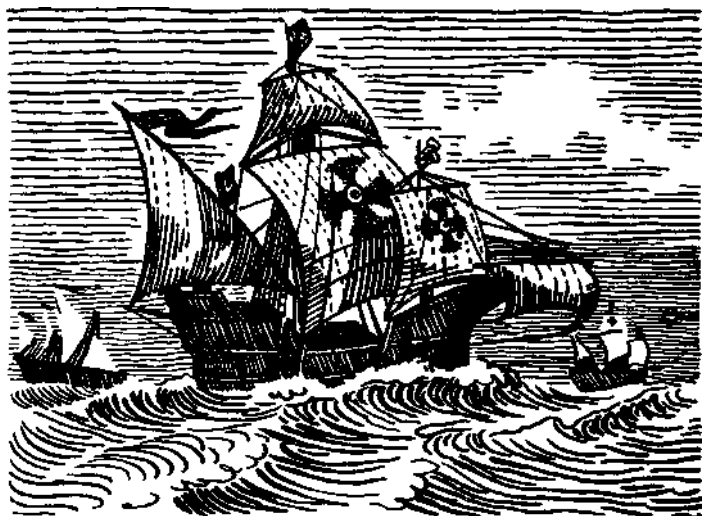
Колумб тоже был рад, так как знал, что экипажи не верят в возвращение на родину из-за отсутствия в этих широтах западных ветров.

Но Испания оставалась где-то далеко за горизонтом, в невообразимой дали. Теперь всех обурежала жажда увидеть землю — все равно какую — далекий материк или один из легендарных океанских островов — лишь бы только землю! Люди ждали, что берег вот-вот вынырнет из-за горизонта, и жадно искали признаки его приближения. И все, что говорило о близости земли, отмечалось в дневнике. То на севере показалось большое облако, то птицы пролетели на запад, то попался пучок зеленой травы, то краба поймали. Это были верные приметы, а земля все не появлялась. Не раз уже с мачты раздавался ликующий крик «земля!», но моряки опять и опять убеждались, что их ввели в заблуждение груды облаков.

Так, однажды вечером с «Пинты» вдруг донёсся крик: вдали показался берег! Матросы забрались на мачты и реи и действительно увидели в лучах заходящего солнца темную полоску. Колумб бросился на колени и возблагодарил господ бога, а затем приказал матросам петь славу святой деве Марии и только потом идти к острову. Но никакого острова не оказалось — это снова была груда облаков.

Людей охватили страх и отчаяние. Еще никогда они так долго не находились вдали от суши. Их угнетало однообразие жизни и полное безделье, если не считать вахт. Лишь изредка они ловили рыбу или спокойно купались в теплых водах океана. На кораблях давно уже не звенели песни, не ходила ходуном палуба под ногами плясунов. Тоска и безразличие перерастали в озлобление и ненависть друг к другу и к адмиралу — этому фанатику чужестранцу.

Ночи напролет подобно изваянию стоял он на носу

Каравеллы Христофора Колумба в океане.

каравеллы, устремив горящий взор на запад, прислушиваясь, не режут ли впереди волны, разбиваясь о скалы. Он вглядывался во тьму, стараясь различить при свете звезд темную полосу берега...

Не случайно Колумб писал в дневнике, что он приучает себя обходиться ночью без сна. Команда боялась адмирала, который, подобно привидению, день и ночь бродил по кораблю.

Куда ведет их этот проклятый генуэзец? Что видит он вдали за горизонтом? Надо повернуть назад, на родину, пока еще не поздно, пока не съедены сухари и не выпита пресная вода.

О настроении команды в изложении дневника говорится: «Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание, но адмирал ободрял их как нельзя лучше, вселив в них добрые надежды на большие выгоды в будущем». Колумб горячо убеждал усталых моряков, рисуя перед ними заманчивые

картины дальних стран, почерпнутые им из книг Марко Поло. Стоит ли теперь жаловаться, когда мы уже почти у цели, и надо продолжать путь до тех пор, пока Индия, с помощью господ, не будет найдена.

Такие записи свидетельствуют о недовольстве команды, уставшей от дальнего пути. Но адмиралу обычно удавалось успокоить и убедить встревоженных людей.

Существует немало версий об угрозе бунта на кораблях Колумба. Лас Касас, относившийся к Колумбу с симпатией, сообщает, что мятежные матросы все чаще обсуждали план возвращения домой. Они говорили, что было бы безумием и даже самоубийством рисковать своей жизнью во имя осуществления сумасбродных замыслов какого-то чужеземца, готового принять смерть, лишь бы стать большим господином. Генуэзец обманул команду и потому его надо выбросить за борт, а дома объявить, что он сам свалился в море. И так, по словам Лас Касаса, они говорили день и ночь; к этому причастны были Пинсоны, капитаны и старейшины всех трех команд, ибо остальные моряки были уроженцами и жителями Палоса и Могера.

Лас Касас подчеркивает, что адмирал, угадав настроение команды, вел себя с большим мужеством и выдержкой и не отступился от своих замыслов.

Эрнандо — сын великого мореплавателя, не скупившийся в биографии своего отца на вымысел, рассказывает, что команда сговорилась ночью, когда адмирал захмелеет от света звезд, сбросить его в море.

Однако сам адмирал в своих заметках ни словом не обмолвился о бунте. Ведь если бы команда взбунтовалась, он не преминул бы описать свои заслуги в подавлении волнений, похвастаться своей решимостью и волей. Но в дневнике упоминаются лишь ропот и тревога, малодушие и подавленность, а отнюдь не беспорядки и не вооруженный бунт. К тому же «Санта-Мария» была не одна в океане, рядом шли две другие каравеллы с командами, преданными королю.

Имеются сведения, что в начале октября матросы и офицеры настойчиво требовали лечь на другой курс, так как Колумб не изменял своего приказа держать прямо на запад. Наконец и он стал сомневаться в своей правоте: семьсот лиг — расстояние до острова Сипанго — были давно пройдены, но земля так и не показывалась.

И вот 7 октября Колумб решил изменить курс и повернул на юго-запад: над кораблем с севера на юго-запад пролетало множество птиц и можно было полагать, что они ищут ночлега на суше или же бегут от суровой северной зимы. Это был добрый знак, вселявший надежду.

Пассат дул все сильнее, море под порывами ветра заволновалось, и каравеллы на всех парусах полетели навстречу неведомой земле. Теперь о ее появлении говорило уже множество примет: в лунные ночи флотилии обгоняли стаи перелетных птиц, мимо проплывали зеленый тростник, сучья деревьев, покрытые листьями и цветами, а однажды волны принесли ветку шиповника, усеянную плодами, и деревянную доску, обтесанную рукой человека. Все эти признаки воодушевляли и успокаивали людей.

В четверг 11 октября после захода солнца и вечерней молитвы адмирал обратился к экипажам всех трех кораблей с краткой речью. Он возблагодарил господ за милости, которые тот ниспослал им в путешествии: дал тихое море, добрые и приятные ветры, спокойную погоду и уберег от бурь и волнений. Адмирал просил людей этой ночью особенно зорко стоять на вахте, ибо земля может показаться в любую минуту. И тот, кто первым увидит землю, помимо королевской награды, получит от него лично шелковый камзол. А католические короли Испании Фернандо и Изабелла обещали такому счастливцу ежегодную пожизненную пенсию в десять тысяч мараведи (26,5 золотого дуката).

Той ночью на кораблях никто не сомкнул глаз. Люди пристально всматривались в непроглядную тьму. Давно уже погасли отблески заката на горизонте, а луна еще не взошла на небосклон.

Около десяти часов вечера Колумб и один из матросов почти одновременно заметили далеко в море какой-то свет, но он был так слаб, что Колумб попросил королевского контролера и других офицеров пристально всмотреться в темную морскую даль. И, действительно, они увидели нечто похожее на огонек восковой свечи, то подымавшийся, то опускавшийся во мгле.

Был ли то мираж, вызванный разгоряченной фантазией и напряжением всех чувств, или свет, излучаемый микроскопическими обитателями тропических морей, а может быть просто отблеск фонаря идущей впереди «Пинты» — кто знает? Но только это не было землей. Колумб и сам заколебался и не велел подавать сигнал.

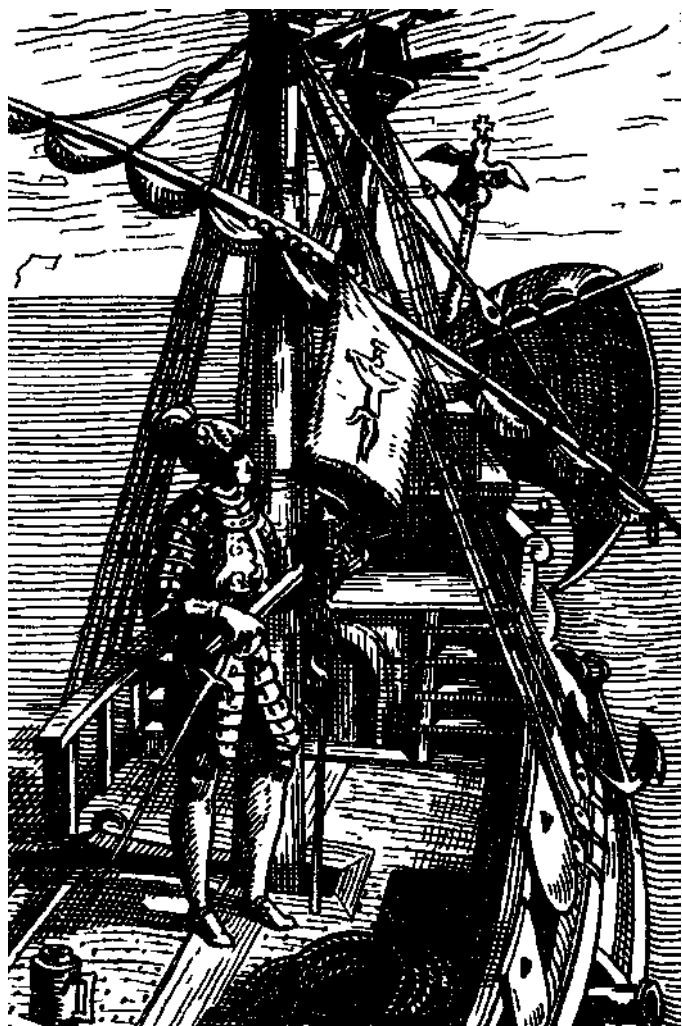
Прошло еще четыре часа. Корабли, перегоняя друг друга, все также неслись по бурному океану, освещенному взошедшей уже луной. И тут, наконец, испанцы увидели далекий берег. Раньше всех его заметили на быстроходной «Пинте», шедшей впереди всех.

Это произошло 12 октября 1492 года в два часа пополудни. Матрос Родриго де Триана, увидев белевший в свете луны песчаный мыс, закричал; «Земля! Земля!».

Капитан Мартин Пинсон приказал выстрелить из пушки и замедлил ход. Подоспевший на «Санта-Марии» Колумб крикнул Пинсону, что ему за это открытие полагается пять тысяч мараведи.

Впоследствии Родриго де Триана потребовал обещанного вознаграждения, но так никогда и не получил его — не досталось ему ни шелкового камзола, ни пенсии. Колумб утверждал, что он сам еще с вечера заметил свет на берегу, хотя в то время каравеллы находились на расстоянии пятидесяти-шестидесяти миль от песчаного мыса. Адмирал выторговал королевскую пенсию себе, владельцы севильских боен аккуратно выплачивали ее до самой его смерти.

Адмирал не хотел делить славу ни с кем из своих

Адмирал моря-океана Колумб на корабле (по старинной гравюре).

подчиненных. Он всюду хотел быть первым и первым увидеть свет на берегу.

Этот постыдный эпизод свидетельствует о необузданном честолюбии первооткрывателя Америки, о его жадности и отсутствии великодушия.

Ведь Колумб той же ночью стал вице-королем вновь открытой земли и должен был получать огромные доходы. Для нищего же матроса эта пенсия составила бы целое состояние. Братья Пинсоны тоже были оскорблены такой несправедливостью. А обиженный матрос впоследствии покинул родину, переселился в Африку и даже принял мусульманство.

После сигнала с «Пинты» флотилия убрала паруса и легла в дрейф до утра; ночью можно было сесть у берега на мель или наткнуться на коралловые рифы. Матросы, радостные, взволнованные, стали приводить себя в порядок — брили бороды, чистили одежду. Наконец-то, после тридцати пяти дней пути адмирал привел их к земле великого хана!

Что же ожидает их здесь, на чужом берегу? Все надеялись увидеть на рассвете, как в первых лучах утреннего солнца заиграют золотые крыши пагод, как проступят силуэты деревьев, благоухающих корицей и перцем, как из мрака вынырнут величественные мраморные дворцы, порт и груженные дорогими товарами суда, стоящие на якорях с золотыми и серебряными цепями. Они надеялись увидеть побережье, по которому медленно ступают слоны, покрытые шелковыми, шитыми золотом попонами с золотыми башенками на спине. Золота здесь хватит для всех, все смогут разбогатеть...

Людам казалось, что они уже ощущают аромат пряностей, смешанный с соленым морским ветром. На сей раз это был не мираж, впереди действительно лежала земля, но то была не Индия, не Китай, не Сипанго, а лишь один из многочисленных островков Багамского архипелага.

БАГАМСКИЕ ОСТРОВА И КУБА

Первые шаги европейцев по американской земле. — Нагие островитяне и «посланцы небес». — Индия и «индейцы». — «Как легко будет заставить их работать на нас!» — 28 октября 1492 года — день открытия Кубы. — Самая благодатная земля в мире. — Делегация к великому хану. — В страну золота Бабек. — Исчезновение «Пинты». — На восток вдоль северного побережья Ориенте. — Гаити.

На рассвете 12 октября 1492 года перед испанцами открылся низкий песчаный берег, на котором зеленели деревья и заросли кустарника. Матросы поставили паруса, и корабли, обогнув остров с юга, пристали к подветренному западному берегу.

Багамский архипелаг состоит из тысячи больших островов, островков и рифов, и теперь, спустя более чем четыре столетия, невозможно точно указать, какой из них был открыт первым. Коренные жители — индейцы — называли его Гуанакани. Возможно, что это был остров Ватлинг.

За причудливыми деревьями блестела тихая гладь озера, но нигде не было видно ни мраморных пагод с золочеными крышами, ни гавани, ни слонов, ни кораблей.

В зарослях мелькали голые тела туземцев, в ужасе следивших за вынырнувшими из моря неведомыми чудовищами с большими белыми крыльями.

Колумб облачился в блестящий панцирь, набросил поверх пурпурную мантию — торжественное одеяние кастильского адмирала, — и, взяв с собою офицеров королевского нотариуса и контролера, сел в шлюпку и направился к берегу. За ними следовали шлюпки с капитанами и офицерами двух других кораблей, вооруженными шпагами, пиками, большими луками-арбалетами и тогдашним огнестрельным оружием — аркебузами и мушкетами.

Высоко держа развевающееся знамя Кастилии, Христофор Колумб ступил на берег.

На побережье Нового Света (по старинной гравюре).

Все опустились на колени и возблагодарили господя, ниспославшего им свое милосердие, дозволившего достичь острова. Со слезами на глазах они обнимали обретенную землю. Затем, как отмечено в дневнике, адмирал поднялся с колен и нарек остров именем Сан-Сальвадор (спаситель).

Трудно представить себе более возвышенный миг в жизни первооткрывателя, чем тот, когда он впервые сходит на берег новой, никому не известной земли! Но еще труднее представить ту кровавую, полную трагизма страницу истории, которую открыл Колумб в эту самую счастливую минуту своей жизни.

Высоко подняв знамя, адмирал призвал королевского нотариуса и контролера засвидетельствовать, что он, дон Христофор Колумб, от имени короля и королевы объявил этот остров испанским владением и сделал шпагой отметки на деревьях, как это было

принято в те времена при посещении земель, населенных язычниками. Нотариус немедленно составил соответствующий акт.

Вскоре на берегу собралась большая толпа островитян. Любопытство заставило их забыть недавний страх перед плавающими рощами с высокими деревьями, усеянными белыми и цветными листьями, вынырнувшими, на рассвете из морской пучины. От этих рощ отделилось несколько лодок с сидевшими в них невиданными людьми, облаченными в яркие, твердые одеяния, сверкавшие под лучами солнца. Бледные лица чужеземцев были украшены пучками белого, рыжего или черного хлопка (многие из моряков отпустили бороды, краснокожие бород не имели и никогда прежде не видели их). Все вызывало удивление туземцев: и пучки ярких перьев на шлемах, и знамена, похожие на крылья больших птиц, и блестящие острые палки у пояса — шпаги. Нагие дети природы нерешительно приближались к чужестранцам, неся им свои дары и пытаясь понять их язык и жесты.

Эту первую встречу с народом чужой земли адмирал описал так:

«Поскольку они держали себя дружелюбно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев, и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки. С большой охотой они отдавали все, что у них было.

Но мне показалось, что эти люди бедны и нуждаются во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила... И все люди, которых я видел, были еще молоды, никто из них не имел более тридцати лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были

Богослужение на берегу (по старинной гравюре),

очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз на брови, и только небольшая часть волос, и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад».

Цветом кожи они напоминали Колумбу гуанчей — коренных жителей Канарских островов: они были не черны, не белы и не слишком темны; их тела или только лица были разрисованы красной или черной краской. Они не носили и не знали железного оружия: когда испанцы показали им свои шпаги, они схватились за лезвия и порезались.

На другое утро каноэ-челноки индейцев, выдолбленные из цельного ствола дерева, окружили каравеллы. Некоторые каноэ вмещали по сорок-пятьдесят человек, но были и совсем маленькие, с одним гребцом. Туземцы ловко орудовали веслами, похожими на лопаты, которыми сажают в печь хлеб.

Адмирал захотел поближе осмотреть открытую им землю. Это был большой, равнинный остров; местами рос густой лес, среди деревьев летали разноцветные попугаи.

Испанцы прошли на шлюпках вдоль берега острова и увидели несколько селений. Их жители громкими криками призывали своих соплеменников: «Идите, смотрите — вот посланцы небес, несите им пищу и питье!»

Могли ли подумать эти простодушные, гостеприимные люди, что так называемые посланцы небес через несколько лет будут охотиться за ними как за дикими зверями по всему архипелагу; станут увозить их в испанские колонии, что их превратят в рабов и заставят нырять в море за жемчугом и надрывать на непосильной работе на золотых и медных рудниках, где эти несчастные быстро перемрут? И к 1520 году на Багамском архипелаге не осталось ни одного индейца. Острова опустели. Мертвые и покинутые лежали они посреди океана и никто уже не мог указать, где впервые сошел на берег первооткрыватель Америки Христофор Колумб.

Но пока что индейцы ни на этом, ни на других островах не подозревали ничего дурного. Они оказывали пришельцам почет и уважение, преклонялись перед ними, даже обожествляли их. Ведь древние легенды всех индейских племен, от «Антильских островов до Мексики и Перу, предвещали, что когда-нибудь с Востока придут божественные существа — сыны солнца, которые принесут с собой радость и счастье. Простодушным островитянам казалось, что древняя легенда наконец-то стала действительностью и сыны богов приплыли к ним на солнечных кораблях.

«И они благодарили бога, бросаясь на землю, воздевали руки к небу и призывали нас к себе», — записано в дневнике Колумба.

Но адмирала больше всего интересовало золото: «Я же был внимателен к ним и упорно дознавался, имеют ли эти люди золото. Я видел, что у некоторых кусочки золота воткнуты в отверстия, которые они для этой цели проделывают в носу. И, объясняясь знаками, я дознался, что, плывя на юг, я встречу в тех местах одного короля, у которого есть большие золотые сосуды, и король этот имеет очень много золота».

Для индейцев золото не имело реальной ценности.

Считая, очевидно, этот металл волшебным, так как он не менялся с течением времени, они носили кусочки золота в носу, губах и ушах для защиты от злых духов. Индейцы охотно, без всякого сожаления меняли золото на всякие безделушки, даже на осколки стекла и черепки глиняной посуды. Зато, испанцы в поисках драгоценного металла заглядывали в нищие хижины, жадно хватались за любой, даже самый маленький кусочек благородного металла. Но золота здесь было мало.

Из рассказов индейцев можно было понять, что оно попадает сюда издалека, его добывают на каком-то большом острове, И адмирал решил отправиться дальше на юго-запад. Оставаться у этих нищих людей не имело больше никакого смысла. Колумба интересовали также и пряности, но ни на Сан-Сальвадоре, ни на других близлежащих островах их не было и в помине.

Туземцы говорили, что дальше к югу есть еще острова и среди них большой остров Куба, где много желтого металла.

Представления Колумба о географии были такие же путаные, как и в начале путешествия. Он ни на миг не усомнился в том, что его каравеллы достигли именно Индии, то есть Восточной Азии, и что Сипанго (Япония) и страна великого хана — Китай находятся где-то рядом. Вот почему он назвал обитателей острова «индейцами» (*indios*) — жителями Индии. Это название как своеобразный памятник ошибке Колумба сохранилось до наших дней. Впоследствии острова Карибского моря стали называть Вест-Индией, или Западной Индией, а настоящую Индию — Ост-Индией, или Восточной Индией.

Захватив силой нескольких индейцев, чтобы они служили ему в качестве проводников, Колумб стал продвигаться между островами Багамского архипелага дальше на юг. Нельзя отказать ему в известной наблюдательности, которая ярко проявлялась при описаниях природы:

«Тут много озер и вокруг них чудесные рощи. И как все другие острова, этот остров весь зеленый, и травы

здесь как в Андалусии в апреле, и поют в лесах птицы, и человеку, который сюда попал, не захочется уж покинуть эти места. Затмевая солнце, летали здесь стаи попугаев, и было, кроме того, на диво много других птиц, самых разнообразных и во всем отличных от наших.

...Рыбы здесь настолько отличаются от наших рыб, что кажется это чудом. Иные похожи на петухов и имеют тончайшую расцветку — тут и синие, и желтые, и красные, и все иные тона, другие же расцвечены на много ладов... Тварей я не видел здесь никаких, если не считать попугаев и ящериц. Корабельный мальчик говорил мне, будто он видел большую змею. Ни овец, ни коз, ни других животных я не видел...».

По свидетельству Колумба, на одном из островков испанцы пронзили пиками змею семи пядей в длину с короткими лапами. Очевидно это была игуана — большая ящерица, мясо которой у островитян считалось деликатесом.

Первое время индейцы, увидев корабли, в панике покидали свои убогие жилища. Тогда испанцы задержали одного туземца, одарили его разными побрякушками, угостили вином и патокой и отпустили на все четыре стороны, чтобы он понес к своим соплеменникам весть о добрых чужестранцах.

Наблюдая робких, миролюбивых островитян, вооруженных лишь короткими деревянными дротиками с костяными наконечниками, богобоязненный, но воинственный католик Колумб решил, что их легко будет обратить в христианскую веру и заставить работать на испанцев, иными словами, крестить и превратить в рабов. Отношение Колумба к индейцам с самого начала было двуличным и вероломным: он превозносил их нрав, добродушие и красоту, но в то же время считал их своей и королевской собственностью.

Однако голые, нищие островитяне ничуть не соответствовали тем представлениям, которые сложились у Колумба при чтении удивительных историй Марко Поло и фантастических рассказов Мандевиля. Ведь Марко Поло ни словом не обмолвился об

островах, где под сенью роскошных цветущих деревьев и кустов живут голые, нищие люди.

Адмирал как поэт воспевал открытую им землю, прекрасную, как рай, но в то же время смотрел на нее глазами алчного купца, прикидывая, как бы получить побольше барышей.

Колумб открыл еще несколько небольших островов и все объявил испанским владением, назвав их именами святой девы Марии и кастильских королей. Они ничем не отличались от Сан-Сальвадора — это были такие же равнинные острова, поросшие тропическим лесом и населенные такими же миролюбивыми племенами.

«Эти острова очень зеленые и плодородные, воздух здесь приятен... Желаю продолжать путь и обойти эти земли и проникнуть на многие острова, чтобы найти золото. И так как пленники знаками объяснили, что тут носят золотые браслеты на руках и ногах... то я уверен, что с помощью господ нашего найду золото там, где оно родится», — пишет Колумб.

После двухнедельных скитаний среди бесчисленных мелких островов и рифов Багамского архипелага Колумб 28 октября 1492 года подошел к острову Куба, к его северо-восточному побережью (теперешняя провинция Ориенте) и вошел в устье полноводной реки, которая текла по широкой долине, окаймленной прекрасными горными хребтами. Он назвал эту землю Хуана, по имени наследника испанского престола. После смерти принца острову присвоили имя Фернандино, но в конце концов испанцы стали употреблять старинное индейское название Куба.

Остров был действительно прекрасен. В изложении дневника Колумба ему посвящено немало восторженных слов.

Адмиралу казалось, что он никогда не видел такой красивой земли. Повсюду росли роскошные зеленые леса. Деревья цвели и плодоносили, и цветы и плоды были в великом множестве и разнообразии. Сладкозвучно пели птицы. И там и тут возвышались пальмы с большими листьями, не похожие ни на гвинейские, ни на кастильские.

Колумб не переставал восхищаться красотами тропической природы. Каждый новый островок, каждая бухта, устье реки, берег и гора казались ему прекраснее предыдущих.

«...Он смотрел на роскошный мир тропической природы, как нежный отец в прозрачные глаза своего ребенка», — с восхищением отмечает немецкий историк географических открытий О. Пешель, начисто забывая, какие бедствия этот «нежный отец» принес открытой им стране.

Берега Кубы были изрезаны многочисленными хорошо защищенными, тихими бухтами и устьями глубоких рек. Море было так спокойно, что казалось, оно никогда не волнуется: трава на побережье росла почти до самой воды, чего никогда не бывает на землях, омываемых бурными морями.

Спокойствие прозрачных голубых вод казалось Колумбу вечным: ему не довелось еще увидеть страшные ураганы, циклоны, свирепствующие в этих морях: они вырывают деревья с корнями, вызывают разрушительные наводнения, топят корабли и гонят на равнины морские волны.

Кубинские реки были совсем непохожи на африканские. В Африке текут могучие потоки мутной воды, унося с собой гниющие растения, здесь же реки были глубокие, чистые и прозрачные. В них водилось немало жемчужных, моллюсков и больших черепах.

По жестам индейцев Колумб понял, что земля эта очень велика и ее нельзя обойти на корабле даже за двадцать дней. Тогда он решил, что уже миновал Сипанго и достиг берегов Китая. «Несомненно, что если эта земля — материк, — писал он, — то я нахожусь перед Саито и Кисаем (южными городами Китая)». Куба, по его мнению, была одним из полуостровов провинции Манзи на океанском побережье Азии. Но где же города, где пагоды с золочеными крышами, бронзовые пушки, знатные вельможи в тканых золотом одеждах, где золото и пряности?

Каравеллы испанцев шли вдоль северного берега Кубы, останавливаясь в бухтах и устьях рек, где виднелись индейские селения.

В те времена Кубу населяли три племени индейцев которыми правили касики-вожди и бехики-жрецы, знахари или шаманы. Два племени вели кочевой образ жизни, занимались охотой и рыболовством. Они пользовались грубыми орудиями труда из неотесанного камня, дерева, больших морских раковин и рыбьих костей. Третье племя — таины достигло более высокого уровня развития и занималось земледелием. Поля возделывали всем селением, сообща. Таины выращивали кукурузу, маниок, бобы, земляной орех, тыкву, перец, сладкий картофель, различные фрукты и табак.

Однако щедрая природа острова не была еще так богата, как сегодня. Здесь не зеленели бескрайние заросли сахарного тростника — главного богатства Антильских островов, не было ни банановых плантаций, ни рощ кофейного дерева, ни кокосовых пальм.

Рыболовством и охотой занимались мужчины, а женщины работали в поле. Таины умели делать глиняную посуду, прекрасно резали по дереву, изготавливали из больших раковин орудия труда, плели сети, ткали из хлопка и волокон дерева сейба прекрасные ткани, строили тростниковые или бамбуковые хижины. Испанцы находили у них глиняные статуэтки и маски. В хижинах туземцев жили собаки, не умеющие лаять, и прирученные лесные птицы, но нигде не было домашних животных.

Об островитянах — о гостеприимных, простодушных и доверчивых людях — Колумб отзывался так: «Эти люди покорны и боязливы. Как я уже говорил, они нагие, без оружия и без закона. Земли эти весьма изобильны, здесь во множестве растут «tames» (бататы — сладкий картофель) — плоды, подобные моркови, имеющие вкус каштанов, есть фасоль и бобы, но значительно отличающиеся от наших кастильских, встречается много хлопка. Хлопок, однако, тут не сеют. Он растет в диком виде на пустырях и имеет высокие стебли. Я думаю, что собирать хлопок можно здесь в течение всего года... Тут имеется такое множество разных плодов, что нет возможности описать их. И из всего этого можно извлечь пользу... Здесь

сеют «ахе» (ямс) — растеньице с корневищами, как у морковки. «Ахе» приготавливают, как хлеб: размалывают корни, затем замешивают муку и выпекают ее».

Колумб рассказывает дальше, что после сбора урожая побеги этого растения пересаживают в другое место и из них вырастают по четыре-пять корневищ толщиной с человеческую ногу.

В те времена четыре пятых кубинской земли были покрыты густыми тропическими лесами, и весь этот остров можно было обойти под сенью пальм.

В лесах порхали громадные, похожие на цветы, бабочки; мелькали, переливаясь всеми цветами радуги, насекомые, не уступавшие в красоте великолепным цветам с дурманящим запахом. А цветов здесь было множество, но особенно выделялись своей прелестью орхидеи. В зарослях без устали стрекотали сверчки и цикады.

В устье реки Хибары Колумб приказал бросить якорь и оставался там двенадцать дней. Индейцы, убедившись, что белые не делают им зла, окружили на своих челнах корабли, и вскоре завязалась оживленная меновая торговля.

В ответ на настойчивые расспросы чужеземцев о золоте индейцы утверждали, будто этот металл в больших количествах имеется в глубине острова — на Кубанакане. Колумб решил, что это описанная Марко Поло столица хана Кубилая, и отправил туда двух послов — переводчика Луиса де Тореса, владевшего арабским и еврейским языками, и одного из моряков, которому довелось побывать в Гвинее у негритянских вождей. Послам дали с собой письмо испанских государей и дары для великого хана, а также стеклянные побрякушки и пестрые лоскуты материи для обмена по дороге на пищу. Посланцев сопровождали двое индейцев.

Можно ли представить более злую иронию судьбы: великий мореплаватель искал на Кубе путь к городу, находившемуся совсем на другом конце света, и хотел попасть к хану монголов, династия которого свыше ста лет назад была свергнута и изгнана из Китая.

Там, где теперь расположен город Ольгино, посланцы увидели селение из пятидесяти хижин, крытых пальмовыми листьями. Индейцы встречали их как пришельцев с неба. Вождь устроил в их честь пир, туземцы целовали им руки и ноги и приносили всякие дары. Испанцы были восхищены сердечным приемом, но Торес в тревоге обнаружил, что никто из этих краснокожих не владеет арабским языком и никто не слышал о богатых городах с каменными домами, в которых живут купцы и могущественные правители.

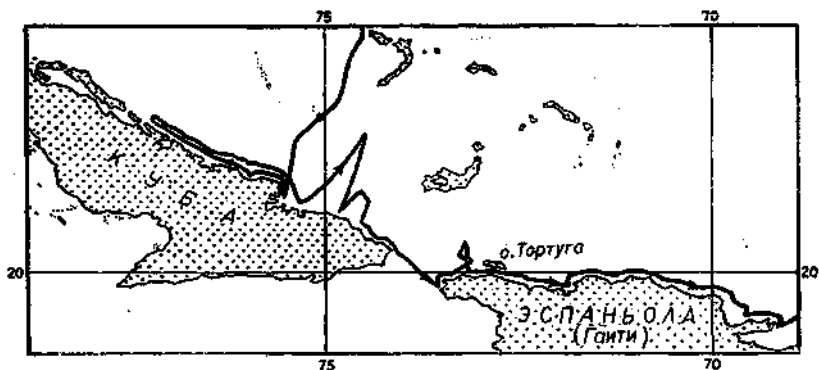
Индейцы потчевали чужеземцев кассавой — хлебом из муки маниоки, — испанцы уже отведали его на островках Багамского архипелага, — и испеченными в золе костра ароматными мучнистыми плодами, которые они выкапывали из земли. Так европейцы познакомились с картофелем.

Однако ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей послы не нашли. Они тщетно показывали индейцам перец, гвоздику и корицу — таких растений островитяне на своей земле не видели.

Возвращаясь к кораблям в сопровождении большой толпы индейцев, испанцы обратили внимание на их странное поведение: многие туземцы складывали в трубочку сухие листья какого-то растения, зажигали их с одного конца, а затем с наслаждением «пили по своему обычаю дым». Эти огромные сигары островитяне называли табако. На каждом привале они зажигали по одной такой сигаре, затягиваясь ею по очереди три-четыре раза, и выпускали дым через ноздри. Знатные люди — касики «пили дым» из полой трубки, толщиной с мизинец — каовы. Один конец трубки с двумя дырочками они вкладывали в ноздри, второй же держали над кучкой горящего табака. Это было первое знакомство европейцев с табаком.

Моряки, очевидно, тоже пробовали табак, и адмирал им этого не запрещал, хотя видел, что они быстро одурманиваются непривычным крепким дымом. Он только заметил в своем дневнике, что не понимает, какая польза от этих тлеющих головней.

Испанцы даже не подозревали, как скоро эти

Путь Колумба у берегов Кубы и Эспаньолы в 1492—1493 гг.

«тлеющие головни» распространятся по всему свету, несмотря на строгие запреты и даже проклятие церкви, какие огромные барыши они принесут торговцам и какой вред — человеческому здоровью.

Дождавшись возвращения послов, испанцы еще несколько дней потратили, чтобы закончить починку каравеллы, а затем двинулись дальше вдоль берега Кубы на северо-запад, пока не достигли ряда мелких островов и коралловых рифов, которые адмирал назвал «Садами Короля» (теперь Камагуэйский архипелаг).

Колумб решил, что попал, очевидно, в самую бедную часть Катая и повернул обратно на восток. Из невразумительных жестов и объяснений индейцев он сделал вывод, что там есть золото и пряности: «Он показал индейцам корицу и перец. Они узнали и то и другое, и знаками дали понять, что неподалеку от этих мест по дороге на юго-восток имеется много подобных растений. Показал им также адмирал золото и жемчуг, и старики ответили ему, что в местности, которая называется Бохио, золота не счесть; там золотые украшения носят в ушах, на ногах, на руках, на шее и в той стороне есть и жемчуг. Он узнал также, что там имеются большие корабли и богатые

товары, а земля эта лежит на юго-восток, а еще дальше живут одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо... и называются «каннибалами»... «И индейцы проявляли страх перед ними... Они лишались дара речи, опасаясь, что их съедят, и утверждали, что каннибалы — люди, хорошо вооруженные».

Адмирал думал, что индейцы говорят неправду и что каннибалы, которые будто бы брали индейцев в плен, это жители страны великого хана.

Другие индейцы называли страну на Востоке Бабек — или Квисей и утверждали, что она сказочно богата.

Насколько можно было судить по их жестам, жители этой страны собирали золото прямо по побережью в ночное время при свете факелов, а затем молотками сколачивали его в бруски. Слово Квисей напомнило Колумбу Кинсей — известный город Кята. Надежда вновь окрылила моряков, и они поспешили на восток.

Адмирал заботился и о будущих проводниках веры христовой. Он приказал схватить нескольких индейцев, чтобы потом отвезти их в Испанию и обучить испанскому языку. Они познакомятся с этой страной, усвоят ее обычаи и веру и, вернувшись, станут переводчиками и проводниками веры христовой. А пока что эти туземцы должны были показывать путь к другим островам. Колумб расхваливал в своем дневнике индейцев, говорил, что они смиренные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража, безоружные и такие боязливые, что любой из испанцев может обратить в бегство сотни туземцев.

12 ноября каравеллы Колумба отправились на поиски таинственного острова, богатого золотом.

Испанцы увезли с собой на «Санта-Марии» нескольких индейцев, которые из любопытства поднялись на корабль, — шестерых мужчин, семерых женщин и троих детей.

Задержав женщин с детьми, Колумб заметил в своем дневнике: «Я поступил так, зная, что индейцы будут лучше себя чувствовать в Испании, имея

с собой женщин из своей земли... Они скорее почувствуют охоту выполнять то, что от них потребуют; и, кроме того, эти женщины быстро научат испанцев своему языку, единому на всех островах Индии».

Духовные лица, по мнению Колумба, смогут овладеть языком индейцев, и будут лучше проповедовать учение Христа.

«Молю бога, — писал Колумб католическим королям, — чтобы ваши высочества приложили старания, чтобы ввести в лоно церкви столь великие народы и обратить их в нашу веру, а также уничтожить всех, кто не пожелает поклоняться отцу, сыну и святому духу». И когда это будет совершено, Испания, по мнению Колумба, превратится в богатейшую страну в мире, ибо на этих островах золота — несметное количество.

Колумб без устали твердит о массивных золотых браслетах, которые индейцы носят на шее, руках и ногах, о драгоценных камнях и жемчуге, а также о благовонных смолах и пряностях, которые принесут огромные барыши. Он считает также, что здесь можно собирать много хлопка и продавать его в городах великого хана.

Все помыслы Колумба заняты золотом, это его проклятие, мания и надежда. Слишком долго пришлось ему терпеть нужду и вымаливать у сильных мира сего, как милостыню, средства для осуществления своих замыслов. И вот, наконец, пришло и его время вкусить от щедрот золотого тельца. Повсюду ему мерещился этот блестящий металл. Колумб велел все обменивать только на золото: бусы, зеркальца, глиняные черепки, красные колпаки и погремушки. И этими безделушками испанцы вскоре буквально заволокли Антильские острова. Погремушки вызывали у бесхитростных островитян восторг и очень скоро стали мерой их порабощения, так как погремушками начали измерять количество золота, добытого рабами.

Золото было необходимо адмиралу, чтобы заткнуть рот недоброжелателям, которые так яростно возражали против его проекта, поразить и опозорить своих врагов. Золото всех заставит признать его заслуги.

Золотом покроет он издержки экспедиции, при помощи золота докажет королю и королеве, что они дарили своей милостью достойного; золотом пополнит он оскудевшую королевскую казну.

Окрыленные надеждой, испанцы медленно шли на юго-восток вдоль берегов теперешней провинции Кубы Ориенте. Здесь их застигла первая сильная буря. Колумб отдал каравеллам приказ следовать за флагманом и стал искать укрытия в какой-нибудь бухте. Быстроходная «Пинта» была далеко впереди, когда адмирал вдруг без всякого предупреждения, не произведя даже обычного в таких случаях выстрела из пушки, изменил курс и повернул назад, решив из-за неблагоприятной погоды временно прекратить поиски острова Бохио, или Бабека. Очевидно, на «Пинте» не разглядели сигнальных огней «Санта-Марии», и Мартин Алонсо Пинсон продолжал следовать прежним курсом на восток.

На следующее утро обнаружилось, что «Пинта» исчезла. Ее капитан не раз высказывал недовольство и даже возмущался действиями сурового, высокомерного чужестранца, его медлительностью и затянувшимся пребыванием у островов Багамского архипелага и Кубы. Возможно, что он решил действовать самостоятельно и отправился на поиски богатого острова.

Адмирал, осудив в своем дневнике алчность капитана «Пинты», ограничился лишь кратким замечанием, что Пинсон отделился от флотилии, не по причине дурной погоды, а по своей прихоти. Он, мол, и до того доставлял Колумбу немало хлопот и забот.

Но Эрнандо Колумб — сын великого мореплавателя в биографии своего отца оценивает этот случайный эпизод как измену и предательство Пинсона, отважного и умелого мореплавателя, вложившего в экспедицию значительно большие средства, чем сам Колумб, он изображает как дезертира и коварного соперника отца. Он утверждает, что Пинсон якобы стремился первым ступить на сказочно богатый остров, первым возвратиться в Испанию с золотым гру-

зом и в случае гибели Колумба воспользоваться всеми предназначавшимися тому благами и привилегиями.

Действия же самого Колумба после мнимого дезертирства Пинсона кажутся нелогичными: он отнюдь не спешил нагнать беглеца, отправившегося в страну золота, а в течение почти двух недель продолжал идти вдоль берегов Кубы, заходя чуть ли не в каждую бухту. Правда, у этого изобилующего рифами побережья, где дули переменные ветры — бризы, он чувствовал себя неуверенно и не хотел рисковать, боясь посадить суда на мель.

«Санта-Мария» и «Нинья» осторожно шли на восток вдоль прекрасных берегов Ориенте. Высокие горные хребты, подступавшие к самому морю, и реки, текущие между ними, создавали большие удобные бухты, в которых, по словам Колумба, могли бы уместиться все корабли Испании. Окинув внимательным взглядом окрестные горы, адмирал заметил на склонах великолепный лес с огромными соснами, пригодными для постройки кораблей. Из них, — писал Колумб, — выйдут мачты и палубные доски для самых больших кораблей Испании. Адмирал заметил здесь также дубы и нашел реку, на которой можно было без труда установить пилу, работающую от водяного колеса.

5 декабря Колумб достиг восточной оконечности Кубы — мыса Маиси, который он назвал мысом Альфы и Омеги (Начало и Конец), приняв его за крайнюю точку Азиатского материка, где, по его мнению, кончается Восток и начинается Запад.

Отсюда адмирал заметил на юго-востоке гористую землю и уже на следующий день достиг нового большого острова, который индейцы называли Гаити. Здесь подымались высокие горы, покрытые чудесным лесом; здесь простирались обширные плодородные долины и текли полноводные реки. Ночью весь остров сверкал огнями костров — новая земля была густо населена.

Рыба, пойманная матросами, походила на испанскую, с гор дул свежий ветер, принося прохладу,

слышалось пение соловья — все напоминало морякам далекую родину. Вот почему Колумб назвал этот остров Эспаньолой — маленькой Испанией и торжественно присоединил его к владениям королей Кастилии и Арагона.

ЭСПАНЬОЛА — МАЛЕНЬКАЯ ИСПАНИЯ

Живописный плодородный остров. — Пугливые, но радушные туземцы. — «И они годны на то, чтобы ими повелевать...» — Алчные, ненасытные испанцы. — Гибель «Санта-Марии». — Основание форта Навидад. — Белые боги говорят на языке пушек. — Встреча с «Пинтой». — Золотая река и сирены. — Первое вооруженное столкновение.

Обе каравеллы, непрерывно измеряя глубину, медленно и осторожно продвигались вдоль берега Эспаньолы. Они огибали мысы и заходили в многочисленные бухты. Колумб был очарован красотой острова. На живописных берегах зеленели рощи, ветви деревьев ломались под тяжестью плодов, и адмиралу казалось уже, что среди них немало различных пряностей.

Никакими словами нельзя было выразить прелесть Эспаньолы.

«Страна эта довольно прохладная и настолько хорошая, что не хватает слов для ее описания... — писал Колумб. — Во всей Кастилии не найдется такого уголка, который по красоте и приветливости мог бы сравниться с этой страной. И вся Эспаньола... сплошь возделана, как долина Кордовы...».

Местные жители казались еще более робкими и пугливыми, чем на других островах, и в панике убегали в лесные заросли, лишь только испанцы показывались на берегу.

Колумб применил уже испытанный метод: он велел изловить нескольких индейцев, одарить их и отпустить обратно на берег.

Радужная встреча на Эспаньоле (по старинной гравюре).

Матросы высадились на берег и вскоре привели на судно пленницу — красивую обнаженную девушку, уши и нос которой украшали массивные золотые подвески. Это была обнадеживающая находка: значит на острове есть золото! Туземку щедро одарили бусами, серьгами, кусками пестрой материи, и она не захотела покидать корабль и расставаться с гостеприимными пришельцами. С большим трудом удалось высадить ее на берег,

Колумб правильно рассчитал, что подарки и добрые вести, которые молодая женщина доставит своим соплеменникам, развеют их страх, островитяне станут приходить к кораблям, и испанцы смогут узнать, чем богат этот прекрасный, плодородный, густо населенный остров. К тому же с индейцами следовало установить хорошие отношения: хотя они и были слабо

вооружены, но, напав большой толпой, могли уничтожить горстку чужеземцев.

Вскоре матросы обнаружили большое селение, около тысячи хижин, где жило несколько тысяч индейцев. При приближении испанцев они все покинули свои жилища и скрылись в лесу. Один из индейцев, привезенных Колумбом с Кубы, бросился за ними и стал всячески расхваливать белых богов, которые раздают красивые вещи. Тогда островитяне стали робко приближаться к испанцам, в знак смирения сложив руки на голове.

Постепенно от страха не осталось и следа, и туземцы стали приносить белым людям дары. Испанцы были восхищены их радушием и красотой. Возвратилась в деревню и недавняя пленница — соплеменники почтительно несли ее на плечах. Оказалось, что это дочь их вождя. Отношения индейцев с испанцами стали еще сердечнее.

И все-таки испанцы были разочарованы: на этом острове тоже не было больших, богатых городов, и люди, нищие и голые, питались плодами, кореньями, рыбой и дичью.

Каравеллы Колумба отправились дальше на восток вдоль северного берега Эспаньолы. 16 декабря во время сильной бури мореплаватели встретили посреди одного из заливов маленькое каноэ с одиноким гребцом. Испанцы были поражены ловкостью и отвагой индейца. Его вместе с суденышком подняли на борт «Санта-Марии» и, богато одарив, отпустили вблизи его родного селения. Вскоре на берегу собралось около пятисот туземцев вместе с их вождем касиком, которого испанцы называли королем.

Многие индейцы подплывали на своих челнах к кораблям, бросившим у берега якоря, но, по словам Колумба, не привозили с собой решительно ничего, если не считать воткнутых в нос и уши зерен чистейшего золота, которое они охотно отдавали морякам.

Колумб приказал принимать гостей с почетом, потому что это, мол, самые лучшие и самые смиренные люди на свете.

«Нет у них оружия, и они наги и не изобретательны

в военных делах и так трусливы, что тысяча индейцев не отваживается лицом к лицу встретиться с тремя испанцами. И они годны на то, чтобы над ними повелевать и принуждать их работать, сеять и делать все, что будет необходимо».

Посетил корабль и местный касик — юноша двадцати одного года — со своими советниками-старейшинами племени. Адмирал оказал молодому вождю должные почести, усадил за стол и угостил кастильскими кушаньями и напитками, но юноша едва прикасался к угощению, передавая его своим спутникам. Все это он делал с удивительным достоинством, без единого лишнего слова. Индейцы почтительно и без промедления выполняли все его приказания.

На прощанье касик подарил Колумбу две плитки золота и пояс, а он в свою очередь дал гостю кусок сукна, янтарные бусы, красные башмаки и флакон благовонной воды.

Испанцы выменяли у туземцев не слишком много золота, но индейцы знаками показали, что желтого металла много на ближнем острове Тортуге и также на острове Банеке, или Бабеке, до которого отсюда всего лишь два дня пути на восток. По словам индейцев, один из островов сплошь золотой, а на других золота так много, что его собирают, просеивают через сито, а потом плавят и выделывают слитки и разные вещицы.

Золото — этот идол испанцев — манило к себе Колумба, толкало на поиски фантастического острова. Каравеллы шли к нему, а он, если верить указаниям индейцев, не только не приближался, но оказывался все дальше и дальше.

Повсюду на берегах заливов и бухт испанцы наталкивались на большие селения. Толпы индейцев приносили белым пришельцам дары и делали это, по свидетельству Колумба, с таким удовольствием и радостью, что ему это казалось чудом. Невозможно было поверить, что есть на свете люди с таким добрым сердцем, такие щедрые.

22 декабря Колумба посетила депутация от другого

касика — Гуаканагари, властвовавшего над большей частью острова, и пригласила адмирала пройти еще к востоку, поближе к резиденции касика, расположенной на самом берегу.

Неблагоприятная погода и сильный встречный ветер задержали адмирала до 24 декабря, и лишь тогда при полном штиле каравеллы медленно двинулись на восток.

25 декабря около 11 часов вечера Колумб пошел отдохнуть, доверив рулевому управление кораблем. Стояло полное безветрие, и уснувшее море казалось глубоким, без отмелей. Рулевой, воспользовавшись отсутствием адмирала, передал штурвал юнге и задремал. Вся команда корабля, захмелев после рождественского ужина, спала крепким сном.

Вскоре «Санта-Марию» стало относить течением в сторону, корабль наткнулся на коралловый риф и сел на мель. Удар не был сильным, никто даже не проснулся. Все же юнга почувствовал, что судно не слушается руля, с криком бросился будить адмирала и команду.

На мели сидел только нос корабля, поэтому адмирал приказал шкиперу Хуану де ла Косу — старому опытному моряку, взять группу матросов, отвезти на шлюпке якорь и забросить его со стороны кормы, подальше от корабля: тогда, намотав канат на брашпиль, может быть удалось бы стащить судно с мели.

Но матросы не выполнили приказа и бросились за помощью на «Нинью», лежавшую в дрейфе в полулиге от флагманского корабля.

Капитан «Ниньи» Винсенте Яньес Пинсон, узнав о бедствии, отправил матросов назад и поспешил со своей командой на помощь.

Однако волны и отлив уже прочно посадили «Санта-Марию» на мель. Твердый коралловый риф пропорол днище корабля, и трюм наполнился водой. Матросы срубили мачту, чтобы облегчить корабль, но это не помогло. Адмирал приказал покинуть тонущее судно и перебраться на «Нинью».

На следующее утро испанцы с помощью островитян еще раз попытались снять судно с мели, но ка-

равелла уже наполнилась водой. Туземцы помогли белым перевезти на берег корабельное имущество, оружие, продовольствие и товары для меновой торговли. Все эти вещи индейцы сложили в хижины и так ревностно охраняли их, что не пропала ни одна мелочь. Касик Гуаканагари сделал все, чтобы облегчить Колумбу эти тяжелые часы, и обещал ему всяческую помощь. «...В целом свете не найдется ни лучших людей, ни лучшей земли, — писал Колумб. — Они любят своих ближних, как самих себя, и нет во всем мире языка более приятного и нежного, и, на устах у них всегда улыбка». Но в то же время адмирал решил, что было бы неплохо показать этим добрым людям силу испанского оружия. Он велел принести лук и стрелы, и один из матросов выстрелил в цель. Лук привел касика в изумление, ибо это оружие было ему незнакомо.

Потом Колумб приказал дать залп из пушек. При звуке выстрелов индейцы в ужасе попадали на землю. Они были поражены силой этого оружия.

Пока адмирал беседовал с касиком, подошло каноэ из дальнего селения. Индейцы привезли золотые плитки для обмена на погремушки. Один индеец дал за погремушку четыре золотых плитки величиной с ладонь каждая. Индейцы обещали привезти еще желтого металла. Гуаканагари, увидев, как обрадовался адмирал, сказал, что он может доставить золота — сколько адмирал пожелает. В горах Сибао — в глубине острова его великое множество! Один индеец этого племени рассказал Колумбу, что Гуаканагари велел отлить из золота статую адмирала в полный рост и доставить ее сюда через десять дней. Это известие несказанно обрадовало Колумба и утешило его в несчастье.

В своих записках убитый горем Колумб всячески поносил погибшее судно, которое якобы было тяжелым и непригодным для экспедиции. Он писал, что палосские корабельщики не выполнили своего обещания королю и не подготовили корабль надлежащим образом. Адмирал обвинял также шкипера де ла Коса в трусости и нарушении дисциплины. Он считал, что

шкипер был в сговоре с братьями Пинсон, и взваливал на него всю вину за случившееся.

Излив в дневнике гнев на своих спутников, адмирал постарался снять с себя всю ответственность за катастрофу, истинной причиной которой был рождественский ужин.

Экспедиция оказалась в незавидном положении. На единственной оставшейся каравелле невозможно было перевезти на родину всех моряков. Но адмирал был твердо уверен, что его ведет воля провидения и усматривал в этом несчастье знамение божие: здесь надо заложить город и оставить экипаж «Санта-Мари». Касик хотел того же. Он надеялся, что могущественные посланцы небес, обладающие чудесным оружием, оставшись у него в стране, защитят ее от набегов воинственных карибов.

Среди матросов нашлось немало желающих остаться на Эспаньоле: они видели, что здесь много золота, и надеялись быстро разбогатеть.

Колумб приказал построить на берегу укрепленный лагерь — форт с башнями и окопать его рвом. На постройку пошли части корпуса «Санта-Мари». Колумб назвал укрепленный лагерь Навидад (город Рождества). В крепости установили пушки, в пороховом погребе спрятали оружие и боеприпасы. Гарнизон оставили большую часть продовольствия с расчетом на целый год и привезенные из Испании семена хлебных злаков, товары для меновой торговли и шлюпку для рейдов вдоль побережья.

Оставшимся в форте Навидад тридцати девяти испанцам было поручено искать на Эспаньоле золотоносные руды, исследовать остров, поддерживать дружеские отношения с индейцами, не обижать их и воздерживаться от насильственных действий. Гарнизон форта был обеспечен всем необходимым, чтобы дожидаться прибытия кораблей из Испании.

Адмирал надеялся, что оставшиеся моряки добудут целые горы золота. Согласно его приказу, драгоценный металл следовало тщательно хранить, чтобы в случае нападения он не попал в руки островитян.

Строительство форта (по старинной гравюре).

27 декабря индейцы сообщили Колумбу, что видели у берегов острова исчезнувшую «Пинту». Один из матросов в сопровождении туземцев отправился на каноэ к капитану Мартину Алонсо Пинсону с дружеским письмом Колумба. Адмирал приглашал «Пинту» прибыть в форт Навидад. Но посланцы не нашли каравеллы. Позже выяснилось, что они слишком рано повернули обратно — «Пинта» стояла на якоре в устье реки за следующим мысом.

2 января 1493 года Колумб торжественно простился с гарнизоном форта и с гостеприимными индейцами.

Перед расставанием ему, очевидно, захотелось поднять престиж испанцев, несколько пошатнувшийся после гибели «Санта-Марии». Надо было показать островитянам, какими таинственными силами повелевают белые люди, чтобы дружески настроенные к ним индейцы прониклись также и страхом.

Адмирал приказал зарядить пушки и дать залп по остаткам корпуса «Санта-Марии». Индейцы с ужасом взирали, как огромные каменные ядра, пробив обшивку корабля, падают далеко в море. Затем адмирал велел провести маневры. В этой военной игре участвовали матросы, вооруженные шпагами, пиками, щитами, луками и ружьями. Загремели выстрелы, засвистели пули, раздался звон шпаг, ударявшихся о броню.

Шум битвы поверг простодушных островитян в неопределимый ужас, но в то же время вселил в них уверенность, что в стране поселились могущественные люди, способные защитить их от набегов других племен.

Дождавшись попутного ветра, испанцы 4 января подняли якорь и двинулись на восток вдоль северного побережья Эпаньолы.

На третий день один из матросов заметил с вершины мачты «Пинту». Вскоре она подошла к «Нинье», и капитан, явившись к Колумбу, начал оправдываться, заверяя его, что отделился не по своей воле.

Адмирал принял объяснение с благосклонной улыбкой, но в дневнике записал, что старший Пинсон про-

являл в отношении к нему гордыню и бесстыдство, и что он, Колумб, вынужден был скрывать свои чувства, чтоб не дать сатане помешать благополучному завершению экспедиции.

Колумб подозревал Пинсона в том, что он наменял у туземцев много золота и присвоил его себе, а часть роздал своим матросам. Кроме того, адмирал обвинял капитана в пленении четырех индейцев с Эспаньолы. Колумб приказал немедленно одеть их и отпустить на свободу, ибо, как он писал в дневнике, на этом острове все мужчины и женщины принадлежат их высочествам.

Колумб, по его собственному признанию, намеревался пройти вдоль всего берега Эспаньолы, но не смог осуществить намеченного: люди, которых он назначил капитанами, и другие, следовавшие примеру Пинсонов, невзирая на честь, оказанную им адмиралом, были обуреваемы гордыней и жадностью и считали, что все должно принадлежать им одним. Они не подчинялись распоряжениям адмирала и говорили о нем неподобающее и недостойное.

И все это, жаловался адмирал, он должен был терпеть не говоря ни слова, чтобы благополучно завершить свое плавание. Он вынужден был скрывать свои чувства, потому что имел дело с людьми распущенными.

Мартин Пинсон, в свою очередь, сомневался в том, что открытый испанцами остров — Сипанго: золота здесь было мало, о богатых городах — ни слуху ни духу, лишь толпы голых туземцев бродят вокруг. К тому же капитан утверждал, что ни один испанец в форте Навидад не останется в живых, ни один не дождетя прибытия кораблей из Испании и оружие и продовольствие оставлены там напрасно. Пинсон требовал также, чтобы каравеллы немедленно отправились на родину: оба корабля обветшали, их обшивка изъедена червями, и вода просачивается в трюмы. Матросам все время приходилось конопатить щели и откачивать воду.

Колумб отмечал, что команды могут уповать лишь на господа бога.

Однако он все еще не хотел покидать Эспаньолу; к тому же его прельщали рассказы индейцев и о других богатых землях — островах Кариб (Пуэрто-Рико, или Гваделупа), Матинино (Мартиника), населенном женщинами-амазонками, и Ямайи (Ямайка). Поэтому, несмотря на ропот команды, адмирал еще несколько дней шел вдоль берегов Эспаньолы. Испанцы открыли здесь реку, песок которой, как им показалось, содержал много золотых зерен. Однако это было не золото, а пирит. Но Колумб, обрадованный находкой, назвал реку Рио-дель-Оро (Золотая река).

Недалеко от этой реки адмирал увидел в море трех сирен, высунувшихся из воды; но они, по его словам, были не так красивы, как о них говорят, и их лица были больше похожи на мужские.

Эта запись Колумба не вызывает удивления: о женщинах с рыбьими хвостами — сиренах и русалках — рассказывали и древние греки, и северные народы, и даже через сто лет после Колумба о них всерьез писал английский мореплаватель и путешественник Генри Гудсон.

Очевидно, «сирены», которых увидел Колумб, были ламантинами — морскими коровами, которые в те времена в больших количествах водились у берегов Антильского архипелага.

Моряки видели также огромных черепах величиной со щит, выползавших из моря откладывать в прибрежном песке яйца.

13 января матросы, сошедшие на берег, встретили длинноволосых, воинственно настроенных индейцев, вооруженных луками и дубинками из тяжелого, твердого, как железо, дерева. Туземцы пытались напасть на белых пришельцев, и испанцы пустили в ход свои шпаги и арбалеты. Оставив двоих раненых, индейцы обратились в бегство. То была первая вооруженная стычка белых с краснокожими. Адмирал заметил по поводу этого столкновения, что с одной стороны это его печалит, а с другой — радует: теперь туземцы будут бояться христиан и не станут на них нападать. Он добавил также, что не плохо бы захватить не-

сколько таких воинственных индейцев в плен. Дня через два испанцы задержали четырех пришедших на корабль юношей, чтобы увезти их с собой в Кастилию.

Ропот и протесты матросов заставили, наконец, адмирала покинуть берега Эспаньолы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ТРИУМФ

Домой с попутным ветром. — На краю гибели. — Невзгоды у Азорских островов. — Во власти бурь вплоть до берегов Португалии. — Визит к Жуану II. — Возвращение в Палос. — Волнующее послание. — Триумф в Барселоне. — В лучах славы. — Тордесильяское соглашение от 7 июля 1494 года — первый «раздел мира».

16 января 1493 года Эспаньола скрылась, наконец, за горизонтом. Колумб взял курс не на северо-восток, а прямо на север, считая, что там ветер будет попутным.

Неизвестно, имел ли он действительно какие-то данные об океанских ветрах, или же руководствовался чутьем и гениальной догадкой, но курс оказался удачным: вскоре каравеллы вышли из пояса северо-восточных пассатов, которые помешали бы им вернуться домой, и попали в район попутных западных ветров.

Итак, вторично пройдя таинственные морские луга, каравеллы при попутном ветре неделю за неделей шли по спокойному океану на восток. Испанцы надеялись вскоре увидеть родные берега.

Лишь одному Колумбу было известно, как далеко еще до Испании. По его словам, он и на обратном пути умышленно неточно указывал пройденный путь, чтобы ввести в заблуждение моряков, отмечающих курс на карте, и остаться хозяином дороги в Индию. Он хотел, чтобы никто не знал верного пути и чтобы никто не был уверен, что избранный маршрут приведет его в Индию.

12 февраля поднялась страшная буря, продолжавшаяся очень долго. Матросы убрали почти все паруса, чтобы яростные порывы ветра не опрокинули корабли. На «Пинте» треснула бизань-мачта, и буря грозила совсем свалить ее.

По поводу этой мачты Колумб в своем дневнике сурово упрекнул капитана судна Мартина Алонсо Пинсона: если бы капитан «Пинты» потратил на поиски надежной мачты в Индии, где было так много пригодного леса, столько же труда, сколько израсходовал, покинув адмирала в надежде наполнить свой корабль золотом, то он, несомненно, смог бы поставить на каравелле крепкую мачту.

Но и сам Колумб был не безгрешен: он не позаботился о балласте для «Ниньи», груз которой значительно уменьшился, так как запасы провианта, воды и вина подходили к концу. Легкое суденышко поднялось высоко над водой, и в бурю любой порыв ветра мог его опрокинуть.

Четыре дня мореплаватели боролись за свою жизнь. Ни на миг не отходили они от насосов. Каравелла скрипела и трещала под ударами волн. Рулевой напрягал все силы, чтобы горы воды не обрушивались на борт корабля — гибель была бы неминуема.

В ночь с 13 на 14 февраля каравеллы потеряли друг друга из виду и больше не встретились до самого возвращения в Испанию. Команду «Ниньи» после исчезновения «Пинты» охватило отчаяние. Закаленные моряки, казалось, потеряли всякую надежду на спасение и пытались горячими молитвами успокоить яростную стихию.

Адмирал в отчаянии приказал бросить жребий, чтобы выбрать человека, который, если им удастся спастись, будет обязан по возвращении в Кастилию совершить паломничество в храм святой Марии Гваделупской и в знак благодарности поставить перед ее образом восковую свечу весом в пять фунтов. Он отсчитал столько горошин, сколько людей было на корабле, и на одной из них ножом вырезал крест, затем высыпал горошины в колпак. Колумб тянул первым и вынул помеченную горошину. Потом бросили жре-

бий, кому совершить паломничество в другие монастыри. Один жребий пал на матроса, другой — снова па Колумба. Теперь он вздохнул с облегчением — в душе затеплилась надежда, что бог избрал его своим орудием и не даст погибнуть в безбрежном океане.

Затем Колумб и его люди дали торжественный обет по прибытии на землю босиком в одних рубашках направиться крестным ходом в ближайшую церковь и исповедаться в грехах. Помимо общего обета, каждый из них принял на себя еще и свой личный обет.

Океан продолжал неистово бушевать. Через палубу между носовой и кормовой надстройками с диким ревом перекачивались валы. Они смыли очаг в океан. Моряки вынуждены были питаться сухарями и сыром, запивая их глотком вина, чтобы совсем не обессилеть.

Колумбу не давала покоя мысль о том, что он может погибнуть и тогда никто не узнает о его великих открытиях и все его труды пропадут даром.

При свете тусклого фонаря он изложил на листе пергамента все самое важное, что увидел в заокеанских странах и, обернув пергамент провощенной тканью, запечатал его. К этому посланию, адресованному Изабелле и Фернандо, Колумб приложил записку, в которой обещал тысячу дукатов человеку, который доставит сверток по назначению, не вскрывая его. Так Колумб пытался уберечь от чужих глаз свою великую тайну. Затем он покрыл пакет воском, положил его в бочонок и бросил в океан. Но тут же он решил, что поторопился, и приготовил второй такой же бочонок с посланием, поставив его непривязанным на корму, чтобы он всплыл в момент крушения судна.

Однако старания адмирала оказались напрасными — бочонок с его посланием так никогда и не был обнаружен, но в руки доверчивых коллекционеров и по сей день попадают подделки якобы извлеченного из океана подлинного судового журнала Колумба.

15 февраля буря поутихла, и измученные мореплаватели увидели при свете восходящего солнца землю на горизонте. Их обуяла радость появилась надежда

на спасение. Колумб безошибочно определил, что это — один из островов Азорского архипелага, владение Португалии. Но ветер переменился, и лишь на третий день «Нинья» снова подошла к острову, хотя католические короли строго-настрого наказали Колумбу, во избежание конфликта, не заходить ни в один португальский порт и не посещать португальских колоний.

17 февраля, после захода солнца, испанцы попытались стать на якорь, но волны оборвали цепь, отнесли судно в море и «Нинье» пришлось всю ночь лавировать поблизости от берега. Наутро Колумб отправил на берег шлюпку, и мореходы узнали, что адмирал не ошибся и корабль действительно находится у Санта-Марии — одного из островов Азорского архипелага. Жители острова указали морякам гавань, куда могла бы зайти каравелла. Они говорили, что никогда еще не видели такой сильной бури, и удивлялись, как испанцы спаслись от гибели.

Выполняя обет, данный в страшные минуты, половина команды в одеждах паломников сошла на берег и направилась к ближайшей церкви. Но Колумб тщетно дожидался их возвращения: губернатор острова, заподозрив испанцев в незаконном посещении Западной Африки, приказал их задержать.

Колумб почувствовал неладное. Он велел поднять паруса и повел свой корабль вдоль берега по направлению к церкви. Вскоре он заметил на берегу всадников. Они спешили, сели в лодки и с оружием в руках поплыли к «Нинье».

Среди португальцев был и губернатор острова. Колумб хотел любезным обращением завлечь его на корабль, чтобы взять в плен как заложника, а губернатор, в свою очередь, старался заманить Колумба на берег. Адмирал заявил губернатору, что тот не имеет права задерживать его людей на берегу; ведь оба соседних государства живут в мире и португальцы повсюду пользуются гостеприимством испанцев. Он показал королевские указы, которыми ему были присвоены титулы адмирала моря-океана и вице-короля.

На это губернатор ответил, что здесь никто не боится кастильских королей и потребовал, чтобы испанцы ввели свой корабль в гавань и сдались в плен.

Тогда Колумб погрозился обстрелять город из пушек и захватить заложников. Он снялся с якоря и стал лавировать между островами. У него возникли опасения, что за время его отсутствия между Испанией и Португалией началась война. Но тут губернатор, убедившись, что испанцы не посещали берегов Африки, отпустил пленников и снабдил корабль свежим провиантом.

Освобожденные моряки рассказали адмиралу, что, если бы португальцам удалось его захватить, они бы уже ни за что не выпустили его: так поступить велел губернатору португальский король.

24 февраля Колумб покинул Азорские острова и взял курс на Испанию. По дороге «Нинью» опять застала жестокая буря. Резкие, внезапные порывы ветра изорвали паруса, и корабль оказался в большой опасности. Команда снова бросила жребий, кому по возвращении надо будет совершить в одной рубахе паломничество в монастырь близ Палоса, и жребий пал на самого Колумба. Все дали торжественный обет провести первый субботний день в Кастилии в строгом посте — на хлебе и воде.

«Затем, — сказано в дневнике, — шли с голыми мачтами при сильной буре и волнах, готовых с обеих сторон поглотить корабль... Все думали, что ждет их гибель в волнах... Ветер же, казалось, поднимал каравеллу в воздух. Вода взметалась к небу, молнии сверкали со всех сторон».

Буря гнала корабль на скалы у берегов Португалии и, так как в ночной тьме нельзя было разглядеть ни одной бухты, Колумб приказал поднять малый нижний парус и, смело маневрируя, сумел вывести каравеллу в открытое море.

4 марта при первых лучах солнца Колумб увидел знакомый берег и вошел в устье реки Тежу (Тахо), надеясь в Лиссабоне починить судно. Местные моряки рассказали ему, что никогда еще в зимнюю пору не

бывало здесь таких бурь и что погибло двадцать пять кораблей, шедших из Фландрии.

Посещение Португалии не сулило испанцам ничего хорошего: ведь король Жуан II дважды отверг предложение Колумба послать экспедицию за океан. Государь мог из мести задержать корабль или приказать своим людям расправиться с мореплавателями. Все же Колумб не мог удержаться от искушения рассказать этому жестокому правителю об открытых им чудесных странах.

Едва испанцы стали на якорь во внешней гавани Лиссабона, как к «Нинье» подошла лодка. Приплывшие на ней капитан стоявшего рядом военного корабля и старший офицер Бартоломеу Диаш, недавно вернувшийся с мыса Доброй Надежды, потребовали от Колумба отчета о маршруте каравеллы. Колумб отказался выполнить это требование и предъявил письма королей Испании. Вскоре раздались звуки барабанов, литавр и труб: это португальские моряки явились на «Нинью» с визитом вежливости. Корабль Колумба вызвал всеобщий интерес. «Нинью» в течение нескольких дней окружало множество португальских лодок. Любопытные поднимались на борт и расспрашивали матросов.

Между тем, Колумб отослал королю Жуану II письмо с просьбой разрешить ему зайти в Лиссабон: он, дескать, опасается, что в безлюдном месте ему причинят вред разбойники, которые могут подумать, что на корабле есть много золота, и желал, чтобы король знал, что он пришел не из Гвинеи, а из Индии.

Король проявил свою милость и приказал безвозмездно обеспечить испанцев всем необходимым, а также пригласил Колумба ко двору. Адмирал принял это приглашение. Король Португалии, затаив в сердце досаду, приветливо выслушал Колумба, но высказал опасение, что открытые адмиралом земли находятся в районах, укрепленных папой римским за Португалией. Придворные советовали королю задержать Колумба или затеять ссору и разделаться с ним. Но король отверг эти предложения.

15 марта каравелла Колумба «Нинья», отсутствовавшая семь месяцев и двенадцать дней, вошла в Палосскую гавань. Жители Палоса восторженно приветствовали мореплавателей, гибель которых они давно уже оплакивали. Радость их возросла еще больше, когда через несколько часов в порт вошла «Пинта». Эта каравелла наперекор бурям достигла северной провинции Испании — Галисии и ни разу не сбилась с курса, не вошла ни в один из португальских портов.

Мартин Алонсо Пинсон отправил из Галисии письмо в резиденцию короля — Барселону, уведомляя его о своем возвращении, и просил разрешения прибыть ко двору, чтобы доложить государю о результатах плавания. Фернандо и Изабелла отклонили эту просьбу и приказали «Пинте» отправиться в Палос и там ожидать прибытия адмирала.

Неизвестно, хотел ли Мартин Пинсон опередить Колумба и присвоить себе честь и славу первооткрывателя новых земель, или он считал, что во время ужасной бури второй корабль погиб и напрасно ожидать его возвращения.

Мартин Пинсон был гораздо старше Колумба, и трудности путешествия сломили этого закаленного человека. Дни и ночи без сна и почти без пищи простаивал он у штурвала и вернулся в Палос тяжелобольным. Матросы на руках перенесли своего капитана на берег. Вскоре этот замечательный моряк скончался.

Винсенте Яньес Пинсон и близкие друзья этой семьи остались в Палосе, а Колумб, чья слава затмила теперь славу всех знаменитых мореплавателей, отправился в сопровождении части экипажа и индейцев в Севилью, откуда началось его триумфальное шествие в Барселону.

Еще из Лиссабона адмирал сообщил испанскому двору о своем возвращении. Он послал своему другу и покровителю Сантанхелю и королевскому казначею Санчесу письмо с первыми сильно приукрашенными сведениями об открытых им землях, их природе и богатствах. Особенно многообещающими были его рассказы о золоте и пряностях. Он не скупился на

опрометчивые посулы, которые потом не смог осуществить.

«Эспаньола — чудо, — писал Колумб, — тут цепи горные и кручи, и долины, и земли тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек.

Морские гавани здесь такие, что, не видя их, нельзя и поверить, что подобные могут существовать, равным образом, как и реки — многочисленные и широкие, с вкусной водой, причем большая часть этих рек несет золото.

Деревья, плоды и травы отличаются от тех, что имеются на острове Хуана. На этом острове много пряностей, а также залежи золота и других металлов».

В своем письме адмирал рассказал также об индейцах, описал выгоды меновой торговли на берегах островов, радушие и доверчивость островитян. Но тут же Колумб дал волю своей фантазии и сообщил об амазонках, будто бы населяющих остров Матинино, на котором нет ни одного мужчины. Амазонки, по его словам, не выполняют никаких женских работ, зато имеют луки и стрелы и прикрывают свое тело в бою бронзовыми щитами. В средние века ходило немало легенд об амазонках, о них писали даже в книгах. Еще в XVI веке испанцы продолжали искать такую страну в Южной Америке, в бассейне огромной реки, которую потому и назвали Амазонкой.

«На другом острове, — писал далее Колумб, — который, как меня уверяли, еще больше Эспаньолы, живут безволосые люди. На острове том золота без счета...».

«Таким образом, из одного лишь того, что было выполнено во время этого столь недолгого путешествия, их высочества могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряностей и хлопка — сколько соизволят их высочества повелеть, равно как и благовонную смолу, сколько они прикажут отправить... Я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников.

Я уверен также, что нашел ремень, корицу и тысячи других ценных предметов, которые будут открыты оставленными мною там людьми...».

Весть о сказочно богатых землях с быстротой молнии облетела Испанию. Это краткое письмо вызвало невиданный эффект во всей Южной Европе и пробудило огромный интерес к заморским экспедициям. С 1493 по 1500 год оно издавалось десятки раз на каталонском, латинском, французском и немецком языках.

Ответ католических королей на свое послание Колумб получил уже в Севилье. Королевская чета, прельщенная золотом, величала его адмиралом моря-океана, вице-королем и губернатором открытых в Индии островов и приказывала ему немедленно начать подготовку к новой экспедиции.

Что же привез с собою адмирал из заморских стран, о чем мог он доложить государям?

Золотые слитки, пестрых попугаев, удивительных рыб, чучела невиданных животных, семена, плоды и корни чужеземных растений, хлопок, туземное оружие и полдюжины индейцев — немногих, оставшихся в живых после тяжелого морского пути. Все это, несомненно, возбуждало любопытство. Люди толпами валили поглазеть на заморские чудеса, и молва о сокровищах Индии из уст в уста разносилась по всей стране.

Правда, Колумб вместе с золотом привез из-за океана и настоящие сокровища, гораздо более полезные, чем желтый металл — кукурузу и картофель, но вначале никто не обратил на них внимания и не сумел по достоинству оценить их. Говорят, будто скромный мешочек с кукурузными зернами долго валялся на портовом складе вместе с другими привезенными из-за моря вещами. Но прошло время, и молва об этом чудесном растении пронеслась по всей стране. Моряки рассказывали, что этот индейский хлеб стоит на поле стеной и дает огромный урожай, что из кукурузы пекут лепешки, варят кашу и похлебку, готовят различные яства и даже делают напитки.

Слухи эти побудили испанских крестьян посеять чудесные зерна, и так через несколько лет кукуруза распространилась по Испании, а оттуда перекочевала в Италию, Грецию, Турцию, Болгарию и Венгрию.

Картофель не так быстро завоевал признание европейцев. О привезенных Колумбом клубнях забыли и лишь в 1536 году уже другие испанские завоеватели принесли из Южной Америки весть о вкусных мучнистых клубнях.

Какие же еще культурные и лекарственные растения (помимо картофеля, кукурузы и ранее упомянутого табака) пришли из Америки и распространились впоследствии по всему миру? Помидоры, подсолнух, тыква, различные сорта бобов, ваниль, земляной орех, дерево какао, каучуконос гевея, красное дерево — его древесина очень ценится как материал для изготовления мебели; цинхона, из которой добывают средство против малярии — хинин; кусты кока — из них получают кокаин; ананасы и многие декоративные растения: георгины, бегонии, фуксии, опунции, кальцеолярии, орхидеи. Привезли и домашнюю птицу — индюка.

Америка же, в свою очередь, унаследовала от Европы все сорта хлебных злаков, распространённых по Старому Свету: пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох, рис, а также домашних животных — лошадь, корову, овцу, козу, свинью, осла. В Америку отправились также сахарный тростник, виноград, цитрусовые, кофе, которое обрело там свою подлинную родину, кокосовая пальма и другие тропические и субтропические растения.

Но тогда никто еще не мог предположить, какой грандиозный обмен состоится между двумя частями света. Золото! Вот что казалось самой драгоценной из заморских находок Колумба.

В середине апреля адмирал отправился в столицу Каталонии Барселону на прием к королю. В те времена в Испании из-за плохих дорог не пользовались каретами. Поэтому адмирал нанял много лошадей и мулов. Впереди процессии ехали верхом вооруженные матросы, прокладывая путь сквозь толпы народа.

За ними следовали экзотические обитатели заморских стран — индейцы с ярко раскрашенными лицами и телами, в живописных головных уборах из перьев, с пестрыми повязками на бедрах и цветными накидками на плечах. В их носы и уши были продеты золотые кольца, на шеях сверкали золотые цепи и подвески, на руках — роскошные браслеты. Некоторые матросы несли копья и весла, украшенные орнаментами островитян, у других сидели на плечах зеленые, желтые и красные попугаи, чьи резкие крики слышались даже сквозь громкие ликующие возгласы восхищенной толпы.

Перед Колумбом в корзинах несли чужеземные растения и ветви деревьев, которые Колумб принимал за пряности, чучела птиц, зверей, рыб, огромные раковины и камни, переливающиеся всеми цветами радуги. Четырнадцать мулов под строгой охраной везли тяжелые сундуки. Можно было подумать, что в них скрываются несметные богатства.

Сам Колумб, облаченный в сверкающие доспехи, ехал верхом на белом коне в сопровождении своих сыновей и блестящей свиты рыцарей. Балконы и крыши домов, улицы и площади были запружены народом.

Лишь только в столицу прискакали гонцы с известием о приближении процессии, знатные гранды, придворные, богатые купцы выехали навстречу, В церквах зазвонили колокола. С балконов свешивались роскошные ковры, в окнах развевались флаги и яркие платки, играла музыка, звучали восторженные крики.

Фернандо и Изабелла, принц Хуан и весь цвет испанской знати Кастилии и Арагона встретили адмирала стоя. Колумб преклонил перед королями колени и облобызал им руки. Ему разрешили сесть рядом со всемогущими государями. Такая честь оказывалась немногим.

Седой, загоревший под тропическим солнцем адмирал и вице-король Индии торжествующе смотрел на всю эту блистательную знать — герцогов, архиепископов, рыцарей, на роскошных дам, которые стояли

вокруг, сгорая от нетерпения услышать рассказ о заморских странах.

Как завороженные, внимали они громкому голосу Колумба, повествовавшего о своем чудесном путешествии, о несметных богатствах далеких азиатских стран — государства великого хана и острова Сипанго, названного им Эспаньолой, о золоте и пряностях, которыми можно будет нагрузить целые корабли. Великий мореплаватель с умилением говорил о простодушных островитянах, готовых перейти в христианскую веру.

По знаку адмирала появились индейцы, матросы внесли корзины, и Колумб стал вынимать из них различные растения и плоды: бататы — сладкий картофель, коренья маниока, индейский хлеб — кукурузу, бобы, хлопок, благовонные смолы, алоэ, тыкву, бананы. Показал он и чучела диких животных — американской собаки, кролика, ящериц, различных рыб и птиц. Но главным было золото. Колумб рассыпал перед изумленными зрителями золотой песок, разложил слитки, обручи, браслеты, маски, серьги, ожерелья. Сам король и королева подержали в руках тяжелые золотые изделия.

Да, это был триумф!

В этот час Колумб мог получить все, что бы он ни пожелал — блестящие титулы, замки, награды, пожизненную пенсию, мог остаться в Испании и возложить на других заботу о колонизации открытых им земель. Но он был в самом расцвете сил, энергия его была огромна и он хотел лично наблюдать, как будут заселяться эти земли, хотел сам искать за океаном новые острова, о которых ему рассказывали индейцы. Поэтому Колумб без Промедления начал готовиться к новой экспедиции.

Изабелла и Фернандо благоволили к адмиралу, осыпали его милостями. Они произвели его братьев и сына Диего в дворянство. Колумбу было разрешено ездить верхом рядом с королем. За королевским столом ему оказывались такие же почести, как самым знатным грандам, несмотря на то, что был он когда-то безвестным чужестранцем без рода и племени. Ему

Герб вице-короля Индии и адмирала моря-океана Колумба.

пожаловали дворянский герб с геральдическими знаками: по белому фону золотом был изображен дворец кастильского короля, на синем фоне лев Леона, золотые острова среди морских волн и пять золотых якорей — знак адмирала. Герб был украшен девизом: «Новый Свет для Кастилии и Леона дал Колумб».

Знатнейшие гранды умоляли его взять их с собой в новую экспедицию, народ встречал адмирала овациями и чествовал как героя.

Будущее казалось Колумбу блестящим: оно сулило славу, честь и богатство и не было омрачено еще ни единым облачком неудач...

Он выполнит божественную миссию, пролетит свет веры христовой на богатые страны Востока, и миллионы язычников, благодаря ему, обретут вечное блаженство.

Колумб дал торжественный обет — на доходы, которые он получит от колонии, нанять и вооружить пятьдесят тысяч пеших и четыре тысячи конных воинов и отправить их в крестовый поход в Палестину для освобождения гроба господня.

Фернандо и Изабелла тоже усматривали в великих открытиях милость providения, которой они удостоились за изгнание с Пиренейского полуострова неверных — мавров и евреев. Поэтому главной целью новой экспедиции объявлялось распространение веры христовой в заокеанских странах. И Колумб охотно взял на себя миссию апостола.

Однако немало было и завистников и недоброжелателей. До нас дошел рассказ, правда, не слишком достоверный, о знаменитом колумбовом яйце. Во время торжественного обеда, устроенного в честь адмирала, один из придворных после многочисленных тостов заявил, что если бы господь бог не избрал своим орудием Колумба, то в Испании — стране закаленных мореходов, нашелся бы и другой человек, способный совершить такой же подвиг.

Колумб вместо ответа взял с блюда яйцо, положил его на стол и предложил знатым грандам поставить его вертикально, не прибегая к помощи соли, хлеба или каких-нибудь других предметов.

Яйцо переходило из рук в руки, но никому не удавалось заставить его стоять на гладком столе. Тогда Колумб легонько стукнул яйцом о стол и отвел руку — яйцо стояло!

— Так это же совсем просто! — воскликнул один вельможа, но тут же смущенно замолчал, и все гости поняли, что когда дело сделано, оно кажется простым и потому надо по достоинству оценить того, кто совершил его первым.

На самом деле этот рассказ более раннего происхождения. В начале XV века в эпоху Ренессанса известный архитектор Брунеллески с помощью такого трюка убедил своих противников в том, что его проект эллиптического купола Флорентийского собора осуществим.

Вскоре после торжественного приема состоялось крещение индейцев. Их крестными стали испанские монархи и принц Хуан. Индейцев нарекли христианскими именами. Почти все они возвратились на родину в качестве переводчиков.

Весть об открытии Колумбом морского пути в Индию встревожила португальцев. Им казалось, что испанцы попали в те земли, которые были предоставлены Португалии римскими папами еще в середине XV века.

Права Португалии на эти земли признавала и Испания. Теперь между обеими морскими державами возник спор, который можно было разрешить либо при помощи вооруженных сил, либо мирным путем при посредничестве главы католической церкви папы римского. В те времена папы за приличную мзду или пожертвование в пользу церкви щедро раздавали епархии, троны, провинции, части света и даже право на вечную жизнь и отпущение грехов.

На папском престоле восседал тогда Александр VI Борджиа, испанец по происхождению, занявший этот высокий пост не без помощи Фернандо и Изабеллы. По свидетельствам современников это был настоящий дьявол в человеческом обличье, убийца и развратник.

Через два месяца после возвращения Колумба — 3 мая 1493 года — он издал буллу, в которой предо-

ставлял Испании все права на вновь открытые на Западе земли, если только они не принадлежат уже какому-либо христианскому государю, то есть такие же права, какие были предоставлены Португалии на Востоке. На следующий день папа новой буллой попытался точнее определить права испанских государей. Он даровал им на вечные времена «все острова и материка, найденные, и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса, то есть севера — до антарктического полюса, то есть юга, невзирая на то, имеются ли в виду уже найденные материка и острова или те, что будут найдены по направлению к Индии, или по направлению к иной какой-либо стороне; названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого Мыса».

На основе этого весьма неясного папского решения Испания и Португалия вступили в переговоры, закончившиеся 7 июня 1494 года договором в Тордесильясе. Португальцы не верили, что Колумб действительно достиг Азии и поэтому не настаивали на отказе испанцев от заокеанских плаваний. Обе стороны согласились перенести «папский меридиан» — демаркационную линию — дальше к западу, на расстояние трехсот семидесяти лиг от островов Зеленого Мыса.

Португальцы стремились обеспечить себе морские пути в Африку и уже тогда, по-видимому, знали, что на пути к мысу Доброй Надежды им придется сильно отклоняться к западу, чтобы избегать встречных ветров.

Установление демаркационной линии не было делом мира между Испанией и Португалией. Оно предусматривало лишь право Испании на открытия в западном направлении, а Португалии — в восточном. Обе договаривающиеся стороны обязались не посылать корабли за установленную линию, не совершать там открытий и завоеваний и не вести там торговли. Все это касалось лишь Атлантического океана. Никому и в голову не приходило, что море-

плователи, отправляясь на запад и на восток, могут встретиться где-то на другом конце земного шара и что там может возникнуть конфликт из-за открытых ими земель. Интересы испанцев и португальцев действительно скрестились в Тихом океане после кругосветного путешествия Магеллана (в 1519—1522 годах).

Тордесильясский договор мог сохранять силу лишь до тех пор, пока превосходство Испании и Португалии в Новом Свете, а также в Азии и Африке было бесспорным. Но французский король, едва узнав о папском решении и договоре между обеими странами, воскликнул: «Солнце светит для меня так же, как и для других, и я хотел бы видеть тот пункт адамова завещания, который лишает меня моей доли мирового наследства!». Англия тоже заявила, что папа не имеет права по своей прихоти «раздавать и отнимать королевства», и послала свои корабли за океан.

ВТОРИЧНО ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

Вторая экспедиция Колумба — колонизаторское предприятие. — Открытие Малых Антильских островов. — Отважные карибы. — Гибель форта Навидад. — Основание города Изабелла. — Лишения и невзгоды. — В горы Сибао за золотом. — Грандиозный план работорговли. — Первый бунт. — В плодородной Королевской долине. — С хитростью и коварством против индейцев.

Слава Колумба была так велика, что снарядить вторую экспедицию оказалось гораздо легче, чем первую. Тысячи жаждали поскорее пересечь океан. В Кадисском порту царил оживление. Сюда привозили закупленное зерно, здесь его размалывали, пекли и сушили морские сухари. В огромных дубовых бочках хранилось приготовленное на дорогу вино — столь любимое испанцами, а также запасы солонины.

Сотни людей оснащали целую флотилию кораблей, готовили ее к плаванию.

Снаряжение экспедиции король поручил севильскому архиепископу Хуану де Фонсеке, будущему председателю Совета по делам Индии. Этот исключительно энергичный человек разбирался в кораблях, пушках и в оружии лучше, нежели в святом писании. Он сумел в наикратчайший срок обеспечить экспедицию всем необходимым, закупить зерно, оружие, вина, растительное масло и уксус, мясо, хлеб и бобы, нанять корабли и экипажи, раздобыть деньги.

В стране, разоренной войной, не так легко было найти средства для второй экспедиции. Государи заняли огромную сумму. Кроме того, на экспедицию пошли деньги, вырученные от продажи имущества изгнанных из страны евреев. В течение чуть ли не тридцати лет влияние Фонсеки на все дела, связанные с новыми испанскими колониями, было очень велико. Он ведал финансами, снаряжением судов, подготовкой экспедиций, назначением и увольнением должностных лиц. Он пользовался полным доверием королевской четы и его полномочия были почти неограничены. Современники отзывались об этом энергичном и верном слуге государей как о неподкупном, но грубом и властном человеке, который не терпел никаких возражений и требовал беспрекословного повиновения.

При подготовке второй экспедиции Колумбу пришлось с ним близко столкнуться, и вскоре между ними стали возникать споры по самым незначительным поводам. Однако авторитет и слава Колумба были так велики, что по приказу королей Фонсеке во всем и повсюду приходилось уступать Колумбу. Говорят, что Фонсека не забыл этого оскорбления и всячески мстил Колумбу. Наконец, он оклеветал своего соперника и добился, чтобы великого мореплавателя заковали в кандалы.

Ни один корабль, ни один человек не имел права отправиться во вновь открытые земли без разрешения государей, адмирала или Фонсеки. Особенно строгим этот запрет был по отношению к иноверцам.

Между тем не было отбоя от добровольцев. Словно безумие охватило людей. Некоторые, получив отказ, в отчаянии даже кончали самоубийством. Все грезили о богатой заокеанской стране и каждый — от капитана до юнги — мечтал вернуться оттуда с мешком золота.

До той поры ни одна европейская страна не могла снарядить и отправить в океан такую большую эскадру — семнадцать кораблей с полутора или даже с двумя тысячами моряков, воинов и колонистов, снабдив их шестимесячным запасом провианта, семенами хлебных злаков и овощных культур, домашним скотом, оружием, боеприпасами, орудиями труда — словом, всем необходимым для основания заокеанской колонии.

Адмирал поднял свой флаг на самом большом корабле флотилии, «Марии Таланте». Вторично пересекала океан «Нинья», быстроходная каравелла, много испытывавшая на своем веку.

Первой и главной задачей экспедиции, согласно королевским инструкциям, было обучить индейцев святой вере, обращаясь с ними по возможности хорошо и дружелюбно. Надо заметить, что в то время каждое государство, стремившееся к захвату новых земель, лицемерно объявляло своей целью крещение язычников, хотя на самом деле заботилось об этом меньше всего.

Во-вторых, адмирал должен был основать на Эспаньоле колонию и организовать меновую торговлю, а, в-третьих, — обследовать Кубу и выяснить, действительно ли она является частью Азиатского материка и ведет ли от нее путь к богатым городам Китая.

Во второй экспедиции приняли участие Диего Колумб — брат адмирала, Алонсо Охеда — ловкий и предприимчивый авантюрист, который сам потом возглавлял экспедиции и сделал ряд важных открытий, Хуан Понсе де Леон, открывший спустя несколько лет во время поисков источника «вечной молодости» Флориду и Гольфстрим, Хуан де ла Коса — первый составитель карты Западной Индии, Диего

Веласкес — будущий завоеватель Кубы и многие другие знатные рыцари, крупные чиновники, придворные и офицеры.

Собрались в дальний путь и лучшие мореходы Испании. Только члены многочисленной семьи Пинсонов, оскорбленные несправедливостью и неблагодарностью адмирала, не нанялись на сей раз на его корабли.

С флотилией Колумба отправились и охваченные жаждой золота и славы сотни нищих идалго, не имевшие ни земли, ни имущества, ни определенных занятий — настоящие авантюристы. Воины королевского кавалерийского полка, надеясь на златые горы за океаном, продали в Кадисе своих чистокровных скакунов и купили вместо них старых кляч, а вырученные таким образом деньги прокутили перед отъездом в портовых кабачках. Это были первые конкистадоры, завоеватели — толпа бродяг и авантюристов, за которой вскоре последовали целые армии таких же искателей приключений.

За океан отправилось и свыше тысячи земледельцев и мастеровых — плотников, каменщиков, кузнецов, портных, сапожников, ткачей.

25 сентября 1493 года флотилия, разукрашенная флагами, подняла паруса и вышла из Кадиса по направлению к Канарским островам. Там испанцы починили корабли, в которых открылась течь, пополнили запас продовольствия, воды и дров. Там же они приобрели огромных собак, специально выдрессированных для охоты за людьми, погрузили телят, коз, овец и свиней, домашнюю птицу, саженцы апельсиновых и лимонных деревьев и сахарный тростник. Эта экспедиция положила начало широкому обмену культурными растениями и животными между Новым и Старым Светом. Обитателям Южной Америки, как выяснилось впоследствии, были известны только лама — вьючное животное и викунья, дававшая тонкорунную шерсть.

От второй заокеанской экспедиции тоже не сохранилось ни вахтенных журналов, ни дневников Колумба. Однако ряд интересных сведений о ней можно

почерпнуть из большого письма лекаря флотилии Чанки, а также из книг священника Бернальдеса и историка Лас Касаса.

7 октября эскадра вышла в океан, взяв курс почти на десять градусов южнее, чем в первый раз. Колумб хотел сперва добраться кратчайшим путем до заселенных карибами-каннибалами островов к юго-востоку от Эспаньолы.

Паруса, обгоняя друг друга, словно белые птицы, уносились к горизонту. Только вечером каравеллы приближались к флагманскому кораблю, чтобы выслушать приказания адмирала.

Путешествие проходило спокойно и благополучно, если не считать нескольких безветренных дней в самом начале и одного шторма, во время которого порывом ветра сорвало несколько парусов, а на реях загорелись таинственные огоньки — их теперь называют огнями Эльма. «По милости божией наступила благоприятная погода, — писал Чанка, — такая, которая никогда еще не сопутствовала кораблям в столь долгом плавании. Так что, покинув Иерро 13 октября, мы уже спустя двадцать дней имели возможность увидеть землю, и мы бы заметили ее на тринадцатый или четырнадцатый день, если бы флагманское судно шло так же быстро, как и все прочие; ожидая его, прочие корабли не раз убавляли паруса и замедляли свой ход».

Курс был выбран очень удачно, при попутном пассате корабли пересекли океан на две недели быстрее, чем в первый раз.

С тех пор испанцы, отправляясь к новым землям, всегда пользовались этим маршрутом, получившим прозвище «дамский путь».

На третий день, 3 ноября, незадолго до рассвета, штурман флагманского корабля возвестил громким голосом: «Слава всевышнему! Впереди земля!» Велико было ликование и необычны крики и возгласы. И как было не радоваться морякам: они были утомлены неудобствами жизни на корабле и непрерывным выкачиванием воды.

У горизонта показалась большая гористая земля,

покрытая роскошным тропическим лесом. 3 ноября 1493 года было воскресенье, и Колумб назвал вновь открытый остров Доминикой (по-испански — воскресенье).

«На этом острове, — писал Чанка, — были удивительно густые леса. На одних деревьях росли плоды, другие были в цвету... Некоторые, наименее искушенные из нас, пытались их отведать; но стоило им только для пробы взять эти плоды на язык, как лица их опухали, их охватывал жар и одолевала боль, и, казалось, впадали они в бешенство». Так испанцы познакомились с деревом, ядовитые плоды которого служили карибам для отравления наконечников стрел. Мореплаватели обнаружили здесь также могучее дерево сейбу, дающее довольно тонкое, похожее на шерсть волокно.

От Доминики испанская флотилия направилась на север и открыла другой остров — поменьше, который был назван Мария Таланте. Здесь испанцы впервые познакомились с ананасами — чудесными плодами, которые потом стали разводить и в других странах тропического пояса. За вновь открытыми землями в лазурных водах океана протянулась на север целая гряда — Малые Антильские острова. Самый большой из них Колумб назвал Гваделупой. Здесь флотилия провела несколько дней.

Со склонов высоких гор струились бесчисленные потоки. На расстоянии трех лиг от вершины испанцы обнаружили водопад. Мощный, словно бык, он низвергался с такой высоты, что, казалось, он падает с неба. Никакое зрелище в мире не могло сравниться по красоте с этим водопадом.

На островах жили воинственные племена карибов. Они показались испанцам более развитыми, нежели другие индейские племена. Дома их были добротные, утварь изготовлена с большой сноровкой, хлопчатобумажные ткани не уступали кастильским.

Карибы носили длинные волосы, а борода у них, как и у других индейцев, не росла. Тело и лицо они разрисовывали разноцветными орнаментами и татуировали.

Так европейцы изображали каннибалов
(по старинной гравюре).

Карибы сильно отличались от индейцев Кубы и Гаити. Это были не те робкие и послушные туземцы, которые приняли испанцев за посланцев небес и падали перед ними ниц, воздевая руки к небу. Обитатели вновь открытых островов были сильными, отважными и не знали жалости к побежденному врагу. Они нередко совершали набеги на другие острова, населенные мирными племенами, грабили и увозили с собою пленных.

У карибов, по определению Чанки, были «скотские» нравы — они были людоедами. Испанцы якобы находили в покинутых хижинах обглоданные человеческие кости, а в горшках — куски вареного человеческого мяса, и потому пришли к выводу, что, очевидно, карибы, вооружившись луками и стрелами, совершают на своих каноэ набеги на острова, населенные миролюбивыми племенами араваков, увозят пленных и потом их съедают.

Слово «кариб», дошедшее до наших дней в названии Карибского моря, испанцы неправильно произносили как «каннибал», и оно стало для европейцев

синонимом слова «людоед». Однако сведения о кровожадности и людоедских наклонностях карибов были, очевидно, преувеличены. Похоже, что испанцы умышленно обвиняли эти воинственные племена в людоедстве, чтобы оправдать их безжалостное истребление и продажу в рабство.

Для поимки хотя бы одного взрослого кариба адмирал снарядил и отправил в лес группу моряков во главе с капитаном. Но моряки заблудились в непроходимых джунглях и несколько дней плутали по дремучим лесам. Все уже считали их погибшими, думали, что их съели людоеды. Было решено продолжать плавание. Но когда корабли готовы были сняться с якоря, на берег, еле волоча ноги, вышли смертельно уставшие моряки.

Чанка в своем письме отмечает, что в этой группе были опытные штурманы, которые могли бы по звездам дойти до самой Испании. Поэтому непонятно, как они могли заблудиться на таком небольшом пространстве. Капитан и его спутники вернулись в изодранной одежде, исцарапанные и израненные до такой степени, что на них жалко было смотреть.

Флотилия двинулась дальше на северо-запад и открыла на своем пути еще много островов. На острове Санта-Крус испанцы захватили несколько женщин и детей, но, возвращаясь на лодке к флотилии, столкнулись с Карибскими каноэ.

«Видя, что бежать им не удастся, — писал Чанка, — карибы с большой отвагой натянули свои луки, причем женщины не отставали от мужчин. Я говорю «с большой отвагой», потому что их было всего шестеро — четверо мужчин и две женщины — против двадцати пяти наших. Они ранили двух моряков, одного два раза в грудь, другого — стрелой в бок, и поразили бы своими стрелами большую часть наших людей, не будь у последних кожаных и деревянных щитов, и не подожди наша лодка вплотную к каноэ и не опрокинь его. Но даже и после того, как каноэ опрокинулось, они пустились вплавь и вброд — в этом месте было мелко, — и пришлось немало потрудиться, чтобы захватить карибов, так как они про-

должали стрелять из луков. Несмотря на все это, удалось взять только одного из них, смертельно ранив его ударом копья. Раненого доставили на корабль».

Испанцы увидели, что здесь живет народ, умеющий бесстрашно сражаться и постоять за свою свободу. Впредь они высаживались на берег только хорошо вооруженные. Колонизаторы долгие годы не трогали эти племена и не строили здесь никаких поселений.

Еще дальше на север уходила вереница островов, названных Колумбом Виргинскими (Девичьими). Для их осмотра адмирал направил малые суда. Затем флотилия вышла к большому острову, который индейцы называли Борикен. Позднее (с XVI века) он был переименован в Пуэрто-Рико (Богатая Гавань). Этот остров принадлежит уже к группе Больших Антильских островов. Все острова были очень красивы и плодородны, но Борикен казался лучше других.

24 ноября испанская флотилия подошла к восточной оконечности Эспаньолы; Колумб и его спутники надеялись вскоре увидиться с оставленными на острове колонистами.

Рассматривая берега Эспаньолы, Чанка отметил, что здесь, очевидно, никогда не бывает морозов и даже в зимнее время растут буйные зеленые травы, а в птичьих гнездах имеются птенцы. Хищных зверей испанцы не встречали, если не считать собак с короткой, жесткой шерстью, не умеющих лаять. По деревьям лазали зверьки величиной с кролика, очевидно, агути, мясо которых очень вкусно. На острове было много небольших змей. Водились там и ящерицы, которые для индейцев представляют такое же лакомство, как для испанцев фазаны. Однажды испанцы наткнулись на огромную ящерицу, толщиной с теленка и длиной с копье. Ее попытались пронзить копьем, нанесли много ударов, но, благодаря плотной, толстой коже, ящерица осталась невредимой и нырнула в море. По-видимому, это был крокодил, которого испанцы видели впервые.

Не доходя до форта Навидад, матросы сошли

на берег и случайно обнаружили в песке четыре разложившиеся трупа. Один был с черной бородой, значит труп европейца.

Мореплавателей охватило предчувствие беды. Ночью корабли подошли к форту и стали на якорь. Но на их световые сигналы и пушечные выстрелы никто не отозвался. Индейцы тоже не показывались.

Лишь около полуночи к флотилии подошла пирога с несколькими индейцами. Они привезли подарки от касика Гуаканагари, но на вопросы о судьбе колонистов отвечали уклончиво. Насколько можно было понять, часть испанцев погибла от болезней, часть была убита во время междоусобной распри, остальные ушли вглубь острова на поиски золота. А на касика недавно совершил нападение соседний король Каонабо, сжег селение и ранил самого вождя.

С наступлением утра обнаружилось, что на берегу нет ни форта, ни людей. Лишь груды пепла, трупы и обрывки одежды свидетельствовали о трагедии, которая здесь произошла. Несколько индейцев, появившихся вдаль, при виде белых стремглав убежали в лес.

Колумб приказал перерыть всю территорию форта и расчистить засыпанный колодец, надеясь найти там золото, которое по его наставлению колонисты должны были хорошо прятать. Но золота нигде не удалось обнаружить.

Что же произошло на острове за время отсутствия Колумба? Оставшиеся на Эсианьоле колонисты совсем потеряли рассудок. С первых же дней они повели себя как банда грабителей и рыскали по острову, отбирая у туземцев продовольствие. Они требовали, чтобы индейцы прислуживали им, носили их на носилках. При малейшем непослушании испанцы жестоко расправлялись с туземцами, так как считали их своей собственностью, глупым, хотя и добрым скотом, с которым все дозволено. Они забирали у индейцев жен, хлеб, золотые украшения.

Наконец грабители столкнулись в глубинной части острова с касиком Каонабо. Этот вождь был отваж-

Испанские конкистадоры с оружием того времени — шпагами, пиками, секирами, арбалетами и мушкетами (по старинному рисунку).

нее и решительнее дружелюбно расположенного к испанцам Гуаканагари. Каонабо понемногу отучил своих людей слепо повиноваться силе. Рассказывают, что он, желая доказать соплеменникам, что испанцы отнюдь не бессмертные посланцы небес, подверг колонизаторов особому испытанию. Каждого испанца обслуживало по нескольку островитян. В их обязанности входило также переносить своих господ и повелителей через реку. Как-то однажды после большого дождя река сильно разлилась, но один из испанцев все же потребовал, чтобы его перенесли на другой берег. Касик приказал носильщикам проверить, может ли вода причинить вред сыну неба. На середине реки индейцы опустили белого бога под воду и держали его там до тех пор, пока он не перестал двигаться.

Тело они перенесли на берег, где собрались все жители селения, положили его на землю, уселись вокруг и стали ждать, не воскреснет ли мертвец. Через три дня, когда труп стал разлагаться, они

убедились, что сын неба такой же смертный, как они сами. Этот случай рассеял страх индейцев перед белыми, и весть о нем передавалась из племени в племя.

Тогда люди Каонабо набрались смелости и сперва перебили тех испанцев, которые грабили их владения, а потом напали на форт Навидад, Форт обороняли всего лишь десять человек. Остальные в то время находились в грабительских походах. После падения форта Каонабо уничтожил одного за другим всех оставшихся испанцев. Это был скорый и справедливый суд, в котором, несомненно, участвовал и Гуаканагари со своими людьми.

Итак, добрым отношениям с индейскими племенами пришел конец. Испанцам это казалось невероятным: ведь Колумб без конца твердил, будто туземцы робки, миролюбивы и не имеют никакого оружия.

Испанцы подозревали во враждебных действиях и Гуаканагари, считая, что он только прикинулся раненым. В хижинах индейцев его племени нашли дорогие ткани и другие предметы, которые островитяне не могли приобрести путем обмена. Однако прямых улик не было, и Колумб воздержался от поисков и наказания виновных.

Адмирал посетил раненого вождя. Лекарь снял повязку с бедра Гуаканагари, но не обнаружил никакой раны. Касик, правда, утверждал, что получил удар по ноге камнем, но нетрудно было заметить, что он лжет. Адмирал все же решил пока не вершить расправы, чтоб не обострять отношений с индейцами. Он выразил касику сочувствие, любезно поговорил с ним, даже помог больному подняться и пригласил к себе на корабль, где устроил празднество в честь гостей. Чтобы снова поразить и запугать бесхитростных туземцев, как в тот раз стрельбою из пушек, испанцы показали Гуаканагари пятьдесят лошадей, привезенных с собою.

Касик пришел в ужас. Он покрылся холодным потом и дрожал всем телом: таких чудовищ ему не доводилось видеть. Особенно его поразило то, что испанцы ездят на них верхом.

Многие из спутников Колумба советовали ему

взять Гуаканагари в плен как заложника, но адмирал колебался. Касик же, почуяв опасность, покинул селение и больше не показывался на глаза испанцам.

Однажды ночью индианки, схваченные на острове Борикен и других островах, вплавь добрались до берега и скрылись, очевидно, при помощи индейцев с Эспаньолы. Когда же адмирал потребовал выдачи беглянок, все индейцы покинули селение. Видно, они совсем потеряли доверие к пришельцам.

И вот на этом враждебном испанцам острове предстояло основать колонию. Вице-король выбрал для нее новое место у хорошо защищенной бухты на северном берегу Эспаньолы, к востоку от разрушенного форта Навидад. Небольшое расстояние в тридцать лиг до места будущей колонии при сильном встречном ветре и против течения испанцы преодолели лишь за несколько недель, измучившись гораздо больше, чем за весь долгий переход через океан.

Приступили к разгрузке кораблей. Колонистам роздали лопаты, топоры, и они начали рубить деревья, рыть каналы, чтобы подвести к колонии речную воду, возводить торговые склады, дом для вице-короля и церковь, строить жилые дома — глиняные и тростниковые хижины. В честь королевы Колумб назвал новый город Изабеллой.

Сначала работа спорилась. Но вскоре идальго, купцы, офицеры и чиновники стали отлынивать — они ведь переплывали океан ради золота, а не ради труда! Они ненавидели тяжелый физический труд, считали его унижительным. Не для этого они рисковали жизнью, чтобы теперь гнуть спину как последние рабы.

Постепенно на работу стало выходить не более восьмисот человек, остальные слонялись без дела, устраивали попойки и драки.

Среди колонистов стали распространяться тропические болезни — желтая лихорадка и малярия. Заболел лихорадкой и сам Колумб. Приступы повторялись часто и лишали его энергии. Он вынужден был лежать в постели, а не заниматься делами. Вскоре

уже болела добрая половина переселенцев, и на кладбище появлялись все новые и новые могилы. Из-за тропической жары и сырости испортилась часть продуктов, и колонистам грозил голод.

Ослабевший от болезни и впавший в отчаяние адмирал решил отправить на родину часть колонистов на разгруженных кораблях и таким образом решить вопрос с продовольствием, а здесь оставить лишь пять каравелл и пятьсот человек. Но как доложить государям о несчастьях, постигших Эспаньолу — о гибели гарнизона форта Навидад, о голоде и болезнях? Ведь в Испании ждут прихода судов с золотом и пряностями, которые он пообещал перед отплытием. К тому же на снаряжение экспедиции затрачены огромные средства.

Чтобы хоть как-то исправить положение, адмирал отправил на разведку в горы Сибао хорошо вооруженный отряд под командованием Алонсо Охеды. Отряд вскоре вернулся с добрыми вестями: в долине одной из рек он обнаружил золотой песок и крупные самородки золота. Охеда с восторгом рассказывал о фонтанах золотого песка, которые начинали бить из скалы, лишь только в нее вонзали лом.

В письме Чанки сообщается, что капитан, побывавший в Сибао, нашел золото в столь многих местах, что это невозможно выразить словами. Золото было найдено более чем в пятидесяти ручьях и реках, немало его нашли и на суше. Во всей этой области, как говорил капитан, где захочешь, там и найдешь золото. «Таким образом, — продолжает Чанка, — нет сомнения в том, что государи Кастилии отныне могут считать себя самыми богатыми монархами на свете, потому что до сих пор люди ничего подобного не видели и не читали».

Колумб воспользовался этой вестью, для того чтобы снова посулить Фернандо и Изабелле златые горы на Эспаньоле. В феврале 1494 года он отправил обратно в Испанию двенадцать кораблей под командой капитана флагманского корабля Антонио Тореса.

Сестра Тореса была кормилицей наследного принца Хуана, и для капитана не составляло труда попро-

сить аудиенцию у Фернандо и Изабеллы. Поэтому Колумб дал Торесу с собой отчет, содержание которого тот должен был устно изложить королевской чете. В этом так называемом «Мемориале Тореса» вице-король сообщал, что нашел чрезвычайно богатые залежи золота, а также признаки всевозможных пряностей. За сообщением о найденном золоте следовали оправдания: люди, мол, болеют, работы по промывке золота очень тяжелы, нет ни дорог, ни выючных животных, оттого он пока не посылает золота. Европейцы никак не могут привыкнуть к здешней пище, поэтому необходимо привезти провиант из Испании. Колония еще не в силах сама себя обеспечить. Особенно велика нужда в вине. Бочки были плохие и большая часть вина вытекла по дороге.

Адмирал напоминал, что нужны также земледельческие орудия, зерно, сухари, мясо, сахар, мед, изюм, лекарства для больных, ослы и ослицы. Особенно необходимы верховые лошади — для походов против индейцев. И здесь, мол, не обошлось без жульничества — на суда погрузили гораздо худших лошадей, чем те, которых ему показывали. Еще Колумб просил прислать обувь, рубахи, кожи, льняные ткани, пятьдесят бочек патоки, сто аркебуз, сто нагрудных лат для защиты от отравленных стрел, сто ящиков с боеприпасами. Он писал также, что нужны люди, честные трудолюбивые люди — каменщики, мастера горного дела, промывщики золота.

Фернандо и Изабелла признали эти требования справедливыми и приказали послать на Эспаньолу зерно, скот и все остальное, за исключением одежды и обуви.

Издержки экспедиции Колумб предложил покрыть путем продажи индейцев в рабство. Эта памятная записка — тяжелое обвинение против адмирала, разоблачающая его как инициатора работорговли, ханжу и лицемера:

«...Передайте их высочествам, что забота о благе для душ каннибалов и жителей Эспаньолы привела к мысли, что чем больше их доставят в Кастилию, тем лучше будет для них.

А людьми этими их высочества могут располагать следующим образом: видя, сколь необходим здесь рогатый и выючный скот для содержания тех, кто будет здесь селиться, и для блага всех этих островов, их высочества соблаговолят дать разрешение и право достаточному числу каравелл приходить сюда ежегодно и привозить скот, продовольствие и все прочее необходимое для заселения края и обработки полей, и все это по умеренным ценам, за счет тех, кто будет доставлять эти товары.

Оплату же всего этого можно производить рабами из числа каннибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смышленных. Мы уверены, что стоит только вывести их из этого состояния бесчеловечности, и они могут стать наилучшими рабами, перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны».

Колумб подчеркнул, что индейцы, проданные в рабство, примут крещение, и таким образом их души будут спасены от геенны огненной. Колония, не истратив ни единого мараведи, будет снабжена всем необходимым, казна получит значительную прибыль, а мирные островитяне избавятся от опасного соседства с воинственными людоедами. План, как говорится, был всесторонне продуман.

Рабство и работорговля вскоре стали настоящим проклятием для новых земель и привели к полному уничтожению туземцев. Ни один историк, прославляющий великого мореплавателя, не в силах оправдать его жестокий, бессмысленный проект, который не только не принес Испании больших барышей, но и подорвал экономику только что открытых земель. Разграбленные острова, лишившись своего населения, на долгие годы потеряли какое-либо экономическое значение.

Плохо обстояло дело и с меновой торговлей на Эспаньоле: островитяне не испытывали особой нужды в европейских товарах, а запасы золота у них были невелики. Колонистам не оставалось ничего другого,

как самим приняться за добычу золота, и потому Колумб просил, чтобы ему прислали из ртутных рудников Испании специалистов горного дела.

Это была первая большая неудача Колумба при колонизации Эспаньолы.

Иллюзии поселенцев, оставшихся на острове, развеялись очень быстро: Эспаньола больше не казалась им страной, где золото можно черпать пригоршнями. Среди конкистадоров начался ропот. Недовольные во всем винили вице-короля: это он — чужестранец завлек их за океан, в страну, где золота нет и в помине, где их подстерегают голод, нужда, болезни; это он приказал урезать рацион и принуждал колонистов к тяжелому труду.

Тайно назревал мятеж — недовольные колонисты решили захватить пять оставшихся каравелл и отправиться на них с жалобой к королю. Но Колумб раскрыл заговор, арестовал вожаков и, заковав их в кандалы, посадил под замок на один из кораблей, чтобы потом отправить на суд в Испанию. Некоторых заговорщиков он велел наказывать плетьюми. Это еще более усилило ненависть колонистов к Колумбу. Адмирал из предосторожности вынужден был хранить все оружие и боеприпасы на флагманском корабле, которым командовал его младший брат Диего.

Через месяц после отъезда Тореса — 12 марта 1494 года — Колумб, оставив своим заместителем Диего, отправился вглубь острова на разведку. Несколько сот человек — пехотинцев и всадников выступили из Изабеллы в боевом снаряжении, под звуки труб и барабанов и, перевалив через гряду гор, вскоре оказались в обширной долине. Эта долина была так прекрасна, зелена и ярка, что Колумб назвал ее Королевской. Здесь испанцы основали форт св. Фомы и оставили гарнизон. Остальные воины отправились в горы на поиски золота. В этом двадцатидевятидневном походе они натерпелись лишений: страдали от непогоды, плохого питания и скверной воды; но жажда золота гнала их вперед, делала сильными, здоровыми, способными на все.

Вернувшись в Изабеллу 29 марта, Колумб застал

там прежнюю тяжелую картину — больных, голодных, ропщущих людей.

Лихорадка косила испанских рыцарей, поэтому Колумб решил предпринять еще несколько походов в горы; воздух там был сухой и здоровый, и в плодородной Королевской долине легче было добыть продовольствие, хотя индейцы все чаще оказывали сопротивление белым пришельцам, которые уже не могли обойтись без насилия и разбоя.

Для полного покорения Эспаньолы и установления в ней мира и порядка адмирал учредил особый Совет по управлению островом во главе с Диего, а рыцарю Педро Маргариту с отрядом в четыреста воинов приказал отправиться в поход и усмирить мятежных индейцев.

В своих инструкциях Маргариту Колумб, правда, обязал его заботиться о том, чтобы индейцам не причиняли зла, не брали у них ничего против их желания. Но тут же рядом он добавлял:

«И так как на пути, которым я шел в Сибао, случилось, что индейцы похищали у нас кое-что, и я наказывал их, должны и вы, если окажется, что один из них что-нибудь украдет, покарать провинившегося, отрубив ему нос и уши, потому что именно эти части тела невозможно скрыть. Таким образом можно будет обезопасить меновой торг со всеми обитателями этого острова, другие же индейцы поймут, что подобное наказание ждет всякого, кто что-либо похитит, и что к добрым людям приказано относиться хорошо, а дурных людей наказывать».

В это время из форта св. Фомы прибыл гонец с вестью, что касик Каонабо готовится к нападению на гарнизон. Колумб дал в инструкции подробные указания Маргариту, как лучше справиться с касиком: Каонабо надо вызвать на переговоры, пообещать ему мир и дружбу, подарить одежду (голового труднее будет задержать) и захватить в плен вместе с его братьями.

«Только, смотрите, чтобы при этом соблюдалась правда и справедливость», — лицемерно восклицает Колумб,

Однако Маргариту не удалось заманить касика в ловушку. Это сделал другой коварный конкистадор — Охеда. Он прикинулся другом и предложил Каонабо мир, известив, что везет ему в дар большой колокол, который своим громким звоном давно уже привлек внимание касика. Заманив Каонабо на переговоры, Охеда уговорил его надеть на себя наручники и ножные оковы, утверждая, что в Кастилии такие украшения носят лишь знатные люди. Закованного в цепи касика испанцы быстро усадили на лошадь и поскакали с ним в Изабеллу. Там Каонабо был брошен в подвал адмиральского дома и потом отправлен в Испанию.

НА БЕРЕГАХ КУБЫ И ЯМАЙКИ

У подножья гор Сьерра-Маэстра. — Столкновение на Ямайке. — Архипелаг «Сад Королевы». — Чудесные бухты и заливы Кубы. — Пинос (остров Сосен) — будущее пиратское гнездо. — Присяга, продиктованная фанатиком. — В борьбе со встречными ветрами и течениями.

В конце апреля 1494 года вице-король Индии, оставив в Изабелле гарнизон под командованием Диего, вышел в море во главе маленькой флотилии из трех небольших каравелл, среди которых была и «Нинья», и направился на запад — искать континентальную Индию. Однако эта экспедиция больше походила на бегство от невзгод и несчастий, постигших колонию, и на попытку путем новых блестящих открытий сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное в Испании известиями с Эспаньолы.

29 апреля Колумб достиг Кубы у мыса Альфы и Омеги (мыс Маиси) и водрузил там большой крест в знак того, что эта земля на вечные времена принадлежит государям Испании.

Испанцы по-прежнему не сомневались, что нахо-

дятся у берегов материка Азии, и потому полагали, что от мыса Альфы и Омеги можно пройти по суше до мыса Сан-Висенте в Португалии. И только в 1508 году, когда испанский моряк Окампо обогнул на своих каравеллах Кубу, стало ясно, что это лишь один из островов Антильского архипелага.

От мыса Маиси каравеллы Колумба пошли вдоль юго-восточного берега Кубы дальше на запад. Перед восхищенными взорами мореплавателей предстали спускавшиеся к самой воде горные хребты Сьерра-Маэстра, поросшие роскошными лесами, лазурное море, чудесные, тихие, хорошо защищенные от бурь бухты и заливы. Зеленая, цветущая земля источала сладостный аромат. Каравеллы Колумба зашли в обширную бухту Гуантанамо (адмирал назвал ее Пуэрто Гранде — Большая Гавань), где в XX веке современные пираты — империалисты США — устроили свое разбойничье гнездо — военную базу. Корабли зашли также в красивую бухту, окруженную скалистыми холмами, у подножья которых через двадцать лет после экспедиции Колумба завоеватель Кубы Диего Веласкес основал город Сантьяго де Куба — первую столицу острова.

На Кубе отношения испанцев с туземцами носили дружественный характер, и Колумб следил за тем, чтобы теперь моряки не испортили эти отношения неосторожными действиями. Весть о добрых чужеземцах, которые приносят чудесные дары, снова распространилась по побережью, и островитяне гостеприимно встречали испанцев. На своих каноэ они подплывали к каравеллам и привозили хлеб, рыбу, плоды. Индейцы приглашали посланцев небес на берег и радушно угощали их. Испанцы обратили внимание, что островитяне употребляют в пищу игуан и крокодилов.

Игуану испанцы принимали за змею, покрытую твердой чешуей и шипами, и к тому же считали ее ядовитой. Лишь много позже выяснилось, что на Кубе вообще нет ядовитых пресмыкающихся.

Однако золота на этих берегах испанцы не обнаружили. Поэтому адмирал, узнав от индейцев, что где-то

Индийские пироги (по старинной гравюре).

неподалеку, чуть южнее, расположен богатый золотом остров, изменил курс и через несколько дней подошел к Ямайке.

На этом прекрасном острове перед испанцами преа- стали высокие горы и широкие низменности с благодатными, густо населенными речными долинами.

Навстречу кораблям вышло не менее семидесяти больших каноэ, сделанных из цельного дерева, с красиво украшенными изогнутыми концами. Но сидевшие в них туземцы были настроены враждебно и держали оружие наготове.

На другой день, когда каравеллы вошли в большую бухту и бросили якоря, на берегу собралась огромная толпа индейцев. Их обнаженные тела были разрисованы черными орнаментами, а на головы надеты большие султаны из перьев. Индейцы оглашали воздух свирепыми криками и бросали дротики, не долетавшие, однако, до кораблей.

Испанцам необходимо было пополнить запасы воды и дров, а также починить корабли. Поэтому они, невзирая на враждебный прием, спустили на воду лодки, но туземцы осыпали их градом стрел.

Тогда Колумб приказал выстрелить в индейцев из пушек и арбалетов. Несколько туземцев были убиты и многие ранены. Испанцы напустили на островитян свирепых собак, которые, так же как и лошади, навели на них ужас и причиняли большой урон, ибо, как с гордостью отмечает летописец, против индейцев один пес стоит десяти человек. После этого страшного знакомства с собаками индейцы сочли за благо прекратить сопротивление. К кораблям из ближайшей округи подошло огромное количество каноэ, теперь индейцы были тихи и покорны. Они привезли съестные припасы и все прочее, чем владели, и охотно отдавали все привезенное испанцам за любую вещь, какая им только ни предлагалась.

Не найдя на Ямайке золота, Христофор Колумб снова подошел к побережью Кубы — к мысу, названному им мысом Креста: он упорно разыскивал здесь южную провинцию Китая Манзи.

Испанцы неоднократно высаживались на берег. Но

то они попадали в непроходимые болота, поросшие тростником, то перед ними сплошной зеленой стеной вставал лес, сквозь который невозможно было пробраться.

Однажды, сойдя на берег, чтобы водрузить там крест и отслужить мессу, Колумб повстречал седого, почтенного касика и долго разговаривал с ним.

Колумб с удивлением узнал, что у индейцев земля точно так же, как солнце, воздух и вода, является общим достоянием и что они очень умеренны в своих нуждах. Живут они словно в золотом веке, не роют ровов вокруг своих владений и жилищ, не возводят валов; их сады доступны каждому; в их стране не ведают законов, не знают ни книг, ни судей, ни истории, ни письменности. Будучи по натуре справедливыми, они считают неразумным всякого, кто угнетает или обижает других.

Как передает Лас Касас, старец поведал Колумбу, что островитяне испытывают страх перед ним, но предупредил, чтобы он не тешил себя тщеславными мыслями, ибо он так же смертен, как и все прочие люди, и пусть не делает никому зла, ибо, по верованиям индейцев, человека на том свете ожидает справедливая расплата за все его деяния — либо светлое царствие небесное, либо темное подземелье.

Адмирал подивился такой мудрости старца и ответил, что он, Колумб, явился в эту страну, чтобы творить добро и защищать индейцев от всего дурного. Затем он рассказал касику об Испании, ее городах и людях, об обычаях и богатстве, о пище и празднествах.

Старец сказал, что он охотно отправился бы с Колумбом в Испанию, чтобы своими глазами увидеть все эти чудеса, но здесь останутся его жена и сыновья, которые будут горько оплакивать его отъезд.

Вскоре после этого корабль Колумба посетил еще один касик с женой, дочерьми, сыновьями и братьями. Их голые тела были увешаны медными и золотыми украшениями, ожерельями из разноцветных камней, полосами хлопчатобумажной ткани и плюмажами из перьев. Они привезли испанцам дары.

Касик попросил разрешения остаться с семьей на корабле: он, дескать, решил покинуть свою землю, отдать ее адмиралу и отправиться к великим и могущественным владыкам, о которых слышал от индейца-переводчика так много чудесного, что хочет увидеть все своими глазами.

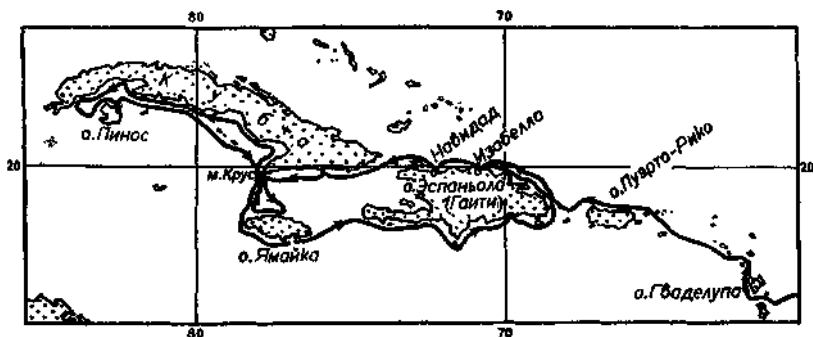
Адмирал все же пожалел касика и его семью, хорошо зная, что их ожидает во время далекого и тяжелого пути, и пообещал взять его с собой в другой раз, когда снова посетит эти места.

Море у берега было мелким, там часто бушевали грозы с сильными ливнями, обычные здесь в летнее время. Днища кораблей не раз скребли по дну, задевая подводные рифы — ежеминутно они могли сесть на мель.

Чем дальше плыли испанцы, тем чаще попадались на их пути мелкие низменные острова, покрытые пышными лесами. Лишь некоторые из них были заселены. Островов встречалось так много, что невозможно было дать имя каждому. Поэтому испанцы нарекли весь архипелаг «Садом Королевы». Так его называют и по сей день.

Блуждая по этому лабиринту, Колумб все чаще вспоминал рассказы Марко Поло о Тысяче Пряных островов, виденных им у берегов Азии, и лелеял надежду вскоре подойти к одному из портов Китая, или же к так называемому золотому Херсонесу — Малаккскому полуострову. А уж оттуда откроется прямая дорога в Индийский океан, к Аравийскому полуострову и Египту. Может быть, даже удастся возвратиться в Испанию вокруг Африки, посрамив португальцев, или, что еще лучше, завернуть по дороге в Красное море, совершить паломничество в Иерусалим, а оттуда вернуться в Испанию на каком-нибудь судне. Так мечтал этот фантазер, ничуть не подозревая, как далек он от азиатского берега...

На островах «Сада Королевы» водились фламинго — розовая птица, похожая на журавля, теперь уже почти истребленная, журавли, попугаи, вороны, пеликаны и другие птицы. Испанцы встречали там и собак.

Путь Колумба вдоль берегов Эспаньолы, Кубы и Ямайки
в 1493—1494 гг.

Попадались крупные черепахи величиной с колесо или щит. Близ одного из островов испанцы видели интересных рыбок, которых индейцы называли «ре-весо». Рыбки были чуть побольше сардин, на брюшке у них имелось твердое утолщение, которым они присасывались к любому предмету, и тогда их ни за что нельзя было оторвать — хоть режь на куски. Индейцы использовали их для ловли черепах и акул.

Вот что писал об этом Бернальдес: «Рыбную ловлю индейцы называют охотой, потому что охотятся они с помощью одних рыб за другими, а гончих рыб спускают в воду, привязывая к их хвостам бечевки. Рыбы же эти величиной с угря, и пасть у них очень широкая с множеством присосков, как у каракатиц, они очень дерзкие, как наши хорьки. Когда их бросают в воду, они сразу же присасываются к любой рыбе, а затем уже не отпускают ее, и можно оторвать этих рыб от их жертвы, только вытащив их из воды, а будучи в воде, они выпускают добычу только мертвые».

В южных морях эти рыбы-присоски и по сей день используются для рыбной ловли.

Колумб плыл по лабиринту островов двадцать пять дней, постепенно продвигаясь на запад вдоль горной цепи Тринидад с высокими скалистыми хребтами и глубокими темными ущельями.

В бухте Кочинос (Свиной) испанцы обнаружили бьющие со дна мощные ключи пресной воды. Вода была такая холодная и вкусная, что лучшей не найти на всем белом свете. Сойдя на берег, моряки улеглись на травке у ручьев, наслаждаясь ароматом цветов. Берег был прекрасен: со всех сторон доносилось чудесное пение бесчисленных птиц; тень пальм покрывала благоухающую землю, и были эти пальмы так высоки и стройны, что даже глазам не верилось.

Каравеллы заходили также в большую, открытую бухту Батабано (на севере от этой бухты, на противоположном берегу острова впоследствии был основан город Гавана). Здесь испанцы заметили странное явление: вода в море внезапно стала белой, как молоко, и густой, как жидкость для дубления кож. А затем появились полосы, черные, как чернила. Эти изменения цвета воды привели моряков в смятение: им никогда не приходилось видеть ничего подобного, и потому они испытывали невероятный ужас. Однако это явление, смущавшее не одного моряка и в дальнейшем, объясняется весьма просто: волны на мелях вздымают со дна белый ил, а затем черный песок.

От неглубокой бухты Батабано Колумб повернул к югу. Там он открыл большой остров (самый крупный из тысячи шестисот островов Кубинского архипелага, не считая, конечно, самой Кубы) и присвоил ему имя Евангелист. Но это название не сохранилось, и остров стали называть Пинос (остров Сосен), ибо там в давние времена росли могучие, стройные сосны — настоящий мачтовый лес.

Прошло время, и на острове Пинос обосновались пираты. Дольше столетия служил он им надежным прибежищем. Отсюда пираты совершали набеги на испанские колонии, нападали на караваны судов и таким образом подрывали могущество Испании на море. На Пиносе и других более мелких островах они чинили свои корабли, охотились и занимались рыболовством, чтобы пополнить запасы провианта; здесь они отдыхали и пировали, здесь спасались от преследователей.

Возле этого острова было столько черепашьих панцирей, что пу-

тешественникам казалось, будто море кишмя кишит ими. Суда шли вперед, со всех сторон окруженные черепахами. Порой попадались такие крупные экземпляры, что и моряки опасались столкновения с ними.

Индейцы высоко ценили вкусное мясо этих морских животных и яйца, которые они откладывали в ямки, вырытые в прибрежном песке.

К сожалению, Колумб так и не дошел до западной оконечности Кубы, иначе бы он убедился, что это остров, а не полуостров Азиатского материка. Может быть он тогда пересек бы Мексиканский залив и пристал бы к богатым берегам, где золото имеется в изобилии.

Но идти дальше было уже невозможно. Суда прохудились и стали понемногу наполняться водой, запасы провианта подходили к концу. Терпение матросов иссякло, и они стали требовать возвращения на Эспаньолу.

Плачевные результаты экспедиции приводили Колумба в ужас: на этих берегах не было ни золота, ни приношений. Никакой надежды на богатство!

И все же адмирал не сомневался, что каравеллы находятся у побережья Азии. Королевский нотариус привел к присяге восемьдесят человек — экипажи всех трех каравелл — и они поклялись в том, что действительно достигли берегов Азии и, в случае необходимости, могли бы вернуться в Испанию по суше. В присяге были, между прочим, и такие слова: «...Клянусь своей честью, что мне до сих пор никогда не доводилось ни слышать о таком острове, ни видеть такой остров, берега которого тянулись бы с запада на восток на протяжении целых трехсот тридцати пяти морских миль, ибо это невозможно. И вот я вижу, что эта земля простирается так далеко, как мною упомянуто, на юго-запад, и у меня нет сомнения в том, что это суша, а не остров, и что если поплыть дальше вдоль этого берега, можно в короткий срок достичь земли, где торгуют мудрые народы, которым ведом весь мир».

Моряки дали торжественную клятву никогда не

отказываться от этой присяги. За ее нарушение офицер должен был бы уплатить штраф в десять тысяч маравети, а матрос — получить сто ударов плетью и лишиться языка.

Изнуренные тропическим зноем, голодом и невзгодами моряки выполнили волю фанатика и подписали этот необычный документ.

Один из современников Колумба насмешливо заметил по поводу этой присяги: для того, чтобы убедиться, что Куба — остров, адмиралу достаточно было послать на верхушку мачты одного из своих людей.

Вынужденная присяга никого не убедила, наоборот, она вызвала еще больше сомнений. Надо сказать, что уже на карте де ла Косы, изданной в 1500 году, Куба была обозначена как остров.

Три недели каравеллы Колумба, борясь со шквалами и ливнями, шли на юго-восток, с великим трудом преодолевали они встречные ветры и течения Карибского моря. Запасы продовольствия иссякли. Матросы, истомленные тяжелым трудом у насосов, получали в день только по фунту прелых сухарей и по кружке вина.

Наконец измученные моряки добрались до мыса Креста. Здесь испанцы несколько дней отдыхали, а затем попытались взять курс на Эспаньолу, однако встречный ветер заставил их повернуть на юг.

Колумб еще раз подошел к берегам Ямайки, которую он называл зеленой, прекрасной и счастливой страной. За кораблями следовали бесчисленные каноэ. По свидетельству очевидцев, индейцы охотно служили морякам, приносили им еду, словно это были их родные братья.

Обогнув западный и южный берега Ямайки, Колумб 20 августа достиг, наконец, Эспаньолы. Здесь он задержался еще не сорок дней, исследуя южное побережье острова, и 29 сентября, после пятимесячного плавания, вернулся в Изабеллу. Адмирал был тяжело болен — бессонные ночи, которые он провел в лабиринте мелких островов, грозных рифов и мелей, зной, сырой, нездоровый воздух и скудное питание подор-

вали его здоровье. Матросы перенесли великого мореплавателя на берег.

За эти пять тяжелых месяцев Колумб не только показал большое мастерство вождения кораблей, но и сделал очень много: исследовал обширные побережья, где впоследствии были основаны богатые испанские колонии, открыл Ямайку — чудесный, плодородный остров, захваченный потом английскими колонизаторами. Однако цель этой экспедиции — найти страну великого хана, получить доступ к ее золоту, алмазам и пряностям — не была достигнута.

Крестом, огнем и мечом

ОПУСТОШЕНИЕ ИНДИИ

Бедствия Эспаньолы. — «Такие люди не могли явиться с неба!» — Ненависть поселенцев к Колумбу и его братьям. — Корабли с невольниками. — Смертельные враги и истребители рода человеческого. — Кровавые злодеяния испанцев. — Золотой оброк и рабский труд. — Неудачи в колонизации Эспаньолы. — Возвращение в Испанию. — Каторжники в роли проповедников святой веры за океаном.

За время отсутствия Колумба на Эспаньоле создавалась тяжелая обстановка. Очень ярко ее характеризует друг и защитник индейцев епископ-гуманист Лас Касас:

«Вся страна находилась в состоянии брожения и смуты, и царили в ней ужас и ненависть. Индейцы вооружились против христиан, вынужденные к тому притеснениями, насилием и грабежами, которые чинили им испанцы в течение всего времени, что прошло с момента отплытия адмирала к берегам Кубы и Ямайки...

Остров Эспаньола был первым из тех, на которые вступили христиане, и здесь положено было начало гибели и истреблению этих людей (индейцев); сперва, разорив и опустошив остров, христиане стали отбирать у индейцев жен и детей, чтобы заставить их служить себе и пользоваться ими дурным образом, и пожирать их пищу, которую трудом и потом своим индейцы производили. Ибо не удовлетворялись христиане тем, что индейцы давали им по своей воле, сообразно со

своими собственными потребностями, каковые всегда невелики: ведь нет у них, индейцев, обычая иметь больше того, в чем они каждый день нуждаются и что производят с малым трудом. Но то, чего хватает на целый месяц для трех индейских домов с десятью обитателями в каждом, пожирает и уничтожает один христианин за день. Приняв во внимание и иные многочисленные насилия, притеснения и обиды, которые им причинили христиане, индейцы поняли, что такие люди не могли явиться с неба.

И некоторые из индейцев прятали пищу, другие — жен и детей, иные бежали в леса, чтобы уйти от таких жестоких и свирепых людей. Христиане секли их плетью, избивали кулаками и палками и доходили до того, что поднимали руки на владык индейских...

И индейцы стали искать средства, коими можно было вышвырнуть христиан вон со своих земель, и взялись за оружие; но оружие у них слишком слабое и малопригодное как для нападения, так и для защиты...».

Дух мятежа царил и в гарнизоне острова. Педро Маргарит после отплытия Колумба на Кубу и Ямайку не отправился, как было приказано, в поход против индейцев, а вступил в борьбу с Советом по управлению островом.

Дождавшись кораблей из Кастилии, он самовольно бросил своих солдат и отплыл на родину, а предоставленные самим себе воины разбрелись по обширной Королевской долине, беззастенчиво грабя и убивая индейцев. Бедствия туземцев и их возмущение все возрастали.

На Эспаньолу прибыли три каравеллы с провиантом и воинами под командованием Бартоломео Колумба — брата адмирала. Большой адмирал очень обрадовался, увидев после долголетней разлуки у своей постели любимого брата, и назначил его своим наместником в надежде, что этот суровый, энергичный и деятельный человек установит спокойствие на острове. Однако этот шаг Колумба вызвал сильное недовольство среди колонистов, а также и при дворе: ведь право назначать

наместника вице-короля Индии и губернатора островов принадлежало только государям.

Если бы Бартоломео прибыл немного раньше, ему, возможно, удалось бы принять энергичные меры и исправить ошибки, допущенные вице-королем Индии и его младшим братом Диего — мягким слабохарактерным человеком. Он смог бы установить порядок, усмирить мятежников, грабителей и всякий другой сброд, организовать добычу золота и обработку земли. Теперь же колонизация и управление островом требовали чуть ли не сверхчеловеческих усилий.

Колонисты были разочарованы в своих надеждах. Здесь им приходилось надрываться на тяжелой работе и влачить полуголодное существование, и они стали искать виновников своих несчастий. Их ненависть, естественно, обратилась против чужестранцев — Колумбов, этих генуэзцев, которые захватили власть только из личной корысти и которым чужды интересы испанцев. Христофора Колумба обвиняли в несправедливом распределении продуктов, в нерегулярной выплате жалованья, жестокости и деспотизме.

А мятежники, удравшие в Испанию, в свою очередь стремились очернить вице-короля и его братьев при дворе.

Все же популярность Колумба в Испании была еще очень велика. Фернандо и Изабелла отправили в колонию четыре каравеллы под командой Антонио Тореса — с продовольствием, медикаментами, оружием и сворой свирепых собак. В благожелательном послании Колумбу государи приглашали его возвратиться в Испанию и помочь в переговорах с Португалией. Но адмирал упустил эту возможность под благовидным предлогом уклониться от колонизации, которая оказалась ему не под силу. Он был еще слишком слаб для далекого пути через океан, да к тому же не хотел возвращаться с пустыми руками.

В феврале 1495 года Колумб организовал поход на индейцев, так как, невзирая на лицемерные возражения двора, решил направить в Испанию суда с невольниками. Воины опустошили обширную область, убили несколько тысяч островитян и пригнали в Иза-

беллу огромную толпу пленников.. В конце февраля пятьсот индейцев были погружены, словно скот, в тесные трюмы четырех кораблей и отправлены в Испанию. Около двухсот из них погибли в пути, не выдержав тяжелого переезда.

В Севилье больных, изможденных индейцев передали Фонсеке, который отослал их в свое поместье и приказал продать там с торгов. Плохое обращение, непосильный труд, непривычные климат и пища, унижения, которые им приходилось терпеть, и тоска по родине быстро свели этих несчастных в могилу.

Король и королева сначала разрешили продажу индейцев, но вскоре отменили свое решение: «Безусловно прекратить продажу и не принимать за индейцев платы до тех пор, пока мы не выясним у ученых людей — теологов и канонистов — можно ли со спокойной совестью продолжать это дело. Необходимо, в частности, чтобы Торес немедленно доставил нам письма адмирала для того, чтобы мы могли выяснить, по каким причинам он направил этих людей для продажи в рабство в Севилью».

К тому же индейцы были невыгодным товаром, так как быстро умирали: они плохо переносили испанский климат.

Часть пригнанных в Изабеллу индейцев, для которых на кораблях не хватило места, Колумб отдал в услужение колонистам, а остальных отпустил на свободу. Несчастные, перепуганные люди, не веря в свое избавление, так торопились скрыться в горах, что матери даже побросали своих детей.

Из Изабеллы бежал также один из пленных вождей. Теперь он попытался объединить своих соплеменников для борьбы с испанцами. Но между индейцами не было согласия: кое-кто из вождей надеялся сохранить нейтралитет, а Гуаканагари считал себя союзником Колумба. Все же несколькими касикам удалось собрать большое войско.

Испанцы не стали дожидаться, пока индейцы окружают Изабеллу. Адмирал, оправившийся от пятимесячной болезни, Бартоломео и Охеда выступили им навстречу с двумястами закованных в латы пехотинцев,

Форт на Эспаньоле — одна из баз агрессии.

двадцатью всадниками и двумя десятками свирепых псов.

Началась настоящая война, продолжавшаяся целых девять месяцев — до конца 1495 года. В марте испанцы одержали первую победу над несколькими тысячами индейцев в Королевской долине. Испуская воинственные кличи, индейцы отважно бросились в атаку, но адмирал приказал под бой барабанов и звуки труб обстрелять их из аркебуз. Оружейный огонь привел индейцев в замешательство, а появление всадников и собак вызвало панику. Цветущая долина покрылась трупами сотен индейцев. Эта первая большая битва белых с краснокожими положила начало массовому истреблению населения Антильских островов. Мирные племена, вооруженные лишь примитивными

тростниковыми и деревянными дротиками, были не в силах противостоять огнестрельному оружию. К тому же Колумб выбирал для сражения обширные равнины, чтобы всадникам было где развернуться.

«За это время произошли чудовищные избиения индейцев, и целые области совершенно обезлюдели, особенно в королевстве Каонабо...» — писал Лас Касас, гневно обрушиваясь на испанцев за их кровавые злодеяния на Антильских островах.

«Так произошло потому, что индейцы прилагали все свои силы, чтобы попытаться выбросить из своей страны таких жестоких и свирепых людей. Они видели, что без всякого повода, без всякого вызова с их стороны их лишают родины, земли, свободы, жен и детей и самой жизни и ежедневно истребляют жестоко и бесчеловечно. При этом христиане легко достигали своей цели, ибо бросались на индейцев на лошадях, разили их копьями, рубили мечами, рассекая людей надвое, травили их собаками, которые терзали и пожирали индейцев, сжигали их живьем и подвергали на разный манер иным немилосердным и безбожным пыткам...

Христиане бились об заклад о том, кто из них одним ударом меча разрубит человека надвое, или отсечет ему голову, или вскрыет внутренности. Схвативши младенцев за ноги, отрывали их от материнской груди и ударом о камни разбивали им головы; или же кидали матерей с младенцами в реку, а когда они погружались в воду, христиане смеялись и шутили, говоря: «Смотрите, как нехристи пускают пузыри!». Воздвигали длинные виселицы так, чтобы ноги почти касались земли и, вешая по тринадцать на каждой во славу и честь нашего искупителя и двенадцати апостолов, разжигали костры и сжигали повешенных живьем. Иных обертывали сухой соломой, привязывая ее к телу, а затем, подпалив солому, сжигали. Другим... отсекали обе руки, и руки эти подвешивали к телу, говоря этим индейцам: «Идите с этими письмами, распространяйте вести среди беглецов, укрывшихся в лесах...».

И так как все, кто мог сбежать, укрывались в

Травля индейцев собаками (по старинной гравюре).

лесах или горах, спасаясь от людей, столь бесчеловечных и безжалостных, истребителей к смертным врагов рода человеческого, то были обучены и вымуштрованы отчаяннейшие псы, которые, завидя индейца, в мгновение ока разрывали его на куски...

И индейцы были разбиты и рассеяны, словно стая птиц, и терпели такой же урон, как овцы, застигнутые врасплох в своем загоне...

А так как иногда — и при этом мало, и редко, и по справедливой причине — индейцы убивали кого-нибудь из христиан, то последние сговорились между собой, что за одного христианина, которого убьют индейцы, христиане должны убивать сто индейцев...

Таким образом, как сообщает сам адмирал в своем письме к королям, усмирено было население острова, по его словам, неисчислимое, и силой и хитростью от имени их высочества приведены были к покорности все народы. Адмирал же как их вице-король обязал каждого касика или туземного короля платить подати за землю, которой они владели, продуктами этой земли, и стал эту подать собирать с 1496 года. Таковы собственные слова адмирала».

Кровь стынет в жилах, когда перелистываешь эти страшные страницы истории, и невольно думаешь о том, что гнусный облик завоевателей, колонизаторов и претендентов на мировое господство во все времена был почти одни и тот же. Так называемые христианские расы запятнали себя кровавыми злодеяниями во всех частях света и по отношению ко всем народам, которые им удалось завоевать.

Беспощадный суд истории вынес им суровый приговор. По словам Маркса, эти злодеяния «...превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных».

Словом «конкистадор» на языках всех народов стали называть безжалостных завоевателей и убийц, чьи злодеяния затмили даже жестокость Чингисхана, и кого превзошли лишь конкистадоры XX века — немецкие фашисты, покрывшие землю лагерями смерти,

и американские империалисты, агрессоры, готовые на все ради завоевания мирового господства.

Буржуазные историки не потрудились честно и правдиво изложить эти первые шаги колонизации Америки. Они лишь мимоходом отмечали, будто захват земли и имущества индейцев, продажа их в рабство и уничтожение целых народов были хоть и прискорбными, но необходимыми явлениями, всегда сопровождающими открытие новых земель.

Если бы история великих географических открытий была сразу же написана правдиво, без приукрашивания и замалчивания, человечество в ужасе отвернулось бы, увидев в этом зеркале кровавый лик зарождавшегося капитализма и колониализма с горящими жаждой золота алчными глазами.

За девять месяцев Христофор Колумб захватил почти всю Эспаньолу и построил на ней несколько крепостей и фортов.

Оставшиеся в живых индейцы в отчаянии уничтожали свои посевы, чтобы оставить завоевателей без хлеба, и уходили в горы. Испанцы охотились за беглецами, силой приводили их обратно в долины и принуждали обрабатывать покинутые поля. Островитяне были так запуганы, что испанцы могли теперь невооруженные, в одиночку, пройти из конца в конец всю Эспаньолу, не боясь нападения.

Главной целью Колумба после покорения острова было увеличение добычи золота. Теперь вместо испанцев на сборе и промывке золотоносного песка от зари до зари работали индейцы.

Колумб установил для каждого островитянина, достигшего четырнадцатилетнего возраста, определенный оброк. Раз в три месяца они должны были сдавать испанцам по полбубенчика намытого золота. Индейцам, выполнившим этот оброк, вешали на шею бронзовую или медную бирку с отметкой о количестве сданного золота. Туземцев, не имевших такой бирки, испанцы подвергали суровому наказанию.

Вскоре, однако, стало ясно, что небольшие запасы золота на острове быстро иссякают и туземцы не

Беспощадное истребление индейцев (по старинной гравюре).

могут вносить столь большую подать. К тому же они плохо владели способами промывки золота.

Для сбора дани Колумб посылал солдат. По приказу адмирала они безжалостно уничтожали тех индейцев, которые не могли собрать установленное количество золота, или же отрубали им правую руку. Индейцы зачастую совершали самоубийства или убежали в горы, где их травили собаками, словно диких зверей.

Вскоре вместо золота стали взимать с туземцев хлопок и принудили их трудиться на полях колонистов и в золотых рудниках. У ограбленных индейцев больше ничего не оставалось, кроме их рабочих рук. Кастильские колонисты начали требовать надельные участки вместе с прикрепленными к ним туземцами. Плодородными заморскими землями заинтересовались и церкви — духовные ордена и монастыри. Началась

раздача земель вместе с индейцами. Отныне побег индейца карался смертью или продажей в рабство. Но и труд закрепощенных аборигенов мало чем отличался от рабского труда.

Как же отнеслись к опустошению «Индии» и истреблению ее населения католические короли? Ведь Изабелла и Фернандо приказывали обращаться с ними гуманно, заботиться об их благополучии, приобщать их к христианской вере мягкостью и любовью. Но это было одно лишь лицемерие, одни пустые слова.

Королей, точно так же как и конкистадоров, интересовало только золото, а оно добывалось руками индейцев. Поэтому в 1500 году королева объявила индейцев «своими свободными вассалами», то есть резервировала за собой монопольное право распоряжаться ими, стремясь оградить их от вождельний феодалов-конкистадоров, превратить индейцев в своих (государственных) крепостных и свободно эксплуатировать их в своих рудниках и на своих полях.

Однако Фернандо и Изабелле не удалось добиться такого идеального положения: на новые земли устремился поток алчных идальго, которые жаждали легкой наживы и не хотели повиноваться монаршей воле.

Король и королева были вынуждены уступить и стали передавать индейцев — своих «свободных» вассалов — во временное или долгосрочное владение завоевателям, с тем чтобы те взяли на себя заботу о спасении душ язычников — обращении их в христианство. Иными словами, поручали овец волкам...

Индейцы, изнуренные рабским трудом, голодом и болезнями, которые завезли европейцы, быстро вымерли, и еще недавно цветущая страна превратилась в пустыню.

Лас Касас считает, что, когда Колумб открыл Эспаньолу, ее население составляло около четырех миллионов человек, а некоторые историки более позднего времени — что там жило не более трехсот-четырехсот тысяч человек. Другие ученые приводят данные, согласно которым Колумб в 1495 году обложил податью около 1,1 миллиона островитян, а спустя двадцать лет из них осталось уже менее пятнадцати

тысяч. К середине XVI века на Эспаньоле уже не было ни одного аборигена.

Вскоре на Эспаньолу стали привозить «людоедов» с Малых Антильских островов и «диких», то есть еще не розданных колонистам, туземцев с Кубы, Ямайки и Пуэрто-Рико, где испанская колонизация началась на пятнадцать-двадцать лет позже, а также с побережья материка Южной Америки. Потом на Эспаньолу стали доставлять черных рабов из Африки главным образом для возделывания сахарного тростника. Эта культура, перекочевав через океан в Новый Свет, особенно способствовала распространению там рабства.

Однако Колумб по-прежнему испытывал затруднения при колонизации Эспаньолы. В Испанию с острова поступали бесконечные жалобы, вызывавшие при дворе серьезные опасения по поводу положения на Эспаньоле: волнения не прекращались, меновая торговля совсем приостановилась, добыча золота была ничтожна. Поэтому государи направили за океан специального контролера Хуана Агуадо, наделив его чрезвычайными полномочиями.

Агуадо прибыл на Эспаньолу в октябре 1495 года с каравеллами, доставившими продовольствие, и стал расследовать жалобы. Люди сетовали на беспричинные наказания, злоупотребления в распределении продовольствия и другие несправедливости. Даже индейцы осмелились подать жалобу на адмирала, благо он уже долгое время находился в горах и все не возвращался в Изабеллу.

Собрав обличающий Колумба материал, королевский контролер стал готовиться в обратный путь. Колумб, почувствовав, что его положение пошатнулось, решил отправиться вместе с Агуадо в Испанию, чтобы лично оправдаться перед королями.

В это время на остров налетел страшный ураган и потопил все каравеллы, стоявшие наготове в порту. Только «Нинье» удалось спастись. Путешествие пришлось отложить до тех пор, пока из обломков разбитых кораблей не построят новую каравеллу.

В Изабелле очень часто вспыхивали эпидемии ли-

хорадки, поэтому Бартоломео Колумб в 1496 году заложил на южном берегу Эспаньолы новый город — Санто-Доминго, теперешнюю столицу Доминиканской республики, — старейший из городов Нового Света, основанных европейцами.

Продовольствие для колонии, расположенной на плодородном острове с чудесным климатом, по-прежнему доставляли из-за океана. Число колонистов уменьшилось до шестисот. Никто больше не хотел жить в этой проклятой стране, где свирепствовали болезни, и многие уже успели возвратиться на родину. Остальные тоже стремились в Испанию.

«Пусть господь покарает меня и не даст возвратиться в Кастилию!» — это была самая страшная клятва у поселенцев.

Доходы, поступавшие с острова, все еще не покрывали издержек колонизации, и короли Испании нарушили договор с Колумбом как не оправдавший себя и разрешили всем, кто только пожелает, селиться на новых землях, а также самолично добывать там золото и искать другие острова.

Колумб, узнав об этом, решил вернуться в Испанию и там отстаивать свои права.

10 марта 1496 года адмирал вышел на «Нинье» из Изабеллы. Это было унылое путешествие. «Нинью» сопровождала всего лишь одна каравелла «Индия», построенная из обломков погибших кораблей. Людей на обоих судах было в четыре раза больше чем обычно — колонисты бежали из этих гиблых, проклятых богом мест. Адмирал искал самый короткий путь через океан, считая, что в 1493 году возвращение слишком затянулось. Но ему не повезло. Обе каравеллы, борясь со встречными ветрами, долго шли вдоль Антильского архипелага.

На Гваделупе испанцев встретили вооруженные луками карибские женщины, и моряки сочли, что наконец-то им довелось попасть в страну амазонок. На самом же деле все мужчины из прибрежных селений ушли вглубь острова на охоту. Захватив в качестве заложников нескольких женщин и детей, испанцы

заставили воинственных островитянок снабдить корабли клубнями маниока и плодами.

20 апреля испанцы покинули Гваделупу и несколько недель скитались в открытом океане, опять преодолевая встречные ветры. Через месяц команды перешли на голодный паек. На борту находилось также около тридцати индейцев, и испанцы готовы были сбросить их в воду или же заколоть и съесть, не считая за особый грех утолить свой голод мясом людоедов.

Колумб, отличавшийся острой наблюдательностью, на обратном пути успешно пользовался компасом для определения географической долготы. Он уже раньше заметил, что примерно в ста милях к западу от Азорских островов склонение магнитной стрелки становится равным нулю и она занимает положение точно по географическому меридиану,

И июня, несмотря на неблагоприятные ветры, адмирал после трехмесячного плавания вошел в испанский порт Кадис, откуда почти три года назад в далекую Индию отправилась целая флотилия. Тогда мореходов окрыляли самые радужные надежды. Никогда еще ни одно предприятие не сулило так много и не дало так мало, как вторая экспедиция Колумба. Она была так хорошо задумана и обеспечена, но вместо прибыли, вместо сокровищ принесла одни заботы и разочарования. Испанцы обрели на новых землях не легкую наживу, а войны, междоусобицы, болезни, голод и тяжкий труд. Они нашли там не богатые колонии, а богом проклятую землю. Куба вовсе не была провинцией Китая, и Изабелла ничуть не походила на доходные фактории португальцев на африканском побережье. Золота на Эспаньоле было мало и добывали его с великим трудом. И даже трусливые островитяне осмеливались нападать на белых-посланцев небес.

Возвращение Колумба ничем не напоминало его триумф после первой экспедиции. Тяжело переживая холодный прием, он облачился в грубую одежду монаха-францисканца, опоясался веревкой и целые дни проводил в церквах и монастырях, отказываясь от приглашений в знатные дома.

Рабы-индейцы на промывке золота
(по старинной гравюре).

Однако, когда Фернандо и Изабелла попросили мореплавателя прибыть во Вальядолид ко двору, он снова устроил пышную процессию. Ему казалось, что ничто не изменилось — ведь он открыл Индию, страну несметных богатств. Однако народ в Кадисе и Севилье видел оборванных, худых, как скелеты, измученных лихорадкой матросов, которые вернулись из тяжелого путешествия с пустыми руками и теперь просили милостыню.

Колумб охотно показал бы народу пленного касика Каонабо, этого индейского героя, но Каонабо умер в дороге с горя и тоски по родине, не обмолвившись с коварными чужестранцами ни единым словом. А плененные в Гваделупе «амазонки» после долгого и тяжелого плавания походили на отощавших, перепуганных животных. Но адмирал слишком хорошо знал темпераментный характер испанцев, чтобы не суметь разжечь любопытство толпы и возбудить иссякшую было жажду золота. Он ловко нашел оправдания своим неудачам и ничтожному количеству привезенного золота и опять пленил королей пламенными речами о богатствах новых земель. Колумб тут же попросил снарядить восемь кораблей для третьей экспедиции, но Фернандо и Изабелла воздержались от прямого ответа и повелели ему ждать.

Адмирал добивался также восстановления своих монопольных прав на новые открытия на западе и предложил королям посылать в колонии уголовных преступников, которые должны были обойтись государству дешевле. Вскоре государи подписали указ, согласно которому преступники, отправлявшиеся на Эспаньолу, получали помилование: смертники должны были прожить там за свой счет два года, прочие же преступники, включая и тех, которые были приговорены к отсечению руки или ноги, — один год. Милость эта не распространялась на еретиков-вероотступников, зато воры, грабители и убийцы могли стать помощниками адмирала в распространении христианского учения, «ибо сие будет угодно госуду нашему владыке и возвеличит его святую веру и рас-

ширит предел наших королевств и владений», — было сказано в королевском указе об амнистии.

Борясь за сохранение своих привилегий, Христофор Колумб не только вступил в острый конфликт с королями, двором и многочисленными недоброжелателями, но и стал преградой на пути исторического развития. Он хотел оставаться единственным открывателем новых земель, но уже многие мореплаватели предугадывали, что за островами, найденными Колумбом, скрываются неизвестные моря и обширные земли, целый материк. Как мог один человек захватить монополию на поиски и открытия, которые взбудоражили весь мир! Португалия посылала одну эскадру за другой по морскому пути вокруг Африки в Индию, английские корабли отправлялись за океан искать неведомые страны. Мир стал вдруг огромным, открылись новые горизонты. И новые материки и океаны манили к себе мореплавателей.

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ОКЕАН

Трудности и невзгоды при подготовке третьей экспедиции. — Вербовка каторжников. — За золотом и драгоценными камнями идите на юг! — Остров Три니다д и не открытый Колумбом берег Южной Америки. — Пресноводный залив и течения Змеиной и Драконовой пасти. — «Райский Сад». — Жемчужный берег и остров Маргарита. — Имеет ли Земля шарообразную форму? — Колумбу изменяет чутье на пороге великого открытия.

Колумб продолжал осаждать Фернандо и Изабеллу настойчивыми просьбами об отправке на Эспаньолю судов с продовольствием и о предоставлении ему нескольких каравелл для поисков новых земель к югу от Антильских островов, где, как он надеялся, можно достичь, наконец, богатого побережья Азиатского материка.

Но государей отягощали совсем иные заботы. Они готовились к войне с Францией и спешили сконцентрировать военный флот в водах Средиземного моря. Просьбы адмирала долгое время оставались без внимания. К тому же государственная казна была совсем пуста.

Лишь фанатическое упорство Колумба было способно преодолеть все трудности и препятствия, создаваемые недоброжелателями. Председатель Совета по делам Индии Фонсека делал все, чтобы расстроить отправку третьей экспедиции к Антильским островам под командованием Колумба. Однако устранить адмирала было не так легко. Он просил, требовал и даже угрожал и в конце концов добился своего.

Неправильно было бы думать, что Колумба интересовало только открытие новых земель, решение географических загадок и поиски морского пути в Индию. Нет, он жаждал власти, богатства, почестей и славы для себя и своих сыновей, для братьев и других членов семьи, всеми силами стараясь добиться назначения их на высокие посты.

Колумб считал открытие новых земель своим личным делом, своим монопольным правом и, остерегаясь конкуренции, скрывал от чужих глаз карты и судовые журналы.

Поиски новых земель как привилегия Колумба были оговорены особым пунктом королевского договора. Однако государи, не имея средств на организацию новых экспедиций за счет казны разрешили и другим лицам морские экспедиции на запад в надежде получить от новых колоний больше доходов. Колумб, возвратившись в Испанию, добился, что государи снова обязались соблюдать договор и запретили такие экспедиции.

Только осенью 1496 года Фернандо и Изабелла издали наконец распоряжение снарядить небольшую экспедицию за океан и отпустили на это средства. Но как раз в это время с Эспаньолы в Кадис прибыл капитан Ниньо и сообщил, что привел каравеллу с грузом золота. Он, дескать, всю дорогу молился богу, чтобы тяжело нагруженный корабль не пошел

ко дну. Получив столь приятное известие, Колумб вне себя от счастья сообщил об этом государям. И Фернандо тут же приказал использовать средства, предназначенные для экспедиции, на военные нужды, а Колумбу предложил покрыть его издержки привезенным золотом. Вскоре оказалось, что с Эспаньолы прибыло не золото, а полторы сотни индейцев, и их надо было еще продать, чтобы получить деньги.

Это недоразумение нанесло новый тяжелый удар по престижу Колумба и способствовало закату его славы. Над неудачливым вице-королем Индии стали открыто посмеиваться.

Все же Колумбу в конце концов удалось получить необходимую сумму для третьего путешествия за океан, и в 1497 году король предоставил ему шесть небольших каравелл.

Однако подготовка экспедиции продвигалась крайне медленно. Фонсека лишь в начале 1498 года отправил голодающим колонистам два транспортных судна с продовольствием, а о снаряжении кораблей для Колумба, казалось, и вовсе забыл. Архиепископ не очень-то верил в успех новой экспедиции. Не интересовалась ею и Изабелла: только что скончался принц Хуан, и потрясенная королева, с горя чуть не лишившаяся рассудка, перестала заниматься государственными делами.

Средств для снаряжения экспедиции не хватало. Купцы отказывались продавать товары по установленным государством низким ценам. Колумб просил, кланчил, торговался и угрожал, иногда даже пуская в ход кулаки. Так, однажды, когда один из чиновников Фонсеки — королевский казначей оскорбительным тоном потребовал у адмирала оправдательных документов, пригрозив задержать корабли, разъяренный Колумб бросился на него с кулаками, схватил за шиворот и пинком спустил вниз по сходням, громко крича при этом, что покажет ему еще не такие документы.

Этот и другие подобные инциденты возбудили при дворе различные толки и пересуды и даже вызвали подозрение, что адмирал действительно нечист

на руку. Его многочисленные враги и недоброжелатели не забывали об этих стычках, нападках и наречениях.

Нелегко было также нанять команды кораблей. Никто больше не хотел добровольно отправиться в путь под командой неудачливого адмирала. Благожелательное отношение сменилось враждебностью. Люди опасались Колумба. Злые языки распространяли всякие слухи. Объяснения адмирала никого больше не убеждали. Он не в силах был ни опровергнуть клевету, ни отразить обвинение: ведь потрачены такие огромные средства, погибло столько людей, похоронено столько надежд!

Вместо обещанных сокровищ — золота, пряностей и алмазов — лишь несколько сот ни к чему не пригодных рабов. Несчастливая разоренная страна за океаном возбуждала такой же страх, как перед первой экспедицией — чужой, неведомый океан. К тому же король отказался платить переселенцам жалованье. Поэтому колонистов, согласно объявленной амнистии, стали вербовать в тюрьмах и среди каторжников. Вскоре Колумб горько пожалеет об этом необдуманном шаге, так как будет не в силах совладать с этим сбродом на Эспаньоле. Нельзя не отметить, что многие преступники все же предпочли остаться в заключении, нежели отправиться за океан.

30 мая 1498 года из порта Сан-Лукалк в устье Гвадалквивира вышли шесть небольших каравелл с тремястами человек на борту. Среди этих кораблей были знаменитая «Нинья» и «Индия».

На сей раз в экспедиции участвовали сорок кавалеристов, сто пехотинцев, шестьдесят матросов, двадцать рудокопов, пятьдесят земледельцев, двадцать ремесленников. Отправились в путешествие за океан и тридцать женщин — в первых двух экспедициях Колумба женщины не участвовали.

Христофор Колумб вышел в море совсем больным. Он не успел оправиться после второй экспедиции, а заботы и невзгоды при подготовке нового плавания еще больше подточили его пошатнувшееся здоровье.

На пути к острову Мадейра Колумбу пришлось

сделать крюк, чтобы избежать встречи с французским военным флотом, якобы подстерегавшим испанские суда у берегов Португалии.

7 июня испанские каравеллы счастливо добрались до небольшого островка Пуэтро-Санто в пятидесяти километрах от Мадейры. На острове Мадейра мореплаватели пробыли шесть дней, пополнив там запасы провианта, дров и воды.

19 июня испанцы подошли к острову Гомера в Канарском архипелаге.

Здесь адмирал разделил свою флотилию на две части, отправив три каравеллы прямо к Эспаньоле. Он хотел обрадовать оставшихся на острове братьев свежими припасами.

Сам же Колумб с остальными тремя кораблями пошел к островам Зеленого Мыса, по его словам, названными так ошибочно: это были сухие, бесплодные острова, на которых лишь кое-где виднелась зеленая трава. Немногочисленные обитатели этих островов не имели даже пресной воды: вода в колодцах была соленая. Жители охотились на коз и шкуры вывозили в Португалию. Случалось, что островитяне долгие месяцы питались только козлятиной, рыбой, черепащими яйцами и мясом. В то время мясо черепах и омовения их кровью считались хорошим средством против проказы. Поэтому на одном из островов Зеленого Мыса португальцы поселили людей, больных этой ужасной болезнью.

4 июля Колумб, закупив козлятины и соли, приказал поднять якоря, и флотилия вышла в океан курсом на юго-запад.

Почему Колумб избрал путь, который должен был увести его далеко на юг? Перед отъездом он спрашивал совета у каталонского ученого и гранильщика драгоценных камней Ферреры, где следует искать драгоценные камни и золото. И тот прислал ему такой ответ: «И в Каире, и в Дамаске я всегда расспрашивал людей, из какого пояса и из какой части света они привозят драгоценные камни, золото, пряности и лекарственные растения. Оказывается, все

эти ценности поступают из экваториальных стран, населенных людьми с черной или темно-коричневой кожей. На мой взгляд, вам не удастся найти все это до тех пор, пока вы не встретите подобных людей.

Этот совет побудил адмирала пересечь океан южнее, нежели в первые два раза. К тому же он втайне надеялся достичь таким образом экваториальной части Индии.

13 июля, когда каравеллы находились уже на 5° с. ш., ветер внезапно стих, паруса обвисли, и жара стала столь нестерпимой, что адмирал опасался, как бы не сгорели корабли и не погибли люди. На обшивке судов начали расходиться швы, смола растопилась и стала стекать по мачтам, оснастке и бортам, испортился провиант.

«...Так быстро наступила невероятная, ни с чем несообразная жара, — писал впоследствии государям Колумб, — что не было на корабле человека, который бы решился спуститься в подпалубное пространство и привести в порядок бочки, где хранились вино и вода. А бочки лопались и разрывали стягивающие их обручи. Зерно накалилось, как огонь. Мясо и ветчина тухли и гнили. Жара удерживалась восемь дней».

Но, к счастью, солнце палило лишь один день, в последующие семь дней небо было затянуто тучами и шел сильный дождь. На этот счет адмирал заметил, что господь бог спас моряков от верной гибели, послал им попутный ветер, который помог выйти из этого ада.

31 июля, когда на судах оставалось лишь по одной бочке пресной воды, моряки увидели на горизонте три горных вершины. Этот остров, расположенный у самых берегов Южной Америки, Колумб назвал Тринидад (Троица). Он был покрыт пальмовыми лесами, среди которых лежали возделанные поля и тихие селения: очевидно, их жители куда-то попрятались. Сладко благоухали тропические цветы и плоды, и маленькие птички-колибри, летавшие стайками подобно

Индийские хижины на Антильских островах.

рою пчел, своею яркой расцветкой могли соперничать с попугаями.

На берегу испанцы обнаружили всевозможные плоды, в том числе и подобные винограду, яблокам и апельсинам. На ветвях деревьев развилось множество обезьян.

На следующий день каравеллы пошли вдоль южного берега острова, и вдруг моряки увидели на западе землю. То был берег материка Южной Америки возле устья реки Ориноко, но Колумб принял его за остров. Тринидад от этого берега отделял пролив. «Там были явные признаки течений... — писал Колумб, — и оттуда доносился шум, подобный рокоту морской воды, разбивающейся о скалы. Я стал на якорь у Песчаного мыса (мыс Икакос у южной оконечности Тринидада) вне этого пролива и увидел, что вода течет в нем с востока на запад с такой же

скоростью, как и в Гвадалквивире во время половодья, и так днем и ночью».

На следующее утро к кораблям подошла большая пирога с двадцатью четырьмя туземцами, вооруженными луками, стрелами и деревянными щитами. Стрелы были разукрашены яркими перьями, а накопечники сделаны из острых костей. По словам адмирала, индейцы были молоды и хорошо сложены, кожей не черны, блее всех, кого он видел в Индии, стройны и телом красивы. Волосы у них были длинные и мягкие, острижены по кастильскому обычаю. Головы островитяне повязывали пестрыми хлопчатобумажными платками. Некоторые были опоясаны такими же платками.

Колумб, желая привлечь их поближе к кораблю, велел показать им медные тазы и другие блестящие предметы, чтобы возбудить у них любопытство, но большая пирога по-прежнему держалась в отдалении.

«Люди на каноэ заговорили с нами, когда находились еще на далеком расстоянии от кораблей, — писал Колумб. — Никто — ни я, ни мои спутники — не мог поднять их... Чтобы побудить их подойти к кораблям, я распорядился вынести на кормовую башенку тамбурин и приказал молодым матросам плясать... Но, как только люди на лодке услышали музыку и увидели танцующих, все они оставили весла, взяли в руки луки и... принялись осыпать нас стрелами. Музыка и танцы прекратились, и я приказал разрядить по ним арбалеты. Они отплыли...». Индейцы приняли пляску матросов и музыку за военный танец и объявление войны.

Через некоторое время та же пирога, осторожно обойдя флагманский корабль, подошла к другой каравелле. Штурман бесстрашно спустился вниз к индейцам и роздал им разные безделушки. Благодарные туземцы стали знаками показывать, что принесут им все, чем они богаты, если белые сойдут на берег.

Испанцы, ослабевшие от нестерпимой жары, которую они перенесли в безветренной полосе, надеялись на хороший отдых — по утрам и вечерам здесь было

прохладно. Однако Колумб никак не мог найти подходящую бухту. Сильное течение в проливе таило в себе опасность. Испанцы вскоре в этом убедились.

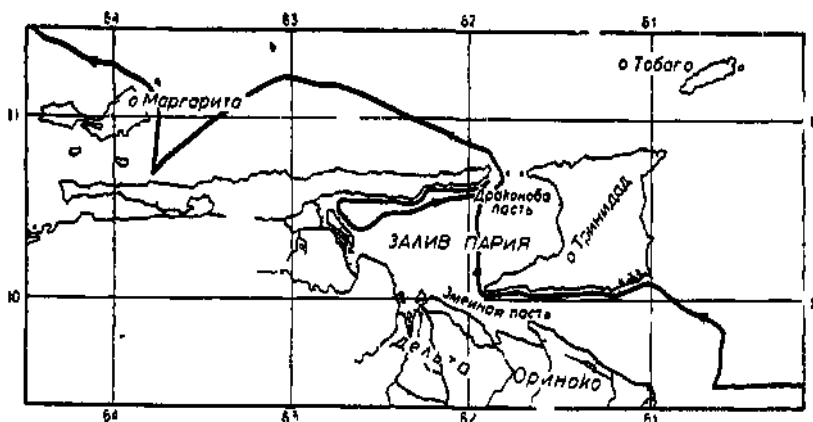
«От южной стороны Песчаного Мыса острова Тринидад, — писал адмирал, — шло чрезвычайно сильное течение, и рокот его был так силен, что все пришли в ужас, не надеясь избежать гибели. Навстречу этому течению шло противное течение, вызванное сопротивлением моря, и воды в месте столкновения двух потоков вздымались наподобие очень высокого холма. Один корабль был вскинут на его вершину, — зрелище еще доселе невиданное, другой же корабль был сорван с якоря и отброшен в сторону».

Так Колумб впервые столкнулся с мощным течением, которое, возникая у берегов Африки, пересекает океан и врывается сквозь проливы между Антильскими островами в Карибское море, а затем, описав большую дугу в Мексиканском заливе, дает на севере начало Гольфстриму. Вода вокруг бурлила и клокотала, но адмирал сумел все-таки провести корабли через этот опасный пролив, названный им «Змеиной Пастью», и поплыл вдоль острова Тринидад на север. Мореплаватели обратили внимание на то, что в широком заливе течение стало гораздо спокойнее, а вода в нем оказалась пресной.

Вскоре флотилия подошла ко второму, еще более опасному проливу, названному Колумбом «Драконовой Пастью». Этим проливом остров Тринидад отделялся от материкового полуострова Пария. Вода здесь бурлила точно так же, как и в Змеиной Пасти, и моряки установили, что она тоже пресная.

Маленькая флотилия продолжала идти по широкому пресноводному заливу вдоль южного полуострова Пария, который был удивительно красив: в густых лесах журчали ручьи, с шумом низвергались водопады. В тихих илистых бухтах, широко расставив длинные раскидистые корни, росли мангровые деревья.

Колумб назвал эту местность «Садом», но не подозревал, что это — берег материка. Какая ирония

Путь Колумба у берегов так и не открытой им Южной Америки в 1498 г.

судьбы! Великий мореплаватель считал Кубу частью материка Азии и велел своим людям поклясться, что они подтверждают это, а здесь, где открытия ожидал действительно огромный материк — целая часть света, чуть изменило адмиралу, и он принял этот берег за один из многочисленных островов Карибского моря.

Вскоре к судам подплыло множество каноэ. В них сидели стройные, красивые туземцы. У многих на груди висели золотые пластинки, а у некоторых к запястьям были привязаны жемчужины. Они знаками объясняли, что жемчуг добывают тут же, на севере этой страны. Индейцы были очень радушны, приглашали моряков в гости в свои большие дома, где угощали их хлебом, плодами и разными винами: красным, которое приготавливали из сочных листьев агавы, и белым — самым лучшим сортом, изготовлявшимся из кукурузы (Колумб отметил, что этот хлебный злак он уже отвез в Кастилию). Густая белая сладковатая жидкость была излюбленным алкогольным напитком на островах и побережье Карибского моря.

Мужчины собрались в одном углу дома, женщины в другом. Однако они не могли беседовать с испан-

цами, не зная их языка. И гости, и радушные хозяева горько сожалели об этом. Это был первый визит европейцев на берега Южной Америки. Состоялся он 5 августа 1498 года.

Колумб все же не мог дольше задерживаться у этих берегов, где счастье, казалось, снова ему улыбнулось — появились золото и жемчуг. Здоровье Колумба резко ухудшилось: от ночных бдений, яркого солнца и сверкающей поверхности воды воспалились глаза, возобновились и приступы подагры.

В заливе Пария Колумба смущали странные, трудно объяснимые явления: вода здесь была не соленая, океанская, а пресная. Ее мощные потоки, сталкиваясь в проливах с морскими течениями, создавали кипящие водовороты. Очевидно, в залив впадала большая полноводная река (Ориноко). Но разве могут быть на островах такие могучие реки?

Однако времени для выяснения не оставалось, надо было торопиться на Эспаньолу. Адмирал опасался, что съестные припасы, которые он вез из Кастилии для колонистов, придут в негодность.

Выйдя в море через Драконову Пасть, Колумб среди других островов видел вдали остров Тобаго. Потом он пошел на запад вдоль северного берега полуострова Пария и открыл несколько островов, где индейцы занимались ловлей жемчуга. Испанцы наметали у них на безделушки много жемчуга. Самый крупный из этих островов называли Маргарита — Жемчужина.

В те времена жемчуг ценился очень высоко, а его происхождение оставалось загадкой. «...Если жемчуг рождается от росы, попадающей в раковины, когда открыты створки, как о том пишет Плиний, то есть основание предполагать, что здесь будет найдено много жемчуга, ибо росы в этих местах обильны, а жемчужных раковин, и при этом больших, встречается очень много», — писал Колумб. Он радовался также тому, что здесь встречается особенно дорогой красный жемчуг.

В пути мучимый недугом Колумб, лежа на своей койке, сочинял письмо Фернандо и Изабелле, пытаясь

объяснить, что же, собственно, он открыл на сей раз.

В этом письме удивительные по своей прозорливости догадки переплетались с бессмысленным религиозным бредом.

Великий мореплаватель был наделен наблюдательностью. Он интересовался строением берегов, характером морских течений, населением, растительным и животным миром, почвой и ископаемыми. Он первым высказал предположение, что форма островов Карибского моря зависит от направления морских течений. Но в то же время у него никогда не возникало сомнений в правильности церковного учения и в непогрешимости библии. Средневековые крепко держало Колумба в своих путях.

Усердно изучая библию, он пришел к твердому убеждению, что упомянутый в священном писании рай, где обитали первые люди земли Адам и Ева, находился на одном из океанских островов. Желание найти этот чудесный остров не давало ему покоя во время всех его путешествий. Очутившись возле полуострова Пария, Колумб, восхищенный его ароматным воздухом и роскошной тропической растительностью, решил, что близок к заветной цели, но из благоговения не осмелился ступить на райскую землю.

Ошибочные представления помешали ему сделать правильный с точки зрения географии вывод. Ведь могучая река и большое количество пресной воды в заливе свидетельствовали о том, что эта обширная земля — материк. Адмирал же коснулся этого вопроса лишь мимоходом: он, мол, предполагает, что эта земля величайших размеров и что есть еще много иных земель к югу, о которых пока не имеется никаких сведений.

Колумбу первому пришла на ум мысль, что это может быть новый огромный материк, не известный еще ни одному космографу. «Будь это материк, этому дивились бы все ученые мужи», — писал он в судовом журнале. Многие факты давали материал для такого вывода: береговая линия, слишком длинная

для острова, потоки пресной воды в проливах и заливе, которые могли появиться лишь при впадении в море могучей реки, протекавшей по обширной территории...

Но является ли этот новый материк продолжением Азии или он отделен от нее проливом? Откуда поступают такие огромные массы пресной воды? Почему здесь жара не так велика, как в восточной части океана, и кожа у людей светлее, чем в экваториальной Африке?

На эти вопросы Колумб отвечал как человек своей эпохи, принимавший церковные догмы за научную истину.

По утверждениям библии, рай находится где-то далеко на востоке в горах, откуда берут начало четыре великих реки. Колумб считал, что достиг восточного побережья Азиатского континента, где Земля имеет возвышение, о чем свидетельствуют низвергающиеся в океан воды. Не те ли это реки, что текут из рая? Не потому ли здесь царит прохлада и цвет кожи людей светлее? Но если эта местность на самом деле выше, то может ли тогда Земля быть шаром?

Великий мореплаватель предался необузданной фантазии:

«Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные примеры...».

«Я не раз читал, что мир — суша и вода — имеет форму шара, и авторитетные мнения и опыты Птоломея и других, писавших об этом, подтверждают и доказывают подобное... Теперь же, как я уже о том сказал, наблюдались столь великие несоответствия, что я должен заключить, что Земля не круглая и не имеет той формы, которая ей приписывается, а похожа на грушу совершенно округлую, за исключением того места, откуда отходит черенок: здесь Земля имеет возвышение и похожа она на совершенно круглый мяч, на котором в одном месте наложено нечто вроде соска женской груди. Эта часть подобна поверхности

груши близ черенка и наиболее возвышенная и наиболее близка к небу, и располагается она ниже линии экватора в океанском море, у предела востока... В подтверждение же этого можно привести все доводы, о которых речь шла выше, когда описывалась линия, проходящая с севера на юг в ста лигах к западу от Азорских островов. При переходе через нее корабли, идущие на запад, постепенно поднимаются к небу, и тогда температура становится умереннее...»

«Священное писание, — говорит дальше Колумб, — свидетельствует, что господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни, и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира — Гангу в Индии, Тигру, Евфрату и Нилу... Но я не направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на земле, не потому, что здесь непроходимы моря, а поскольку я верю — именно там находится рай земной, и никому не дано попасть туда без божьего соизволения...».

«Если же не из рая вытекает эта пресная вода, — развивает он свою мысль дальше, — то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки».

И тут же рядом совсем другим тоном он замечает: «И если река эта не вытекает из земного рая, то я утверждаю, что она исходит из обширной земли, расположенной на юге и оставшейся до сих пор никому не известной...».

Это уже ясный намек на не известный тогда южный материк, названный впоследствии Южной Америкой.

Однако Колумб, к сожалению, так и не сделал этого грандиозного открытия и не нанес на карту побережье материка.

По дороге от «рая» к Эспаньоле Колумб заметил, что сильное течение несет корабли вперед, и решил, что он спускается вниз «с высокой морской горы».

19 августа впереди показался остров Эспаньола.

Течение отнесло суда на пятьдесят миль к западу от Санто-Доминго. Колумб по суше послал к брату гонца, и вскоре Бэртоломео вышел на корабле ему навстречу. После радостных приветствий Колумб поспешил узнать, что произошло на острове за два с половиной года его отсутствия.

ЭСПАНЬОЛА В ОГНЕ МЯТЕЖА

Ненависть к генуэзцам. — Первое сожжение еретиков в Новом Свете. — Заговор Ролдана. — Донесение Колумба о мятеже и новые планы работорговли. — Унизительное соглашение с мятежниками. — Васко да Гама открывает подлинный морской путь в Индию: — Москитный адмирал. — Обманутые надежды — причина немилости.

Корабли Колумба отправились в Санто-Доминго — столицу Эспаньолы, заложенную Бартоломео в пятидесяти милях от Изабеллы.

Братья адмирала сосредоточили в своих руках всю власть в колонии. Диего был губернатором Изабеллы, Бартоломео — губернатором Санто-Доминго и наместником вице-короля.

Два с половиной года, пока адмирал отсутствовал, Бартоломео управлял островом умирняя волнение испанцев и индейцев, подавляя беспорядки и мятежи. У него не хватало денег для уплаты жалованья чиновникам, солдатам и ремесленникам. Но двор требовал, чтобы колония, наконец, содержала себя сама. Бартоломео строил один форт за другим и принуждал индейцев доставлять продовольствие и золото. А монахи тем временем изо всех сил старались обратить туземцев в веру христову. И как только островитяне, ни слова не понимавшие ни по-испански, ни по-латыни, оказывались в состоянии хоть кое-как,

хоть с трудом произнести две-три молитвы, святые отцы их тут же крестили. В одном из селений даже построили молитвенный дом. Но вскоре индейцы прогнали монахов из-за их отвратительного поведения и разрушили церковь. Тогда монахи обвинили это племя в осквернении храма господня и святотатстве и велели задержать тех, на кого пало подозрение в разгроме церкви. Объявив этих несчастных еретиками, испанцы стали их допрашивать на своем языке без переводчиков, подвергая жестоким пыткам, и старались вынудить признание и покаяние у людей, которые так ничего и не поняли ни в крещении, ни в предьявленном им обвинении. А потом все эти несчастные туземцы были публично сожжены. Это было первое аутодафе — сожжение еретиков — в Новом Свете.

Когда Бартоломео передал управление Изабеллой своему брату Диего, колонисты, и до того выражавшие недовольство, составили широко разветвленный заговор. Его возглавил бывший слуга адмирала Франсиско Ролдан, ставший к тому времени главным судьей острова. Сам Колумб назначил его на этот высокий пост как человека грамотного. Ролдан считал, что пришла пора избавиться от чужеземцев — ненавистной семьи Колумба. Он надеялся, что адмирал попал у королей в немилость и больше не вернется на Эспаньолу. Судья жаждал захватить власть в свои руки.

Ролдан давно уже сеял недовольство среди колонистов — подстрекал земледельцев, ремесленников и солдат против Бартоломео, выражал сочувствие поселенцам, жаловавшимся на суровые наказания и непосильный труд, успокаивал их, утверждая, что жестоким генуэзцам недолго осталось править островом.

Наконец вспыхнул открытый мятеж. Поводом для него послужило распоряжение Диего Колумба вытасщить на берег единственную оставшуюся в порту каравеллу. Ролдан убедил испанцев, что это сделано якобы с той целью, чтобы лишить их возможности

вернуться на родину и поведать там правду о бесчинствах генуэзцев. Мятежники разгромили склады и арсенал, завладели оружием, порезали скот и осадили форт Консепсьон, но овладеть им не смогли.

Тогда Ролдан со своими приспешниками ушел в дальний конец острова и стал собирать там всех грабителей и мятежников, а также подстрекать индейцев против наместника.

Он приказал объявить повсюду, что действует от имени королей и в защиту их интересов, против изменников-генуэзцев, которые, дескать, предали монархии интересы, разграбили Эспаньола и намеревались превратить испанцев в рабов.

Банды мятежников бродили по острову, убивали индейцев, сжигали селения и опустошали поля. Идальго нередко упражнялись в стрельбе по цели, привязывая к деревьям несчастных индейцев.

Жизнь на Эспаньоле пришла в упадок. Ролдан завладел почти всей территорией острова. Даже некоторые начальники фортов присоединились к мятежникам.

Но вот в феврале 1498 года в Санто-Доминго прибыли посланные Колумбом корабли с продовольствием и привезли весть о том, что короли подтвердили все права Колумба и особым указом назначили Бартоломео наместником вице-короля Индии на время его отсутствия. Это было тяжелым ударом для Ролдана — проклятые чужеземцы не лишились королевского благоволения и мятежников ждет возмездие за восстание против законного вице-короля. Все же Ролдан решил бороться до конца и не сложил оружия, хотя и был объявлен изменником.

Таково было положение на Эспаньоле, когда Колумб после долгого, утомительного морского путешествия высадился в Санто-Доминго.

Он немедленно послал королям донесение о мятеже Ролдана. Колумб писал, что, по его мнению, судья не заслуживает никакого снисхождения, и просил отозвать главаря мятежников в Испанию, чтобы там предать его суду. В своем донесении вице-король

Индии жаловался на ленивых, своевольных колонистов и просил разрешения отправить в Испанию всех ненужных и вышедших из повиновения людей, чтобы заменить их честными, прилежными тружениками. Кроме того, Колумб просил разрешить ему еще в течение двух лет вывозить в Испанию рабов-индейцев: каннибалов, убийц и мятежников.

«Отсюда можно во имя Святой Троицы отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать, и красящее дерево (brasil). И если сведения, которыми я располагаю, справедливы, то, как говорят, можно продать четыре тысячи рабов и выручить по меньшей мере двадцать куэнто (один миллион мараведи), а также продать на ту же сумму четыре тысячи кинталов (кинтал — 46 кг) красящего дерева. Все же издержки могут составить шесть куэнто».

Колумб тут же добавлял, что спрос на рабов в Испании, Португалии и Италии очень велик, а из Гвинеи они поступают в недостаточном количестве, так что прибыль здесь обеспечена, если только хватит кораблей. Он, дескать, лично убедился, что за самого слабого раба можно выручить восемь тысяч мараведи.

«Итак, есть здесь рабы и красящее дерево, которое кажется вещью доходной, и, кроме того, золото... Ныне маэстре (шкиперы) и моряки все богаты и у всех намерение вскоре возвратиться в Кастилию с грузом рабов, а за перевозку они берут по тысяче пятсот мараведи с головы, не считая издержек на питание.

А плата за перевозку взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути — все же не всем им грозит такая участь...».

Однако обширные планы работорговли, которые предлагал Колумб, были уже неосуществимы — население Эспаньолы сократилось настолько, что испанские плантаторы заботились теперь не о вывозе, а о ввозе рабов. Пираты и работорговцы все чаще устраивали набеги на Багамский архипелаг и Малые

Антильские острова, где охотились за индейцами для продажи их на Эспаньолу. Цены на рабов росли с каждым днем. Вскоре на Эспаньолу были доставлены первые чернокожие рабы из Гвинеи.

Адмирал охотно отправил бы Ролдана и его приспешников в Испанию, но мятежники не выполняли ни одного его приказа. Мятеж парализовал исполнение всех замыслов Колумба. Вице-королю пришлось оставить при себе на Эспаньоле верные ему команды кораблей, и он вынужден был отказаться от экспедиции, которую хотел послать под руководством Бартоломео к богатому Жемчужному Берегу.

Еще не придя в себя после тяжелого путешествия и болезни, Колумб сразу же по прибытии в Изабеллу попытался вступить в переговоры с мятежниками. Он послал Ролдану письмо, в котором напоминал о старой дружбе и гарантировал неприкосновенность, если мятеж будет прекращен.

Однако Ролдан со своими людьми укрылся в отдаленной части острова и продолжал грабить индейцев, отбирая у них продовольствие. Такая вольная беззаботная жизнь манила в горы и других колонистов, и число приверженцев Ролдана не только не уменьшилось, но, наоборот, росло. В отчетном письме Колумбу главарь мятежников упрекал адмирала в том, что он силой удерживает колонистов на острове, чем вызывает их недовольство, а также потребовал признания законности его действий и даже пытался диктовать свои условия.

Тогда Колумб объявил, что всякий желающий вернуться в Испанию может отправиться через океан на любой из пяти каравелл — он надеялся таким образом уменьшить на острове число приверженцев Ролдана. Затем Колумб пообещал судье прощение, если тот сложит оружие и покается в своих поступках. Мятежники с издевкой отвергли это предложение. Колумб решил прибегнуть к оружию, но на его призыв пойти в поход на бунтовщиков отозвалось всего лишь около семидесяти людей, на которых можно было положиться, и адмирал понял, что положение

стало угрожающим. Он долго не разрешал каравеллам выйти в море, все еще тщетно надеясь подавить мятеж своими силами. Наконец каравеллы ушли на родину и увезли вместе с неутешительным донесением Колумба и многочисленные письма Ролдана и его приспешников, которые всячески чернили вице-короля Индии и его братьев, оправдывая действия мятежников.

Власть и авторитет Колумба на Эспаньоле так пошатнулись, что он вынужден был снова вступить в унижительные переговоры со своим бывшим слугой Ролданом, которого столь необдуманно назначил на высокий пост. В результате переговоров Франсиско Ролдан был восстановлен в своем звании, мятежникам гарантировалась выплата жалованья за все время мятежа и отводились участки земли с индейцами.

Заговорщики получили аттестации о безупречном поведении, а также разрешение вернуться в Испанию, взяв с собой в качестве рабынь своих индейских жен и еще некоторое количество рабов.

Поручив Диэго снаряжение судов и отправку бунтовщиков в Испанию, адмирал вместе с Бартоломео занялся обследованием острова. Положение оказалось еще хуже, чем ему рассказывали. Жизнь на острове пришла в полный упадок: поля и сады были уничтожены, одни индейцы были убиты, другие покинули родные селения. Добыча золота и взимание податей прекратились, и цветущие прежде долины превратились в поле брани, лишь кости теперь белели на нем.

Христофор Колумб, возвращаясь через семь месяцев в Изабеллу, был уверен, что мятежники давно уже в Испании. Но оказалось, что они, нарушив соглашение, остались на острове и снова угрожали насильем. Колумб тщетно пытался сломить их сопротивление.

Ролдан, восстановленный на посту главного судьи острова, и его сторонники вели себя как победители и их влияние стало еще сильнее.

Тем временем пришел ответ королевского двора на

донесение адмирала, в котором он просил прислать чиновников для производства следствия и строго покарать мятежников. Ответ был написан архиепископом Фонсекой во враждебном Колумбу тоне. Фонсека сообщал, что рассмотрение дела откладывается до всестороннего ознакомления с положением на острове.

Вскоре двор получил и более подробные сведения. Ими ловко воспользовались враги Колумба, в том числе и Фонсека. Этот человек был ревностным защитником интересов короны, и нет ничего удивительного, что он выступал против каждого конкистадора, чья слава становилась чересчур громкой и кто сосредоточивал в своих руках слишком большую власть и богатство, угрожая тем самым интересам королей и государства.

Казалось, пришло наконец время освободиться от ненавистного генуэзца, тем более что поток жалоб не прекращался и разоренная Эспаньола по-прежнему не приносила никаких доходов. Между тем, португалец Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки и открыл в 1498 году морской путь в подлинную Индию и через год вернулся на родину с богатым грузом пряностей. Он повидал большие города, встречался с правителями Индии, видел арабские корабли. Он привез оттуда мускатный орех и перец, корицу и гвоздику, драгоценные камни и дорогие ткани, бронзовые и серебряные украшения, а также предметы из слоновой кости. Он открыл путь в страну древней цивилизации и основал там торговую факторию.

Стало ясно, что Индия действительно богатая, культурная страна с огромными городами и оживленными портами, а земли, открытые Колумбом, не имеют с ней ничего общего. Колумба называли болтуном и обманщиком, открывшим страну призраков и несчастий, кладбище кастильских дворян.

Придворные стали насмехаться над его сыновьями Диего и Эрнандо — пажами королевы, называя их отпрысками москитного адмирала. Бывшие колонисты

осаждали короля просьбами о выдаче им жалованья, не полученного на Эспаньоле.

На Колумба посыпались обвинения. Его упрекали в том, что он своими опрометчивыми обещаниями возбудил слишком радужные надежды, преувеличил богатства колонии и ввел в заблуждение королей. Стали сомневаться и в том, открыл ли он действительно берега Азии. Ходили слухи, будто вице-король задерживает отправку золота, намереваясь отторгнуть колонию от Испании, и вступил в тайные переговоры с Португалией.

Большинство обвинений не имели под собой никакой почвы. Но у государей были и другие причины для недовольства: продажа индейцев в рабство, организованная Колумбом, не прекращалась.

«Кто дал право Колумбу раздавать моих вассалов кому бы то ни было!» — возмущенно воскликнула королева и приказала немедленно разыскать всех проданных в Испанию индейцев и отослать их обратно на Эспаньолу. Однако к этому времени в живых осталось лишь несколько десятков невольников.

Государи выражали также недовольство бессердечием и суровостью адмирала по отношению к испанцам. Но был ли адмирал действительно так бессердечен? Скорее Колумбу, наоборот, не хватало твердости для обуздания наглых преступников и искателей приключений. Уж очень трудно было держать в повиновении весь этот сброд, всех этих проходимцев, мнивших себя героями. Чтобы привлечь колонистов на свою сторону, надо было щедро делиться с ними добычей. Колумб же, больше заботясь об умножении своего богатства, лишал подчиненных того, что им причиталось, и это было главной причиной их недовольства.

Под влиянием всех этих обстоятельств отношение двора к Колумбу изменилось. У монархов было достаточно оснований считать, что Колумб обманул их доверие, заманив испанских идалго в страну, где они терпят голод, лишения, работают как рабы и гибнут.

Даже у королевы, всегда благоволившей к адмиралу, иссякло терпение. Она, как и все в Испании, испытывала горькое разочарование. Изабелла понимала, что талантливый мореплаватель слишком бесполезен для управления колонией. И она согласилась с предложением Фернандо сместить Колумба с должности, а вице-королем назначить другого, более ловкого администратора. К тому же Колумб сам просил королей направить на Эспаньолу их полномочного представителя для наказания участников преступного мятежа.

*С вершины славы
в бездну опалы*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДИИ В ЦЕПЯХ

По стопам Колумба к Жемчужному Берегу. — Франсиско Бобадиля — полномочный представитель короля. — «Исполняйте все, что он скажет!» — Арест и следствие. — «Я буду носить эти цепи до тех пор, пока государи не повелят мне снять их!» — Крик отчаяния, взывающий к справедливости. — В цепях на испанской земле.

Первым долгом королевская чета отменила в 1499 году монополию Колумба на разведку и открытие новых земель. Разрешением снаряжать экспедиции немедленно воспользовались многие из участников первых путешествий Христофора Колумба, знакомые с его судовыми журналами и картами. Всех их особенно прельщало сообщение Колумба о необыкновенных богатствах Жемчужного Берега. Спутник Колумба, по второму путешествию Алонсо Охеда отправился за жемчугом к берегам залива Пария. В эту экспедицию он взял с собой Хуана де ла Коса и Америго Веспуччи, чье интересное описание этого путешествия впоследствии дало повод европейским географам назвать новый материк Америкой.

Охеда повторил маршрут третьей экспедиции Колумба. Он собрал много жемчуга у острова Маргарита, а также открыл острова Арубо и Кюрасао и залив Маракаибо, берег которого назвал Венесуэлой (Маленькой Венецией), потому что индейцы жили здесь в свайных постройках. Затем он отправился к Багамским островам за рабами и по дороге зашел на Эспаньолу.

Бывший капитан «Ниньи» Винсенте Яньес Пинсон на свои средства совершил переход через океан и открыл устье гигантской реки Амазонки.

А бывший кормчий «Санта-Мари» Педро Алонсо Ниньо — участник первой и третьей экспедиций Колумба, заняв денег и снарядив небольшое судно, привез с берегов Южной Америки много жемчуга. В народе заговорили, что наконец-то хоть одна экспедиция к новым островам принесла барыши и покрыла издержки.

Получил разрешение отправиться на двух кораблях к Жемчужному Берегу и севильский нотариус Бастидас. Он обследовал северный берег нового материка — от полуострова Гоахир до Панамского перешейка — протяжением около тысячи километров и первым увидел покрытый вечным снегом горный массив на берегу Южного материка. Во время этой экспедиции Бастидас награбил и выменял у индейцев очень много золота и жемчуга и захватил большое количество рабов-карибов.

А вскоре уже любой конкистадор, если он только был в состоянии приобрести или нанять судно, мог с разрешения короля отправиться за океан, не испрашивая на то согласия Колумба. Он должен был лишь внести потом долю барышей в королевскую казну.

Эти экспедиции не только приносили государям немалый доход, но и способствовали открытию и исследованию новых земель. Однако Колумб видел в них только нарушение своих прав. Предназначенные ему богатства попадали в руки соперников. Он продолжал добиваться восстановления всех пунктов королевского договора.

Что касается короля и королевы, то они не только не собирались соблюдать эту невыгодную для них сделку, но и решили сместить Колумба с поста вице-короля.

Адмиралу же казалось, что его положение укрепилось. Война с туземцами закончилась еще до соглашения с Ролданом. В жизни острова наступил сравнительно мирный период, можно сказать, даже некоторый расцвет. В рудниках оказалось много золота,

работорговля приносила немалый доход. Испанцы стали привыкать к местной пище, выросла площадь посов, увеличилось количество домашних животных.

С помощью своего недавнего врага Ролдана вице-королю Индии удалось успешно подавить волнения, Колумб безжалостно расправился с бунтовщиками. Когда один из активнейших участников мятежа — де Мохика организовал новый заговор, Колумб арестовал его и велел повесить. Мохика, пытаясь избежать смертной казни, отказался от исповеди и отпущения грехов, но Колумб все же приказал сбросить его со стены крепости Консепсьон.

Однако судьба самого Колумба фактически уже была решена в тот самый миг, когда он обратился к государям с просьбой прислать на остров верховного судью для суда над мятежниками. Он сам вложил оружие в руки своих противников, показав неспособность покончить с мятежом и пригласив к себе королевского доверенного.

В 1500 году государи направили на Эспаньолу влиятельного вельможу, командора Франсиско Бобадилью с неопределенными, но, очевидно, очень широкими полномочиями. Еще во время его пребывания в Испании король издал один за другим четыре приказа и инструкции, определявшие обязанности этого доверенного лица. По этим приказам можно судить о том, как менялось отношение государей к Колумбу.

Сначала король приказал Бобадилье произвести на острове строгое расследование и наказать виновных. Вторым документом государи назначили Бобадилью губернатором Эспаньолы с очень широкими правами. Он мог по своему усмотрению отстранять от должности и высылать с острова любое нежелательное лицо. Третьим документом Колумбу и его братьям предписывалось передать губернатору все оружие, арсеналы, крепости, суда и вообще все имущество. Четвертый же приказ обязывал адмирала верить и повиноваться всему, что ему сообщит Бобадилья, получивший, очевидно, от короля тайные инструкции.

23 августа 1500 года каравеллы Бобадильи пришли в гавань Санто-Доминго. Колонисты в мгновение ока

узнали о прибытии королевского ревизора и многие поспешили к нему с жалобами на Колумба и его братьев, Бобадилья уже при входе в порт заметил виселицу, а на ней семь повешенных испанцев, и был потрясен этим зрелищем — значит жалобы на жестокость вице-короля Индии справедливы! Затем он узнал, что на завтра ожидается казнь еще пяти испанцев — участников бунта.

Ни вице-короля, ни его брата Бартоломео в городе не оказалось. Бобадилья, не потребовав никаких объяснений, согласно королевскому указу, приказал второму брату Колумба Диего передать ему — новому губернатору заключенных, крепость, суда и все имущество. Когда же Диего отказался выполнить это распоряжение, Бобадилья собрал своих солдат и матросов и при активной поддержке недовольных колонистов взял крепость силой. Он арестовал Диего Колумба, заключил его в трюм своего корабля и конфисковал все имущество адмирала.

Затем новый губернатор, стремясь расположить к себе колонистов, издал несколько распоряжений: он приказал выдать всем жалование из средств Христофора Колумба и объявил, что в казну надо вносить лишь седьмую часть добытого или полученного в обмен золота, вместо трети, как прежде, а также торжественно обещал заковать Колумба в цепи и отправить за океан, с тем чтобы впредь ни один из членов его семьи никогда больше не ступал на эту землю.

Действия Бобадильи были неразумны, несправедливы и бестактны. Он стремился продемонстрировать свою власть и ненависть к Колумбу. Все поведение Бобадильи свидетельствовало о том, что он прибыл на Эспаньолу с готовым решением и определенным планом действий.

Вице-король Индии, услышав о событиях в Санто-Доминго, не поверил своим ушам и решил, что снова отыскался какой-то самозванец или заговорщик, с которым не справился Диего. Однако вскоре повсюду на Эспаньоле появились алкальды — судьи, посланные Бобадильей. Они объявили всем полномочия но-

Взятке под стражу вице-короля Индии Христофора Колумба
(по старинной гравюре).

вого губернатора. Через несколько дней и к Колумбу явились гонцы Бобадильи с посланием королей. В нем говорилось:

«Дон Кристоваль Колон, наш адмирал моря-океана. Мы приказали нашему командору дону Франсиско Бобадилье объявить вам нашу волю. Повелеваем подчиняться ему и исполнять все, что он скажет от нашего имени. Фернандо. Изабелла».

Колумб понял, что государи наделили своего уполномоченного неограниченной властью. В своем послании они даже не упомянули титула вице-короля Индии, Оскорбленный Колумб вынужден был явиться вместе со своим братом Бартоломео в Санто-Доминго, где их обоих взяли под стражу и заковали в цепи.

Бобадилья не считал нужным принять Колумба и выслушать его. Адмирал был заточен в темницу, а его враги каждый вечер собирались у ее стен и с громким ликованием праздновали свою победу. «Мне не могли бы выказывать в Испании большую вражду, даже если бы я захватил Индии и отдал бы их маврам...» — восклицает в отчаянии узник.

Следствие продолжалось два месяца, и все это время с Колумбом и его братьями обращались как с тяжелейшими преступниками. Бобадилья не только пришел к заключению, что адмирал человек «жестокосердный и не способен управлять страной», но и обвинил его в государственной измене. Колумб со своими братьями якобы принуждал испанцев к тяжелому труду, выдавал им провиант в скудных количествах, чинил суровую расправу, вел неправедную войну с индейцами и препятствовал их крещению, чтобы продавать в рабство. Адмирал будто бы утаил свои последние открытия и добытый на берегу Парии жемчуг, чтобы выторговать себе новые привилегии. Бобадилья в своем донесении утверждал также, что мятеж испанских колонистов был смелым и справедливым актом, направленным против гирании генуэзца и его братьев.

Когда в темницу к Колумбу вошел офицер Алонсо Вильехо, чтобы доставить закованного в цепи вице-короля на корабль для отправки в Испанию, снаружи доносились такие дикие крики разъяренной толпы, что Колумб решил — это пришли палачи и его сейчас казнят.

В смертельном страхе он спросил конвоиров, куда его поведут, и успокоился лишь тогда, когда офицер поклялся ему, что узников приказано доставить на корабль.

В октябре 1500 года каравеллы с арестованными вышли в море. Сопровождавший Колумба Вильехо обращался с узниками гуманно, проявлял почти-тельность и сочувствие. Будучи по природе справедливым, он понимал, что Колумб не заслуживает такого обращения. Арестованных хорошо кормили

и выводили на палубу подышать свежим воздухом. Капитан даже предложил снять с адмирала цепи, но тот, по словам его сына Эрнандо, гордо отклонил это предложение.

«Короли приказали мне повиноваться, и Бобадилья заковал меня в кандалы; я останусь в них до тех пор, пока короли не позволят снять их, и я сохраню эти цепи на память о своих заслугах».

И Христофор Колумб держался за свои цепи так же крепко, как раньше за свои права и привилегии. Он носил их как доказательство совершенной над ним несправедливости и тогда, когда сходил с корабля в Кадисе, и отправляясь в Севилью, и хранил их до конца жизни. Даже после смерти он не расстался с цепями: согласно воле усопшего, их положили к нему в гроб.

Легко уязвимый Колумб тяжело переживал все взваленные на него обвинения, ни одно из которых не было, по его мнению, ни заслуженным, ни справедливым. Не без основания он надеялся, что оковы, в которых он, невинный страдалец, сойдет на испанский берег после столь славных открытий, докажут всем, как безмерно велика несправедливость, учиненная над ним Фернандо и Изабеллой.

Колумб не терял надежды увидеться с государями и снова завоевать их благоволение. Еще по пути в Испанию закованный в цепи адмирал написал письмо своему верному другу донье Хуане де ла Торес — кормилице инфанта, влиятельной придворной даме, которая в любое время могла увидеть королеву.

Взволнованный и оскорбленный старец писал это письмо еще не оправившись от тяжелого удара судьбы, и оно получилось очень путаным и неясным. Жалобы и мистические рассуждения перемежались в нем с гневными, язвительными нападками на врагов, а наивная лесть в адрес короля и королевы — с намеками на их неблагодарность и несправедливость. К тому же Колумб не скупился на новые посулы и планы. Это письмо было криком израненной души, мольбой о помощи.

Преисполненными отчаяния словами он отвергал все обвинения, жаловался на несправедливость и отстаивал свои права. Господь бог, утверждал Колумб, сделал его своим избранником и повелел ему открыть новое небо и новую землю, о которых говорится в священном писании. Королева, которой всевышний внушил веру в высокую миссию Колумба, стала владычицей другого мира, и адмирал от ее имени вышел в море и вступил во владение новыми землями,

«Ныне, — писал Колумб, — открыты ворота золоту и жемчугу, и можно с уверенностью ожидать притока драгоценных камней и пряностей и тысячи других вещей. И не постигни меня это великое несчастье, я мог бы совершить именем бога большое путешествие, мог бы завязать сношения со всей счастливой Аравией, вплоть до Мекки... после чего я мог бы дойти до Каликута...».

Однако теперь, по словам адмирала, любой подданный королевы может безнаказанно обвинить его в измене, несмотря на то, что это он подавил два мятежа против государей и делал все, чтобы добывать больше золота. В своем письме Колумб опровергал обвинение в утайке золота и в попытке захватить остров, чтобы сделать его владением генуэзцев.

Особенно горько узник жаловался на то, что Бобадилья похитил все его золото, ценные самородки и его личные бумаги: «Прибыв в Санто-Доминго, командор поселился в моем доме и присвоил себе все, что там нашел... Пират никогда так не поступил бы с купцом».

Колумб взывал к справедливости: «В Кастилии меня судят так, как если бы я был правителем Сицилии или города, или поселения с установившимся способом правления, где полностью могут соблюдаться законы без боязни потерять все... Меня должно судить как военачальника, прибывшего из Испании в Индию для покорения воинственных и многочисленных народов, с обычаями и верованиями, весьма отличными от наших... и где, по воле божьей, передал во владение короля и королевы Другой Мир, в силу чего Испания, которая вчера еще слыла бедной, ныне стала самой богатой страной на свете... Владыка наш

всесильный и всезнающий всегда карает зло, в особенности же неблагоприятность и бесчинства».

В самом конце октября Колумба и его братьев, закованных в кандалы, высадили на берег в Кадисском порту и отправили в один из монастырей Севильи.

Сразу же после прибытия в Кадис адмирал через верного человека переслал свое письмо Хуане де ла Торес в Гранаду, где в то время находился королевский двор, и так этот потрясающий документ попал в руки королевы раньше, чем донесение Бобадильи.

Короли поняли, что были жестоки и несправедливы с великим мореплавателем, и что это бросает тень на корону. Надо было немедленно позаботиться о том, чтобы рассеять неприятное впечатление, создавшееся у народа при виде закованного в цепи адмирала, сходящего на тот самый берег, где еще так недавно его встречали с восторгом.

К тому же судьбой Колумба интересовались влиятельные лица, которые финансировали его экспедиции.

Колумб поспешил отослать письмо и этим своим благодетелям — «неизвестным сеньорам», чьи имена так и остались нераскрытыми. Он горько сетовал на совершенную несправедливость: «Обещания мои не были ничтожными и пустыми. Сюда наш искупитель указал мне путь... Думалось, что будет процветать и возвеличиваться в тех землях святая церковь, а из мирских благ можно было ожидать там приобретения всего, на что надеялся простой народ. За семь лет я осуществил с помощью божьей завоевание этих земель. И в то время когда, как я полагал, мне будут оказаны милости и я обрету покой, я был внезапно схвачен и на мой позор привезен в Кастилию закованным в железо, причем подобное учинилось не на пользу их высочеств и явилось плодом интриг».

Эти влиятельные лица сумели настроить и общественное мнение и королей в пользу попавшего в немилость вице-короля.

ТЯЖКОЕ БРЕМЯ ОПАЛЫ

Две тысячи дукатов как средство против душевных ран. — Трогательное свидание — верх притворства и лицемерия. — Уклончивые обещания. — Расторжение договора в интересах государства. — Овандо — новый вице-король Индии. — Заключительный акт трагедии индейцев на Эспаньоле. — «Книга пророчеств». — Новые замыслы.

Негодование, вызванное в народе жестоким обращением с великим мореплавателем, неприятно поразило католических королей, но они в это время вместе с монархом Францией были заняты дележом Неаполитанского королевства. Прошло еще шесть недель, прежде чем королевская чета отдала приказ снять оковы с находившихся в заключении братьев Колумбов и пригласила их ко двору. Короли отправили адмиралу любезное послание и две тысячи золотых дукатов — очень большую по тому времени сумму, — чтобы он мог предстать перед государями в надлежащем облачении и в сопровождении свиты.

17 декабря 1500 года Колумб явился ко двору и был принят Фернандо и Изабеллой. Некоторые историки рассказывают, что это было очень трогательное свидание. Говорят, будто бы королева, увидев седую, трясущуюся голову великого мореплавателя, его лицо, на котором заботы и страдания проложили глубокие морщины, согбенный стан и следы оков на руках и ногах, горько разрыдалась. А Колумб, до тех пор с гордым спокойствием сносивший клевету и незаслуженные оскорбления, потерял самообладание, припал к ногам королевы и, заплакав как дитя, долго не мог произнести ни слова. Король поднял рыдающего старца, стал ласково успокаивать его и заверил в своей благосклонности.

Однако Эрнандо — сын адмирала — лишь вскользь упоминает об этой встрече, сообщая, что королевская чета милостиво приняла в Гранаде адмирала и заявила ему, что его арест, заключение в темницу, на-

ложение на него оков произошло без их ведома. Бобадилья, дескать, действовал самовольно, не имея на это полномочий.

Это было верхом притворства и лицемерия: ведь на самом деле Бобадилья поступал согласно тайной инструкции королей и все свои усилия прилагал к осуществлению их намерений — лишить Колумба звания вице-короля, изменить порядок управления островом, передать во владение королей землю с проживающими на ней индейцами.

Выслушав жалобы седовласого старца, Фернандо и Изабелла обещали ему восстановить справедливость — вернуть конфискованное имущество, возместить убытки и восстановить его в титулах, а также отозвать и наказать Бобадилью. То были пустые, ничего не стоящие обещания, но Колумб им поверил, полагая, что ему снова удалось увлечь своим красноречием государей и убедить их в своих лучших намерениях. Он уехал в надежде, что вскоре с триумфом вернется на Эспаньолу вице-королем Индии.

Изо всех сил ухватился он за свое наивное заблуждение. Он считал королеву своим ангелом-хранителем, а себя — мучеником, чьи страдания не могут быть возмещены никакими земными дарами: ведь он совершил величайшее в мире открытие, но не был по достоинству ни оценен, ни вознагражден.

Однако шла неделя за неделей, месяц за месяцем. Все новые соперники Колумба отправлялись за океан, они открыли уже побережье огромного материка, а государи даже и не вспоминали о Колумбе. Адмирал напрасно надеялся, что они выполнят свои обещания и будут следовать договору с ним: слишком большие ошибки допустили он и его братья при колонизации Эспаньолы.

Государи считали, что Колумб восемь лет назад при заключении договора обманул их. Ведь тогда они предполагали, что генуэзец откроет два-три новых острова или создаст на побережье Азии торговую факторию. Никто и не помышлял об открытии столь обширных и богатых земель. Теперь же с каждым новым открытием за океаном все ярче и ярче обозначались

контуры огромного материка, вызывая сожаление у монархов по поводу столь опрометчивого шага, как заключение невыгодного договора с Колумбом.

Как же расторгнуть его? Способов было немало. Можно было пустить в ход клевету и заявить, что вице-король собирался отторгнуть Эспаньолу от Испании или даже передать ее в иностранное владение, выторговав себе при этом большие льготы и права. Достаточно было сделать намек, чтобы льстивые царедворцы не преминули доказать эти преступления Колумба. Все же Фернандо не хотел прибегать к таким крайним мерам, хотя и не собирался восстанавливать властолюбивого генуэзца в его высоких званиях.

Колумб уже не был незаменимым. Он достиг Индии и получил за это, по мнению государя, и так уже чрезмерные почести и награды, пользовался слишком громкой славой. Теперь же любой опытный капитан мог легко пересечь океан, и немало мореходов, прошедших суровую школу дальних плаваний, получили хорошую закалку. Многие из них совершили такие путешествия на свой страх и риск и принесли немалый доход и государственной казне.

Зачем же оказывать высокие почести и наделять опасными привилегиями за то, что с легкостью и без какого-либо вознаграждения может совершить любой хороший моряк.

Но Колумб не хотел и не мог этого понять. Он был слишком несговорчив и потерял всякое чувство реальности. Ведь он мог уйти на покой, остаться в Испании, получить от короля замок, пенсию, герцогский титул; никто бы не возражал также против его титула вице-короля Индии и адмирала, лишь бы только он оставил эти посты. Однако Колумб был не из тех людей, которые отступают и не доводят дело до конца, — иначе он не открыл бы Америки.

Вскоре Колумб начал готовиться к новому путешествию и обратился к государям с просьбой организовать четвертую экспедицию.

Фернандо медлил с ответом. Нелегко было удерживать в бездействии такого знаменитого мореплавателя,

и король давал ему все новые и новые обещания, не собираясь их выполнять.

Колумбу сообщили, что, пока на Эспаньоле не прекратятся распри, его появление только разожжет там страсти и жизнь его подвергнется опасности. Бобадилью сместят с должности, а на его место назначат другого, энергичного человека, который сможет очистить остров от мятежников и всякого сброда. Пусть адмирал пока отдыхает, бережет себя и ждет своего часа.

Бобадилью и впрямь сместили с должности губернатора и вместо него в сентябре 1501 года назначили Николаса де Овандо, искусственного в государственных делах блестящего царедворца и богобоязненного католика.

Колумб понял, что его просто убрали с дороги. Лишь сознание того, что заселение новых земель продолжается, приносило ему некоторое облегчение. У испанцев вновь пробудился интерес к колонии. Морские экспедиции к берегам Южной Америки открывали заманчивые перспективы.

В феврале 1502 года под командой Овандо на Эспаньолу отправилась мощная эскадра. На тридцати кораблях поплыли за океан две с половиной тысячи человек — моряки, воины и поселенцы. Возвращение Колумба на остров стало невозможным.

Бобадилья, так старательно и бестактно выполнявший приказы государей, тоже стал не нужен. Овандо получил предписание расследовать деятельность Бобадильи и Ролдана, восстановить имущественные права адмирала в колонии и позаботиться о получении им дохода согласно договору.

Кроме того, Овандо было приказано установить монопольное право короля на торговлю на Эспаньоле и взыскивать в пользу королевской казны третью долю добычи золотоискателей. Королевским указом разрешалось для нужд золотых рудников перевозить из Испании на Эспаньолу чернокожих рабов.

Вскоре поступление золота с Эспаньолы и жемчуга с Жемчужного Берега значительно возросло. Искатели приключений и наживы снова устремились за

океан. Началось массовое заселение испанцами Антильских островов.

Наступил и последний акт трагедии индейцев на Эспаньоле. Хотя королева, посылая на остров вместо Бобадильи Овандо, и провозгласила индейцев своими свободными вассалами, но уже через год она разрешила занимать их работой, если это, мол, необходимо для их пользы. Тем самым вводился принудительный труд индейцев, восстанавливалось их закрепощение. Туземцы должны были работать в рудниках и на полях испанцев сначала по шесть, а потом и по восемь месяцев в году.

Епископ Бартоломе Лас Касас, который в своих пламенных речах и записках не боялся разоблачать конкистадоров и защищать несчастных туземцев, так описывает их жизнь:

«Испанцы обременяли индейцев тягчайшими работами и обращались с ними бесчеловечно и более жестоко, чем во времена Бобадильи. Их часто отсылали в места, удаленные от их жилищ и семейств, и удерживали там на изнурительных работах. Если кто-нибудь из этих несчастных, утомившись, оставлял на минуту работу, его осыпали ударами плетей. Пища их состояла из одного кассавного хлеба, недостаточно питательного при чрезмерно тяжелом труде. Когда надсмотрщики-испанцы обедали, туземцы, подобно голодным собакам, бросались под стол подбирать кости, которые те иногда кидали им...

Если индеец, доведенный до крайности, в надежде избавиться от тяжелого и непрерывного труда и варварских истязаний своих мучителей, искал спасения в горах, — его преследовали, как дикого зверя, секли без милосердия и, чтобы предупредить новую попытку к побегу, заковывали навсегда в кандалы.

Множество этих несчастных жертв погибали до истечения срока, определенного для работ. Те, которые переживали его, получали позволение вернуться домой, с тем чтобы в следующем году опять явиться на работу в назначенное время...

Изнуренные продолжительной и тяжелой работой, многие не имели сил добраться до дому. Я часто

Завоеватели пытают индейцев (по старинной гравюре).

встречал их: иные падали замертво среди дороги, другие с трудом переводили дыхание от усталости и изнеможения, сидя в тени под деревьями. Некоторые, борясь со смертью, произносили слабым голосом: «Есть... есть...». Наконец те, которым удавалось добраться до жилищ, находили их чаще пустыми. В продолжение восьмимесячного их отсутствия жены и дети их разбрелись или умерли. Поля, единственный источник их пропитания, заросли травой. В унынии, в изнеможении им ничего не оставалось, как только ждать у порога своих хижин медленной смерти».

Истребление индейцев продолжалось и в кровопролитных битвах, и во время внезапных нападений. Овандо отдал приказ предать огню и мечу провинцию Чигай. Когда испанцы достигли этой провинции, на всех высотах вспыхнули огни. Широкие столбы дыма, оповестив жителей о приближении неприятеля, подняли всеобщую тревогу.

Индейцы немедленно отправили стариков, женщин и детей в уединенные пещеры, скрытые в лесной чаще, и стали готовиться к бою.

Испанцы вступили в открытую беслесную равнину, удобную для действия кавалерии. Захватив пленных, они стали их допрашивать, стараясь узнать, каковы силы и намерения индейцев, но не получили ответа. Пытки тоже ничего не дали — пленники оставались непреклонными. Этот народ предпочитал смерть измене.

Испанцы продолжали углубляться внутрь провинции и в одном селении были встречены соединенными силами нескольких касиков. Туземцы ждали их, выстроившись вдоль улицы, со своими луками и стрелами, совершенно нагие, без всякого прикрытия. При появлении врагов они издали ужасный вопль и пустили тучу стрел, но с такого расстояния, что ни одна не достигла цели. Испанцы ответили залпом из арбалетов и ружей. Индейцы, увидев, что многие из их товарищей упали мертвыми, обратились в бегство, не дожидаясь атаки и ближнего боя с испанцами, вооруженными шпагами. Но и в бегстве они были мужественны: некоторые воины вырывали из своих ран стрелы, глубоко вонзившиеся в тело, ломали и грызли их зубами и в бессильной ярости бросали их в испанцев.

Разбитые и рассеянные чигаи устремились с семьями к своим естественным крепостям — горным пещерам и укрылись в них. Испанцы преследовали их, но с великим трудом. Проводниками им служили несколько пленных, которых принудили к измене неслыханными истязаниями. Их гнали перед собой на веревке, обвязав одним концом шею своей жертвы, а другой держа в руке. Некоторые из несчастных, достигнув края пропасти, стремглав кидались в нее, стараясь увлечь за собой и своих палачей.

Наконец испанцы открыли убежище индейцев и не пощадили ни старых, ни малых, ни женщин, ни мужчин. Беспечеловечные убийцы изрубили своими мечами всех — даже матерей, державших детей на руках.

Буржуазные историки, повествуя о великих геогра-

фических открытиях, обычно обходят молчанием эти зверства, или лишь вскользь упоминают о них. Гуманный епископ Лас Касас едва ли не единственный говорил всю правду, не пугаясь гнева и немилости католических королей.

После аудиенции у королей и вплоть до октября 1501 года Колумб жил в Гранаде, по его собственному утверждению, в очень стесненных обстоятельствах. Впоследствии он сетовал в письмах к королю, что двадцать лет службы, труды и опасности принесли ему так мало, что он не имел в Кастилии своего крова над головой, пищу и пристанище ему приходилось искать в корчме или таверне и зачастую ему нечем было заплатить за обед.

Великий мореплаватель упорно и неотступно боролся за свои права и привилегии, однако государи не спешили с выполнением своих обещаний.

Тем временем за океан отправлялись все новые и новые корабли. Колумб по этому поводу писал, что ему пришлось семь лет терпеливо ждать при королевском дворе, выслушивая бесконечные насмешки над своими планами, а ныне даже последний портной чувствует в себе призвание делать открытия.

Колумб упорно требовал своей доли доходов с открытых другими мореплавателями земель и восстановления его в должности вице-короля Индии.

В октябре 1501 года Колумб перебрался в Севилью и, впад в религиозный мистицизм, сочинил там «Книгу Пророчеств». На страницах этой книги он напоминал, что в свое время дал торжественный обет послать огромную армию в Палестину для освобождения гроба господня. Но прошло семь лет и обещание осталось невыполненным. Адмирал лишился всех своих сбережений. Разоренный и покинутый, он пытался привлечь к этому крестовому походу внимание короля и королевы и искал в библии, в писаниях столпов церкви и богословов повеления завоевать Иерусалим. Колумб призывал монархов не медлить с организацией крестового похода, ибо до конца света, по его словам, осталось всего сто пятьдесят лет. Согласно

библейским пророчествам, он, мол, является орудием божьей воли и выполнит все, что указано в книге пророка Исаяи.

Эти невежественные разглагольствования, религиозные бредни, мрачный мистицизм, сопровождаемые манией величия, свидетельствовали о психической неуравновешенности Колумба и в то же время об узости его кругозора даже по сравнению с тогдашним уровнем развития науки и культуры.

Колумб писал даже папе римскому, умоляя послать его в Индию с миссионерами. Он, дескать, поможет отвратить язычников от греха.

А короля адмирал буквально засыпал письмами. Он превозносил свои познания в навигации, снова и снова предлагал свои услуги, но не получал ответа. И все же продолжал настаивать.

Западный морской путь по-прежнему волновал воображение Колумба. Он все еще надеялся доказать, что Куба — часть Азиатского материка. Земли, открытые им во время третьего плавания, могли быть или группой больших островов, отделенной океаном от материка, или продолжением юго-восточной Азии. Новая экспедиция окончательно разрешила бы данный вопрос. Если эти земли и Кубу разделяет пролив, его надо разыскать и через него выйти из Карибского моря в Индийский океан, а оттуда добраться до устья Ганга.

Колумба ничуть не смущали успешные экспедиции португальских моряков — Васко да Гамы и Кабрала — вокруг Африки в Индию (Кабраль побывал и у берегов Бразилии.). Генуэзец не сомневался в правильности открытого им пути и лелеял надежду превзойти и достижения португальцев и свои собственные. Он хотел опять уйти в плавание, чтобы найти наконец настоящую страну золота и пряностей — легендарную страну великого хана.

Адмирала не встревожило даже известие о том, что флорентиец Америго Веспуччи, участвовавший в экспедиции Охеды, видел огромный материк, который никак не мог быть Азией. Колумб не хотел и слышать

об этом. Он ведь достиг Азии и доберется в конце концов и до устья Ганга — ведь в Карибском море такие сильные течения, что они должны привести к проливу, а уж по нему — прямой путь к «полуденной Индии»,

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — ВЕЛИКОЕ ПЛАВАНИЕ

На поиски пролива, ведущего к полуденной Индии. — Ужасный ураган. — Первая встреча с народом майя. — Борьба с ветрами и течениями у берегов Центральной Америки. — Снова золотой мираж. — Великое Южное море. — Тихий океан ждет первооткрывателей. — Форт в устье реки Белен. — Разгром испанцев. — Возвращение на Ямайку весной 1508 года.

Разработав маршрут новой экспедиции и сделав наброски карт, Колумб вскоре после ухода эскадры Овандо снова явился ко двору. Те немногочисленные друзья, которые еще не покинули адмирала, добились для него аудиенции у короля. Никогда еще великий мореплаватель не говорил с государем так горячо, с таким увлечением и убежденностью. И он добился разрешения на организацию новой экспедиции. Возможно, что Фернандо опять увлекся заманчивой идеей — найти более короткий и менее опасный морской путь в Индию, чем португальский, — вокруг Африки и через Индийский океан. Королю было известно, как далек и опасен этот путь, какие трудности приходится преодолевать португальцам. А путь, открытый Колумбом, был значительно короче. Но, может быть, и это кажется более вероятным, Фернандо просто решил избавиться от назойливого просителя.

Иначе как объяснить тот факт, что неблагоприятный к Колумбу король вдруг возобновил с ним договор и приказал ему незамедлительно принять на себя командование экспедицией и как можно скорее,

пока стоит самое благоприятное время года, подготовиться к плаванию.

Королевские инструкции предписывали главе экспедиции искать новые острова и материки, узнавать, имеется ли на них золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пряности, и строго следить за тем, чтобы никто не смел выменивать у индейцев эти ценности. «Все, что будет добыто и приобретено на этих островах и материке — будь то золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пряности, или иные ценности, — надлежит сдавать Франсиско де Поррас в вашем присутствии и в присутствии нашего нотариуса...». Так были ограничены права Колумба.

Ему поручалось также искать пролив между Кубой — мнимой провинцией Китая — и землями, открытыми адмиралом во время третьего плавания в 1498 году, пролив, омывающий Золотой Херсонес (Малаккский полуостров), по которому Марко Поло на обратном пути из Китая вышел когда-то в Индийский океан.

Колумб надеялся, что, найдя этот пролив, он вернется в Испанию вдоль берегов Индии и Африки и первый обойдет вокруг всего света. Такое путешествие затмило бы славу Васко да Гамы. Кстати, Колумб рассчитывал встретить португальского капитана где-то на пути к Индии. Вот почему король и королева дали с собой адмиралу рекомендательное письмо к Васко да Гаме.

Однако Колумбу не было дозволено до открытия пролива заходить на Эспаньолу — только на обратном пути и лишь в самом крайнем случае, если пролив не будет найден. Государи старались держать Колумба подальше от колонии и приказали губернатору Овандо не допускать высадки Колумба на берега Эспаньолы. Бывшему вице-королю не доверяли, но и сам он перестал доверять королю и его обещаниям. Он велел сделать нотариальные копии со всех своих документов и договоров, отослал их в один из банков Генуи и поручил ему защиту своих интересов. Колумб завещал родному городу десятую долю своих доходов.

И все же адмирал был вне себя от счастья — кон-

чилося мучительное и бесцельное ожидание. В его распоряжении были четыре небольших каравеллы и команда около ста пятидесяти человек. Надо заметить, что на сей раз вместе со старыми закаленными моряками, многие из которых ходили с Колумбом и в другие экспедиции, на корабли набрали и юнцов в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Очевидно, Колумб рассчитывал, что в тяжелую минуту эти юноши будут старательнее выполнять приказы, меньше сетовать на трудности и невзгоды и не станут роптать. Колумба сопровождали также его брат Бартоломео и сын Эрнандо.

Зачем понадобилось великому мореплавателю брать с собой в опасное путешествие тринадцатилетнего мальчика? Может быть, он хотел воспитать себе достойного преемника? А может быть, просто чувствовал себя одиноким и непонятым и надеялся, что присутствие любимого сына внесет в его жизнь немного сердечности и теплоты.

Колумб был уже не тот крепкий, сильный духом человек, который десять лет назад впервые отправился за океан. За эти долгие годы в борьбе со стихией, преодолевая трудности и невзгоды, преследуемый врагами, Колумб заметно постарел, здоровье его пошатнулось, надломился дух. Прежнее упорство и оптимизм теперь нередко сменялись апатией, и лишь иногда неясные надежды вновь озаряли его омраченную душу.

9 мая 1502 года каравеллы вышли из Кадиса в океан и начали свое Великое плавание, как его до конца своих дней называл сам адмирал. Эта его последняя экспедиция была действительно наиболее интересной и значительной, полной опасностей и злоключений. Она подробно описана самим адмиралом в его письме с острова Ямайка и участником путешествия нотариусом Диего Поррасом. Упоминается о ней и в завещании идальго Диего Мендеса, оказавшего Колумбу в этом плавании большие услуги.

Каравеллы, сделав остановку у Канарских островов, отправились затем по маршруту второй экспедиции и без каких-либо осложнений, гонимые вперед

сильным пассатом, за двадцать один день достигли острова Мартиника в группе Малых Антильских островов. Отсюда флотилия пошла на север вдоль архипелага, изредка бросая якорь, пока наконец 29 июня после двухнедельного плавания не приблизилась к Санто-Доминго.

Несмотря на королевский запрет заходить в этот порт до открытия морского пролива, Колумб намеревался отправить из Санто-Доминго в Испанию письма, а также обменять одну из своих каравелл на более быстроходную. К тому же он по ряду известных ему признаков определил, что скоро будет ураган, и хотел укрыться в надежной, хорошо защищенной гавани.

Опытный мореплаватель уже дважды перенес тропический ураган — циклон и хорошо знал признаки его приближения: сначала поверхность моря, как будто политая маслом, покрылась мелкой зыбью, движущейся с юго-востока. Но вот черные тучи стали опускаться все ниже, от резких порывов ветра море заволновалось, на поверхности его появились стаи тюленей и ламантинов, а у старого адмирала заныли кости. Все это были верные приметы, и он послал к Овандо письмо, предупреждая его, что в ближайшие два дня должна разразиться буря, и просил разрешения войти в порт. «Кроме того, Колумб советовал Овандо не только не отпускать в море корабли, доставившие сюда губернатора и теперь готовые отбыть на родину, но и привязать их покрепче.

Однако Овандо вместе со своими приближенными встретил «пророчества» адмирала громким смехом и издевательствами и отдал приказ капитанам немедленно отправляться в путь. Огромная флотилия в тот же день вышла в океан. Колумб же поспешно укрыл свои корабли в устье какой-то реки недалеко от Санто-Доминго.

Вскоре действительно налетел страшный ураган. Три каравеллы поменьше сорвало с якорей и отнесло в открытое море, но капитанам удалось сохранить их. Между прочим, брат Колумба Бартоломео, заменявший в эти страшные часы больного капитана одной из каравелл, доказал, что он настоящий капитан,

мастер судовождения. Что же касается флагманского корабля, то он, став на все якоря, удержался на месте.

Колумб потом писал в Испанию: «Разве на моем месте любой смертный, будь он даже Иовом, не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении и о спасении моего сына, брата, друзей, запрещено мне было приближаться к земле, к гаваням, которые я промыслом Божиим приобрел для Испании в кровавом поту?!»

Большую испанскую флотилию ураган настиг у берегов, где не было никакого убежища — ни одной бухты, ни устья реки. Девятнадцать каравелл пошли ко дну вместе со своими экипажами. Спаслось несколько человек с других шести утонувших кораблей, четыре судна вернулись в Санто-Доминго со сломанными мачтами, и лишь одна, самая маленькая каравелла, невредимой достигла Испании.

Адмирал, узнав об этом, мог торжествовать и еще больше укрепиться в убеждении, что владыка небесный проявляет к нему милосердие: единственная спасшаяся каравелла везла на родину золото Колумба, отобранное у него Бобадильей и по приказанию государей отправленное Овандо владельцу. Пошел ко дну и флагманский корабль эскадры, на котором возвращались в Испанию Бобадилья и Ролдан. Они оба погибли в пучине вместе со всем золотом, которое за несколько лет накопили в колонии.

После того как ураган стих, корабли Колумба собрались у западной оконечности Эспаньолы и отправились на запад вдоль южного берега Ямайки. Теперь на море был штиль, и сильное течение относило флотилию к северо-западу, пока она не оказалась у группы мелких островов близ южного побережья Кубы.

Оттуда испанцы повернули на юго-запад, ибо трудно было предполагать, что искомый пролив находится так далеко от экватора. Правда, никто из европейцев не знал в точности, в каких широтах следует его искать, однако Колумб был уверен, что пролив этот расположен вблизи экватора, то есть примерно в двух

тысячах километров южнее места, где шла сейчас флотилия. Поэтому Колумб хотел сначала идти прямо на запад, а затем, достигнув материка, двигаться вдоль его берега.

27 июля каравеллы при благоприятном северо-восточном ветре вошли в Карибское море, пересекли его и 30 июля бросили якорь возле острова Бонако (Гуанаха), невдалеке от северного берега Гондураса. Далеко на юге перед ними открылась горная страна.

Нагие обитатели острова Бонако не имели ни золота, ни жемчуга, но у берегов этого острова произошла знаменательная встреча. К кораблям подошла широкая и длинная пирога с двадцатью пятью гребцами. Под навесом из листьев посреди пироги сидел касик или купец, окруженный женами и детьми. Пирога была нагружена различными товарами, которые свидетельствовали о высоком уровне культуры: там были разноцветные ткани и одежда, бронзовые топоры и утварь, деревянные дротики с хорошо отшлифованными кремневыми наконечниками. В лодке находилось также большое количество бобов какао, которые индейцы хранили очень бережно. Стоило хоть одному бобу упасть на землю, как его тут же поднимали. Позже оказалось, что бобы какао в Мексике и на полуострове Юкатан используются как монеты для меновой торговли. Очевидно, повстречавшиеся Колумбу индейцы относились к народности майя и прибыли с севера — с полуострова Юкатан торговать с островитянами.

Касик пригласил испанцев посетить его земли. Если бы Колумб последовал за ним, он попал бы в Мексику — страну высокой культуры. Однако испанцы, увидев, что у приезжих нет золота, не захотели следовать за ними.

Колумб насильно задержал рулевого, который умел чертить что-то вроде карт, и взял его в проводники, а остальных отпустил.

Преодолевая ветры и течения, Колумб в середине августа подошел к матерiku (уже вторично!) близ мыса Гондурас и повернул на восток, считая, что находится примерно на полпути между китайской про-

винцией Манзи и Малаккским полуостровом. Таким образом, пролив Золотого Херсонеса должен был находиться на юго-востоке.

Плавание проходило в очень тяжелых условиях. В течение двадцати восьми дней корабли боролись с жестокими ветрами и течениями. В письме к королю и королеве Колумб так описывает это трудное время: «...Не прекращалась ужасная буря — такой силы, что от взора были скрыты и солнце и звезды.

Корабли дали течь, паруса изодрались, такелажи и якоря были растеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди были поражены недугами и удручены, многие обратились к религии, и не оставалось никого, кто не дал бы какого-либо обета или не обязался совершить паломничество. Часто люди исповедовались друг другу в грехах. Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие. Многие из тех, кто казались сильными духом, впали в уныние, и так было в продолжение всего этого времени.

Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу, и тем горше было мне сознавать, что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды. Но бог дал ему такую силу, что он воодушевлял всех прочих и вел себя так, как будто провел в плаваниях восемьдесят лет. Он утешал и меня, а я тяжело захворал и не раз был близок к смерти».

Навстречу, ни на миг не переставая, дул восточный ветер, и судам приходилось без конца маневрировать под проливным дождем, нередко они становились на якорь в незащищенных от ветра местах, где волны бросали каравеллы всю ночь напролет. В безветренные ночи людей осаждали legiony москитов.

За сорок дней флотилия отошла от мыса Гондурас всего лишь на триста пятьдесят километров. Наконец 14 сентября каравеллы обогнули еще один мыс, за которым берег круто поворачивал к югу. Теперь тот же восточный ветер стал попутным и течения тоже были благоприятными. Обрадованный адмирал назвал этот мыс Грасьяс-а-Дьос (Слава богу).

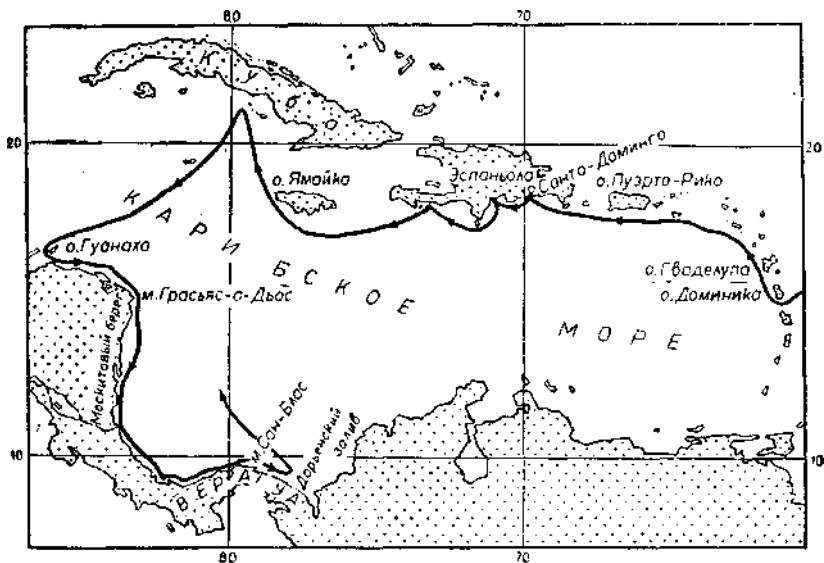
День за днем плыли испанцы вдоль плоского низменного берега с широкими устьями рек, спокойными лагунами, болотами и мангровыми лесами. Это был Москитовый берег в Никарагуа, вдоль которого каравеллы за две недели прошли около пятисот километров. В устье одной из рек при столкновении течения с волной прибоя погибла шлюпка со всеми гребцами. В конце сентября испанцы бросили якорь у селения Кариай, надеясь отдохнуть там и починить корабли.

Испуганные к недоверчивые индейцы, охваченные любопытством, осторожно приближались к кораблям. Испанцы дарили им побрякушки, которые индейцы принимали с восторгом и с опаской: откуда, мол, пришли эти странные чужеземцы и что им здесь нужно?

Туземцы приносили морякам хлопчатобумажные ткани и мелкие золотые украшения, но Колумб запретил что-либо брать от них, чтобы не настраивать их враждебно. Однако этот поступок обидел индейцев. Решив, что их дары отвергнуты, они сложили в кучу все полученные от испанцев вещи и оставили их на берегу.

Заметив, что моряки не решаются сойти на берег за пресной водой и плодами, индейцы прислали на корабль в качестве заложниц двух девочек, а сам касик стал следить за тем, чтобы матросам, наполнявшим бочки водою из источника, никто не сделал ничего плохого.

Тут произошел курьезный случай. Бартоломео Колумб вместе с нотариусом Поррасом сошел на берег, чтобы записать неясные и маловразумительные рассказы индейцев. Но едва Поррас взялся за перо, все индейцы в ужасе разбежались — они приняли нотариуса за колдуна. Вскоре индейцы, крадучись, стали возвращаться обратно. Они подбрасывали в воздух какой-то порошок, а иногда и сжигали по шепотке его, стараясь, чтобы ветер относил дым в сторону испанцев. Как ни странно, но испанцы в свою очередь испугались колдовства этих дикарей. «В Кариае и в окрестных землях имеются великие волшебники.

Путь Колумба у берегов Центральной Америки в 1502 г.

внушающие сильный страх, — писал Колумб. — Мои люди отдали бы все на свете, лишь бы мы скорее отплыли. Некоторые всерьез считали, что мы околдованы, и многие из них доныне в этом убеждены».

Колумб все же прибег и к насилию: ему нужны были проводники, и он приказал, не поднимая никакого шума, потихоньку схватить нескольких индейцев. Тайно подняв якоря, испанцы поспешно отплыли от берега, сопровождаемые громкими криками пришедших в ужас туземцев.

В начале октября каравеллы двигались дальше вдоль берега, теперь уже в юго-восточном направлении. Здесь к кораблям часто подходили на пирогах индейцы, увешанные золотыми украшениями. Колумб назвал этот берег золотым, а позднее вся земля получила название Коста-Рика (Богатый Берег).

Испанцы стояли у берегов Коста-Рики десять дней и чинили корабли. Здешние индейцы очень хотели

обменять свои хлопчатобумажные ткани и изделия из сплава золота и меди на испанские товары, но моряки менялись неохотно: у них на родине такой сплав ценился очень низко.

Колумб послал вооруженный отряд обследовать берег. Вернувшись, разведчики рассказали, что в лесах водятся различные звери — олени, пумы, обезьяны, кабаны, а также птицы, похожие на индюков.

Затем испанцы подошли к побережью страны Верагуа (Панама). Колумб считал, что теперь устье Ганга уже недалеко: туземцы рассказывали, что в десяти днях пути течет широкая река, ее название оказалось Колумбу похожим на Ганг. Там якобы живет богатый народ, люди пьют и едят на золотой посуде, ходят в море на кораблях, торгуют пряностями, носят дорогие, шитые золотом одежды, золотые короны и браслеты, и даже их столы украшены золотом.

По словам Колумба, он был бы удовлетворен и десятой долей того, что сулили эти рассказы.

Кроме того, индейцы говорили, что жители этой страны воинственны, носят латы, вооружены шпагами, луками со стрелами и у них имеются выючные животные.

Очевидно, в этих туманных рассказах шла речь о странах сравнительно высокой культуры — Перу и Мексике, лежащих на берегу Тихого океана, от которого Колумб находился всего лишь в шестидесяти километрах.

Между тем адмирал вообразил, что речь идет о стране великого хана. «Еще десять дней, пути, и мы будем у Ганга», — не колеблясь заявил он матросам, когда они отказались продолжать путь.

Испанцы действительно встретили туземцев, носивших на груди золотые диски. Мореплаватели подольше задержались у этих берегов. На погремушки они выменивали у индейцев золотые диски и амулеты в виде птиц. Золота было много, и Колумб с восторгом рассказывал потом об открытых им богатствах. Он писал, что в Верагуа увидел «в первые два дня больше признаков золота, чем за четыре года на Эспаньоле, и что не может быть ничего

прекраснее земель этого края и полей, возделанных лучше, и людей, более робких, чем местные жители. Здесь и превосходная гавань, и великолепная река, и все возможности защитить открытые земли против всего света.

Все это — залог безопасности для христиан, свидетельство прочности владения, все это направлено к грядущей славе и возвеличению христианской веры...».

«Золото — это совершенство, — восторгался великий мореплаватель. — Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай!»

Колумб превозносил сокровища этой земли, из которых он не упомянул якобы и шестой доли. Ведь у этих берегов в легендарной стране Офир добывали, по его словам, золото для библейского царя Соломона, который скупил здесь все драгоценные камни и серебро, и властители Испании могут, если пожелают, дать приказ собрать все эти сокровища.

Богатство этого берега так захватило воображение Колумба, что с этих пор он думает не столько о поисках морского пролива, сколько о создании на берегах Верагуа торговой фактории.

Всю вторую половину октября 1502 года каравеллы продолжали путь вдоль берегов Верагуа, где почти не было бухт, а устья рек изобиловали песчаными отмелями. Подойти к берегу было невозможно: шлюпкам угрожали вооруженные индейцы. К тому же шли проливные дожди.

2 ноября испанцы вошли в удобную бухту недалеко от начала теперешнего Панамского канала и назвали ее Пуэрто-Бельо (Прекрасная Гавань).

В одной из бухт, чуть подальше на восток, Колумб двенадцать дней занимался починкой кораблей. На следующей стоянке в бухте Ретрете (теперь Эскриванос) каравеллы причалили к самому берегу. Матросы воспользовались этим и стали совершать набеги на индейские селения: грабили, насиловали женщин. Их поведение до того обозлило абори-

генов, что они вооружились и целой толпой напали на корабли. Адмирал приказал открыть орудийный огонь, и наступавшие разбежались, оставив на берегу нескольких убитых.

В начале декабря каравеллы подошли к Дарьенскому заливу. Здесь Колумб решил повернуть обратно. Это побережье было уже обследовано Бастидасом, пришедшим сюда с востока, и адмиралу, очевидно, было известно, что Бастидас не обнаружил там пролива.

А может быть дрогнула непоколебимая вера адмирала, ослабла воля? Может быть он догадался, что открытое им побережье вовсе не часть Азиатского материка? Колумба озадачил тот факт, что этот берег тянулся, по-видимому, очень далеко на восток. Может быть он даже сливался с Жемчужным Берегом?

Отказавшись от главной — географической цели экспедиции — поисков пролива, Колумб решил выяснить, велики ли сокровища Верагуа, и пошел к устью реки Белен (Вифлеем) за золотом.

К 5 декабря каравеллы были в гавани Пуэрто-Бельо. Целый месяц течения и ветры, то и дело менявшие направление, носили флотилию взад и вперед вдоль берега. Моряки тщетно боролись с разыгравшейся стихией. Бури сменялись грозами, стояла ужасная погода. Однажды в море возник огромный смерч. Корабли оказались в серьезной опасности. Колумб попробовал заговорить смерч и стал громко читать из священного писания притчу о буре в море Галилейском. Затем, переложив библию в левую руку, он вынул меч и начертал им круг, а в нем крест. Водяной столб действительно, прошел мимо, не причинив каравеллам никакого вреда.

Впоследствии Колумб в письме к королю рассказывал о страшных бурях и грозах, которые ему пришлось перенести:

«Девять дней я был словно потерянный, утратив надежду на то, что мне удастся выжить.

Никому еще не приходилось видеть такое море — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной. Ве-

тер не позволял ни идти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши. Здесь, в море цвета крови, кипевшем словно вода в котле на большом огне, я задержался на некоторое время.

Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, как горн, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали — вот-вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно источали воду, и казалось, что это не дождь, а истинный поток. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от таких мучений. Дважды теряли корабли лодки, якоря, канаты и были они оголены, ибо лишились парусов».

Было просто чудом, что гнилые, источенные червями каравеллы еще держались на воде. Провиант подходил к концу. В спокойную погоду моряки ловили на большие крюки акул, и их мясо после сухарей, попорченных червями, казалось деликатесом.

В начале 1503 года уже совсем обветшавшие каравеллы Колумба вошли в гавань Белен — устье реки, где Колумб намеревался основать колонию и оставить гарнизон под командованием Бартоломео. И опять золотой мираж застлал Колумбу взор и увлек его прочь от величайшего открытия, к которому он был так близок во время четвертой экспедиции. Ведь огромный, еще никому неведомый Тихий океан — так называемое Великое Южное Море — лежал рядом, рукой подать. Достаточно было подняться на шлюпках вверх по реке Чагрес и пройти двенадцать миль по суше, перевалив через горы, чтобы достигнуть его берегов. Но Колумб был во власти навязчивой идеи, будто он находится у берегов Азии. О каком же другом океане могла идти речь?

Место для колонии было выбрано неудачно. На этих берегах выпадает очень много осадков: часто идут проливные дожди, река выходит из берегов. Испанцы вскоре смогли в этом убедиться. Ливни свирепство-

вали почти две недели, и половодье чуть не выбросило их корабли на мель.

Все же испанцы попытались обследовать побережье Верагуа.

Бартоломео, взяв с собой семьдесят человек, пошел в разведку на шлюпках. Он посетил местного касика и завязал с ним дружественные отношения.

Оказалось, что у индейцев немало золотых пластин и слитков, а их курительные трубки тоже из золота. Испанцы всячески старались выведать, где они добывают золото. Наконец индейцы, казалось, поняли, чего хотят от них пришельцы, и стали жестами показывать, что золотые рудники находятся далеко в глубине страны — в лесах и горах.

Тогда Бартоломео отправился туда с вооруженным отрядом. Расспрашивая по пути индейцев, он искал золото и в горах, и в болотах, и в лесах. Добыча была невелика, но каждая найденная крупица драгоценного металла все сильнее разжигала алчность и стяжательство, и люди копали, обливаясь потом, в надежде, что вскоре найдут целые золотые глыбы.

Адмирал был так рад богатым месторождениям золота, что принял решение немедленно построить форт, оставить в нем гарнизон и отправиться в Испанию за пополнением. Однако эта попытка колонизации закончилась плачевно.

Было уже возведено несколько домов, когда уровень воды в реке внезапно упал, и отмели в ее устье преградили кораблям выход в море. К этому времени отношения с аборигенами значительно ухудшились: испанцы грабили и обижали индейцев и вообще вели себя так нагло, что те стали готовиться к нападению, особенно после того как узнали, что чужеземцы намерены обосноваться здесь навсегда. Испанские разведчики во главе с отважным Диего Мендесом обнаружили, что в ближайших селениях собралось много воинов.

Форт был расположен на узкой прибрежной полосе, и индейцы, скрываясь в джунглях, могли неза-

метно подкрасться к нему. Колумб не учел этого обстоятельства и к тому же допустил еще большую ошибку: он велел схватить в качестве заложников местного касика и человек тридцать его родственников. Испанцы захватили также много изделий из золота. Самому касику вскоре удалось бежать и он начал готовиться к нападению.

Между тем испанцам удалось вывести в море три каравеллы — четвертую они решили передать гарнизону в качестве плавучей крепости.

В форте оставалось двадцать человек. 6 апреля на них напали около четырехсот индейцев. Судьбу сражения решил огромный свирепый пес, который привел индейцев в неопиcуемый ужас. В тот же день индейцы напали на шлюпки, на которых группа матросов с флагманского корабля во главе с капитаном Тристаном шла к реке за питьевой водой, и убили десять человек. Лишь одному удалось спастись.

Экипаж флагмана, оставив больного Колумба одного на палубе, спустил шлюпки и поспешил на помощь гарнизону форта.

Положение колонии стало угрожающим. Индейцы, окрыленные победой, снова напали на защитников форта. Дома, в которых скрывались испанцы, были расположены так близко к лесу, что нападающие легко пробирались к ним сквозь лесные заросли. Лес звенел от диких воинственных криков. В воздухе свистели тяжелые раковины с заостренными краями и дротики — обычное оружие здешних индейцев. Объятые ужасом испанцы совсем потеряли голову и, больше не повинясь Бартоломео, бросились к оставленной каравелле, чтобы выйти на ней в море. Однако они не смогли снять ее с мели. Тогда матросы решили послать к адмиралу шлюпку и просить его не бросать их на произвол судьбы в этом гиблом месте. Но вода на отмелях в устье реки так сильно бурлила из-за встречного течения, что лодка не смогла пройти там. А тем временем река проносила мимо форта трупы Тристана и его людей, усеянные во-

роньем, которое громким карканьем возвещало о смертельной опасности.

Наконец Бартоломео удалось несколько ободрить своих людей и они на скорую руку построили укрепления на открытом месте, где можно было пустить в ход кремневые ружья и фальконеты — маленькие пушки, стреляющие картечью. Защитники форта в тревоге и волнениях провели еще несколько дней, отражая нападения индейцев. Провиант и боеприпасы подходили к концу, и не было никакой надежды на спасение.

Пока продолжалась битва, Колумб, охваченный неопишуемым страхом, слышал, и якобы не впервые, таинственные голоса и видел явление. Вот что он писал об этом королям:

«Я взобрался на самое высокое место на корабле и, обливаясь слезами, дрожащим от волнения голосом, обращаясь во все стороны света, воззвал о помощи военачальникам ваших высочеств. Но никто мне не ответил.

Стеная, заснул я и услышал полный сострадания глас, говорящий: «О глупец, не скорый в делах веры и в служении твоему господу, владыке всего сущего! Свершил ли господь больше для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял он тебя своими заботами... Он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на земле. Индии — богатейшие части света — он отдал тебе во владение... Он дал тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями!..

Ты в неверии взываешь о помощи. Отвечай же, кто причинил тебе столько горестей — бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает даров своих... Ни одно слово его не пропадает даром, а все им обещанное выполняется с лихвой. Таков его обычай».

В этих исполненных мистики словах ясно слышится горький упрек в адрес неблагодарных правителей Испании, действовавших по отношению к Колумбу как раз наоборот.

Когда битва закончилась, шлюпки еще долго не могли преодолеть отмели в устье реки и вернуться на корабль. Пленные туземцы ночью сорвали люк трюма и бросились в море, надеясь добраться до берега. Однако часть беглецов была сразу же поймана и водворена обратно. Наутро в трюме нашли лишь трупы. Все пленные, даже женщины и дети, убили себя. Одни лежали на земле с петлей на шее, затянутой ногами, другие висели на веревках, касаясь пола коленями..

Это зрелище ошеломило Колумба: впервые в жизни он встретился с людьми, которые так любили свободу и так презирали смерть! Такие люди способны бороться до последней капли крови. Гарнизону форта грозит неминуемая смерть. Нечего и думать о том, чтобы остаться здесь!

Каравеллы простояли на рейде еще десять дней, пока наконец Колумб, после долгих колебаний, с тяжелым сердцем принял единственно правильное решение — покинуть только что построенную колонию и отозвать гарнизон на корабли.

Стоящую в бухте ветхую каравеллу бросили на произвол судьбы, а людей и все имущество форта переправили через отмель на плотках. Диего Мендес и в этих обстоятельствах действовал как отважный и сметливый человек. Адмирал назначил его капитаном флагманского корабля вместо погибшего в бою Тристана.

Надо было поскорее покинуть этот негостеприимный берег. Три каравеллы в середине апреля 1503 года снова двинулись на восток. У Пуэрто-Бельо пришлось бросить еще одну каравеллу, так как она дала течь, а исправить повреждение не было никакой возможности.

Миновав бухту Ретрете, Колумб снова углубился в Дарьенский залив. Однако штурманы и капитаны, считавшие, что они и так зашли слишком далеко на восток от Гваделупского меридиана, заставили Колумба изменить курс и пойти прямо на север.

1 мая 1503 года обе совсем обветшавшие каравеллы повернули на север в сторону Эспаньолы и долго боролись с ветрами и течениями.

Через десять дней испанцы достигли группы островов Малые Кайманы к северо-западу от Ямайки, а затем течение отнесло их к Садам Королевы у южных берегов Кубы, где адмирал бросил якорь, чтобы дать отдохнуть измученной команде. Однако трудно было выбрать худшее место для стоянки: так оно было ненадежно и не защищено от ветров.

Среди экипажей зрело недовольство. Провиант подходил к концу — осталось лишь немного морских сухарей, растительного масла и уксуса. Вконец истощенные люди дни и ночи не отходили от насосов, так как каравеллы ежеминутно могли пойти ко дну: деревянные части, находившиеся под водой, были источены червями.

К тому же ночью разразилась такая жестокая буря, что одно судно сорвало с якоря и бросило на второе. К счастью, обе каравеллы каким-то чудом удержались на одном якорю.

После бури великий мореплаватель повел корабли вдоль берега Кубы на восток, но обшивка судов походила уже на пчелиные соты, и моряки совсем впали в отчаяние.

Колумб считал, что единственная возможность спасти жизнь людей — это поскорее добраться до Эспаньолы. Но течь была очень сильна, и нечего было и думать достичь Эспаньолы на тонущих кораблях, да еще при встречном ветре. Пришлось повернуть к берегам Ямайки. По свидетельству самого адмирала, все люди, выкачивая воду тремя насосами и вычерпывая ее горшками и котелками, не в силах были справиться с ней — она непрерывно просачивалась в трюмы, а устранить зло, причиняемое червями, уж и вовсе не было никакой возможности. К счастью, Ямайка была уже недалеко.

БЕДСТВИЕ У БЕРЕГОВ ЯМАЙКИ

Форт на затопленных судах. — Меновая торговля с островитянами. — Диего Мендес отправляется на Эспаньолу. — Полное отчаяния письмо к королям. — «Путь к золотым копиям Верагуа неведом никому!» — Овандо медлит с ответом. — Мятеж братьев Поррас. — Затмение луны как средство получить продовольствие. — Бой с мятежниками. — Спасение!

25 июня 1503 года обе каравеллы, погрузившиеся в воду уже по самую палубу, подошли к северному берегу Ямайки. Колумб приказал связать оба корабля вместе и посадил их на мель близ берега. Суда укрепили на опорах. На палубах соорудили шалаши, покрыв их пальмовыми листьями, а вдоль бортов поставили заграждения для защиты от индейцев.

Ямайку достигли всего сто шестнадцать человек. Теперь они могли уповать только на счастливый случай — авось сюда приплывет какое-нибудь испанское судно. Но это было маловероятно, так как Колумб в свое время сообщил, что на Ямайке нет золота, и потому ничто не могло привлечь сюда испанцев.

Затопленные корабли пока что представляли собой довольно надежное убежище — и от морских волн, и от возможного нападения с суши. Вблизи находилось большое индейское селение, и отношения с островитянами были довольно дружественными. Но Колумб, зная, как быстро испанцы восстанавливают против себя туземцев, строго запретил морякам покидать суда без особого разрешения и устраивать набеги.

Припасы подходили к концу, и в дальнейшем испанцы могли рассчитывать только на помощь индейцев. Туземцы часто подходили к судам на пирогах, предлагая в обмен на побрякушки хлеб, рыбу, плоды и пресную воду. Все же продовольствия по-прежнему не хватало. Индейцы на Ямайке, как и их соплеменники на других островах, никогда не делали запасов и довольствовались малым.

Колумб послал на берег для заготовки продовольствия Диего Мендеса с тремя матросами, приказав им обойти отдаленные районы и заключить договоры с другими касиками.

Мендес успешно выполнил это задание. Касики обязались посылать к кораблям своих людей с различными припасами и дичью в обмен на ножи, зеркала, бусы, гребни и другие предметы. Были установлены определенные нормы: одна лепешка за две стеклянные бусины, две крупных хутии (кустарниковые крысы) за галстучную булавку, а большая рыба или мера кукурузы за один бубенчик. Последние и здесь ценились весьма высоко.

Почему же испанцы не стали сами сеять и возделывать кукурузу, которая в этом теплом климате дает по несколько урожаев в год, или не занялись рыбной ловлей и охотой? Цивилизованные европейские завоеватели считали такой труд унижительным и, даже потерпев бедствие, не отказались от своего убеждения. К тому же остров был населен дикарями, обязанностью которых, по мнению испанцев, было снабжать белых всем необходимым.

Наладив доставку продовольствия, Мендес обменял бронзовый шлем на большую пирогу и, нагрузив ее продуктами, вернулся в лагерь. Призрак голода отступил. Но надолго ли?

Положение мореплавателей было незавидным. Тщетно всматривались они вдаль, стараясь разглядеть там белеющий парус. Починить корабли было уже невозможно. А построить одно маленькое судно из обломков обеих каравелл моряки или не могли, или не хотели.

Оставался один выход — послать кого-нибудь на Эспаньолу за кораблем. Расстояние от Ямайки до Эспаньолы было всего лишь около ста миль, к тому же в июле пассаты в этом районе утихают, не бывает здесь в этом месяце и ураганов. Однако испанцам еще не приходилось выходить на лодке так далеко в открытое море, и естественно, что такой переход казался им чрезвычайно трудным. Но другого пути к спасению не было.

По мнению Колумба, этот переход мог совершить лишь один человек — отважный моряк Диего Мендес. Как впоследствии писал в своем завещании Мендес, адмирал сказал ему: «Нас очень мало, а этих дикарей — индейцев великое множество, и все они весьма непостоянны и своевольны, и в любой час им может взбрести на ум прийти сюда и без особого труда спалить нас в этих двух кораблях, превращенных в дома с соломенной кровлей. Что стоит им с берега метнуть огонь на корабли и сжечь нас всех?»

Колумб добавил также, что индейцы могут прекратить доставку продуктов и что единственный выход — пойти на пироге на Эспаньолу за помощью.

Мендес сначала возражал против столь опасного предприятия, но Колумб настаивал, заверяя Мендеса, что именно он и есть тот человек, который может это совершить.

На что Мендес ответил: «Сеньор, много раз рисковал я своей жизнью ради спасения вашей жизни и всех тех, кто с вами здесь находится... Тем не менее, немало имеется шептунов, которые твердят, что ваша сеньория оказывает мне всякие почести в ущерб другим, которые могли все делать так же хорошо, как и я. Вот почему мне казалось бы правильным, если бы ваша сеньория созвал бы всех этих шептунов и предложил им осуществить это предприятие, чтобы убедиться, имеется ли среди них кто-нибудь, кто пожелал бы подобное совершить, в чем я сомневаюсь. И если все прочие отстранятся, я отдам свою жизнь, не щадя ее, ради вашего дела, как уже неоднократно это делал раньше».

Колумб так и поступил. И действительно, все отказались подвергнуть себя опасности, утверждая, что бесполезно даже обсуждать подобные планы.

Тогда встал Мендес и сказал, что у него лишь одна жизнь, но он готов ею рискнуть ради адмирала и всех присутствующих.

Затем этот отважный и неутомимый человек, чья роль в четвертой экспедиции Колумба была особенно

велика, притащил на берег большую пирогу, приделал к ней киль и борта, установил мачту с парусом и, взяв с собой шесть индейских гребцов, отправился в путь.

Перед отплытием Мендеса Колумб написал письма Овандо и католическим королям Фернандо и Изабелле. Последнее письмо Мендес должен был лично доставить в Испанию. Великий мореплаватель, разочарованный в своих лучших надеждах, измученный бедствиями и недугом, в глубокой тревоге за судьбу моряков и своих близких, послал за океан этот отчаянный крик о помощи, призыв к милосердию и справедливости.

«...Преследуемый и забытый, я не могу без слез вспомнить об Эспаньоле и Жемчужном Береге, — писал адмирал. — Благосклонность и выгоды должны доставаться тому, кто подвергает себя опасности. Несправедливо, что люди, всегда препятствовавшие мне в моих делах и замыслах, пользуются теперь плодами их, что трусливо бежавшие из Индий и вернувшиеся в Испанию, чтобы оклеветать меня, получают самые выгодные службы и посты.

...Такова уж моя доля — мало пользы принесли мне двадцать лет службы, проведенных в трудах и опасностях...

...В двадцативосьмилетнем возрасте я вступил в службу, и ныне волосы мои уже седы, тело измощено болезнями, и силы иссякли; а все, что у меня осталось от этой службы, было у меня, равно как и у моих братьев, взято и продано вплоть до последней рубашки без моего ведома и в мое отсутствие, к моему великому бесчестию...

...Одиноким, больной, томимый печалью, каждый день ожидая смерти, окруженный множеством дикарей, наших врагов, преисполненных жестокости, и настолько отрешенный от святых таинств церкви, что если покинет моя душа телесную оболочку, будет предана она забвению, я пребываю здесь, в Индиях. Пусть же восплачет обо мне всякий, кто отличается справедливостью, милосердием и любовью к правде!

...Семь лет я пробыл при королевском дворе, и с кем я ни говорил о своем предприятии, все считали это шуткой, а ныне даже портные — и те просят допустить их к открытиям.

Не иначе, как они направляются туда только для грабежей, и если им дают на это право, то лишь в ущерб моей чести и во вред делу».

Помимо этих горьких упреков, Колумб не жалел усилий, чтобы как можно ярче изобразить богатства новых земель. По его мнению, торговля и добыча руды на этих землях приобретет гораздо большее значение, чем все, что до сих пор совершалось в Индиях. К тому же он не преминул отметить, что никому, кроме него, неведом путь к богатым берегам Верагуа (в письме, правда, ничего не говорится о том, что он отнял у своих спутников карты, чтобы золотые копи Верагуа остались его монополией), и их придется открывать заново, но для этого нужен точный расчет и знание астрологии. А кому, мол, ведома астрология, тому больше ничего и не требуется. Все это подобно пророческому откровению.

Колумб высказал также ряд соображений географического характера: «Мир мал. Из семи частей его — шесть заняты сушей и только седьмая покрыта водой... И я говорю, что мир невелик, вопреки мнениям людей несведущих...».

Мендеса сперва постигла неудача. Еще у берегов Ямайки какое-то воинственное племя захватило в плен его гребцов. Однако сам Мендес, воспользовавшись ссорой индейцев при дележе добычи, вскочил в лодку и возвратился в лагерь.

Пришлось все начинать сначала. На сей раз через пролив пошли две пироги: вместе с Мендесом отправился в путь человек, готовый ему помочь, капитан второй каравеллы генуэзец Фиеско и команда испанских моряков. Бартоломео Колумб с группой вооруженных матросов должен был сопровождать Мендеса и Фиеско вдоль берега Ямайки. Решено было, что Фиеско, достигнув берега Эспаньолы,

сразу же вернется обратно, чтобы дать знать Колумбу о благополучном прибытии Мендеса.

В каждой пироге находилось по шесть испанцев и десять индейцев. Дождавшись затишья, они вышли в море. Целый день безжалостно пекло солнце, и ночью индейцы выпили всю воду. На завтра их мучила ужасная жажда. Один индеец умер, а остальные не в силах были грести.

После семидесяти двух часов плавания пироги ночью подошли к какому-то острову. Там все напились вволю, а некоторые индейцы выпили так много воды, что ночью умерли. Наутро лодки добрались до берега Эспаньолы. Фиеско хотел было сразу вернуться к адмиралу, но гребцы отказались плыть обратно.

Мендес, взяв себе новых гребцов, пошел дальше вдоль берегов Эспаньолы, а затем пешком отправился вглубь острова, где в то время находился губернатор Овандо, чтобы попросить его о помощи. Однако Овандо был бы рад навсегда оставить Колумба на Ямайке, и потому он в течение нескольких месяцев тянул с ответом, давая лишь пустые обещания. К тому же губернатор в то время организовал карательную экспедицию в Харагуа: он уничтожил несколько тысяч индейцев и опустошил всю область.

Мендес писал об этой экспедиции следующее: «Он задержал меня здесь на шесть месяцев, пока не сжег и не повесил восьмидесяти четырех касиков, властителей, имеющих в своем распоряжении вассалов, в том числе Анакаону, главную владительницу острова, которой все подчинялись и служили».

Анакаона, вдова касика Каонабо, была энергичной, умной и отважной женщиной. Овандо отправился к ней во главе отряда из трехсот пехотинцев и пятидесяти всадников. Он заявил, что прибыл к ней с добрым намерением — заключить мирный договор, и потому хотел бы встретиться со всеми касиками области.

Индейцы приняли Овандо на редкость гостепри-

имно, устроили в честь него пир, продолжавшийся несколько дней, и угощали пришельцев всем, чем могли. Но испанцы замыслили предательство. Овандо, в свою очередь, пригласил индейцев на праздник, пообещав им устроить военные игры и рыцарский турнир. Испанские воины сражались вместо копий бамбуковыми палками, которые легко ломались при ударе о щиты и латы. Но солдаты получили приказ держать свое оружие наготове, по условленному знаку напасть на индейцев и истребить всех до единого.

Испанцы заранее окружили толпу туземцев, заполнившую праздничное поле. Для Анакаоны и других касиков были отведены особые места под навесом из пальмовых листьев, тоже плотно окруженные испанцами.

Праздник открыл сам Овандо. Он спустился с офицерами на арену и метнул диск. Затем начался рыцарский турнир, принятый зрителями с неопишуемым восторгом. И тут Овандо поднял крест, давая знак начинать резню.

Испанцы не пощадили никого. Касиков схватили и начали жестоко пытаться, чтобы вынудить признание, будто они замыслили заговор против Овандо.

Их за руки подвешивали к стропилам, под которыми стояли жаровни с горячими углями, рвали тело раскаленными щипцами, лили в рот расплавленный свинец. Затем всех касиков заперли в один дом и подожгли его со всех четырех сторон. Касики сгорели заживо. Анакаону судили отдельно: ее обвинили в организации заговора и повесили.

Наконец Мендесу в марте 1504 года разрешили отправиться в Санто-Доминго, чтобы нанять там корабль, если таковой найдется. Овандо не пожелал послать на выручку Колумба ни один из своих кораблей.

Между тем люди, оставшиеся с адмиралом, ничего не знали о судьбе обеих пирос. Шел месяц за месяцем, и жизнь на затопленных кораблях становилась все труднее. Страх и тревога возрастали с каждым

днем. Началось брожение. Стали поговаривать, что адмирал вовсе не собирается в Санто-Доминго, а отбывает здесь свою ссылку и послал Мендеса и Фиеско ко двору с просьбой о помиловании. Поэтому, мол, нечего здесь понапрасну ожидать, медленно умирая голодной смертью. Надо взяться за оружие, захватить индейских гребцов и самим отправиться на Эспаньолу.

В январе 1504 года взбунтовалась чуть ли не половина команды. Вожаками мятежников стали братья Поррас — влиятельные придворные, доверенные лица короля.

Франсиско де Поррас ворвался в каюту к больному адмиралу, лежавшему на койке, и стал осыпать его грубой бранью, обвиняя в насильственном задержании людей на Ямайке. Завязался громкий спор. Колумб пытался утихомирить разъяренного королевского контролера, но тот закричал во весь голос: «В Кастилию, в Кастилию! Кто хочет вернуться домой, пусть следует за мной!» Мятежники с ликованием вторили ему.

Немногие верные Колумбу люди, увидев толпу мятежников, не стали обороняться и не позволили Бартоломео взяться за оружие. За братьями Поррас пошли сорок восемь человек — почти все здоровые люди лагеря.

Мятежники захватили десять пирог, которые Колумб выменял у индейцев, погрузили на них все припасы, какими смогли поживиться на кораблях, и двинулись вдоль берега Ямайки. Они шли на восток, по пути грабя и убивая индейцев, и сделали несколько безуспешных попыток пересечь залив и добраться до Эспаньолы. Однажды в лодки набралось столько воды, что мятежники вынуждены были выбросить в море награбленные припасы и даже индейских гребцов. Тех, кто сопротивлялся, убивали. А когда несчастные хватались за борта пирога, жестокие конкистадоры мечами отрубали им руки.

В конце концов Поррас и его люди отказались от своего намерения перебраться через пролив, бросили

пироги и разбили лагерь на берегу моря, недалеко от каравелл Колумба.

Моряки, оставшиеся с адмиралом, почти все были больны, измучены и потеряли всякую надежду на спасение. Они сознавали, что бессильны бороться с индейцами, и старались поддерживать с ними дружественные отношения. Островитяне вначале продолжали доставлять испанцам необходимые продукты, но они сами не имели никаких запасов. К тому же предметы меновой торговли уже потеряли для них новизну и прелесть. Поэтому продукты стали доставляться все реже. Лагерю Колумба угрожал голод. А люди Порраса грабили туземцев, отбирая все, что находили в селениях.

Голод и мятеж угрожали Колумбу. И в этот критический момент 29 февраля 1504 года он прибег к своему знаменитому трюку с затмением луны. Диего Мендес подробно описал этот случай в своем завещании:

«Спустя немного после моего отъезда индейцы взбунтовались и не пожелали доставлять адмиралду припасы, как то делали они раньше. Адмирал заставил их вызвать всех касиков и сказал им, что удивлен тем, что ему не доставляют, как обычно, пищу, зная к тому же, что он, адмирал, прибыл сюда по повелению бога, о чем он им уже заявлял, и что бог недоволен их поступками и что недовольство это он докажет им в ту же ночь небесными знаменьями. В эту ночь было затмение луны, и диск ее затемнился почти полностью, и он сказал им, что это совершил бог в гневе на индейцев за то, что они не доставляли ему пищу. Касики поверили этому и были очень испуганы и обещали впредь доставлять пищу, что они в действительности и выполнили».

В конце марта 1504 года в заливе неожиданно показалась небольшая каравелла, которую прислал Овандо, чтобы узнать, жив ли еще адмирал и в каком положении находится. Однако он строго наказал капитану каравеллы Диего Эскобару бросить якорь подальше от берега, чтобы люди Колумба не захватили каравеллу, и не брать на борт ни одного че-

ловека. Эскобар сообщил Колумбу, что губернатор получил известие о его бедственном положении и окажет ему помощь, как только будет возможно, а также передал ему от Овандо небольшой подарок — две бочки вина и свиной окорок. Между прочим, Эскобар в свое время был участником мятежа Ролдана против Колумба и избежал смерти только благодаря Бобадилье. Очевидно, Овандо специально послал сюда врага адмирала, чтобы быть уверенным, что он не окажет Колумбу никакой помощи.

После поспешного отплытия Эскобара Колумбу с трудом удалось успокоить взбудораженных людей. Он объяснил, что Эскобар не мог забрать с собою всех испанцев, а адмирал сам отказался уехать, желая до конца оставаться со своими людьми.

Колумб попытался также добиться примирения с братьями Поррас, понимая, что двор никогда не простит ему, если доверенные лица короля не вернуться на родину живыми и невредимыми. Однако главари мятежников не пошли на соглашение: они боялись до прихода судов отдаться в руки адмиралу. Братья Поррас подговорили своих людей напасть на лагерь, убить адмирала и захватить продовольствие.

Навстречу бунтовщикам вышел отряд под командой Бартоломео Колумба. В конце марта между испанцами произошел жестокий бой. За неимением пороха они не могли воспользоваться огнестрельным оружием и сражались мечами и копьями.

Франсиско Поррас с шестью сильнейшими воинами окружили Бартоломео, намереваясь убить его и обратить в бегство приверженцев Колумба. Но Бартоломео сражался очень храбро, рубя одного нападавшего за другим. Поррасу удалось расщепить мечом щит Бартоломео и ранить его в руку. Однако меч застрял в щите, Бартоломео и его люди схватили и связали Порраса. Бунтовщики, потеряв своего главаря, в панике разбежались, оставив много убитых и тяжело раненых. А люди Колумба, как это ни удивительно, потеряли лишь одного человека.

На следующий день мятежники принесли Колумбу повинную и поклялись ему в своей верности.

Однако Колумб боялся новых волнений, к тому же припасы на кораблях опять стали подходить к концу. Поэтому он передал бунтовщиков в руки преданных ему офицеров, снабдил их предметами меновой торговли и разрешил им кочевать по острову, добывая себе пропитание.

Адмирал обещал им дать знать о прибытии кораблей с Эспаньолы. Только братья Поррас были арестованы и оставлены в лагере.

Наконец во второй половине июня 1504 года с Эспаньолы пришли две каравеллы. Одну снарядил на свои средства Диего Мендес, другую прислал губернатор Овандо. Проведя год и пять дней на Ямайке, Колумб отплыл к Эспаньоле. Впоследствии он говорил, что за всю свою жизнь не переживал столь радостного дня: ведь он был уверен, что ему никогда уже не удастся выбраться оттуда живым. Однако присланный за ним корабль был в таком плохом состоянии, что при сильном встречном ветре он достиг Санто-Доминго только через шесть с половиной недель.

Овандо оказал адмиралу любезный прием, но, ссылаясь на свои полномочия вице-короля, немедленно освободил из-под ареста братьев Поррас. Колумб выразил по этому поводу протест и лишь с большим трудом уговорил Овандо отослать Поррасов в Испанию на королевский суд.

В Санто-Доминго Колумб нанял другое судно и 12 сентября отбыл на нем в Испанию. Его сопровождали брат Бартоломео, сын Эрнандо и двадцать два члена экипажа. Большая же часть моряков осталась на Эспаньоле. Ведь они и так два с половиной года тяжело трудились, терпели нужду, постоянно подвергались опасностям, и теперь снова должны были бы работать до изнеможения, выкачивая воду из трюмов. Лучше уж было остаться в Санто-Доминго и попытать свое счастье в заморской колонии.

И действительно, переход по океану в Испанию оказался очень долгим и тяжелым. Не раз жестокие бури обрушивались на каравеллу, срывали с нее паруса и даже ломали мачты. Лишь через пятьдесят шесть дней, 7 ноября 1504 года, корабль вошел в испанский порт Сан-Лукалк.

Итак великое плавание, продолжавшееся два с половиной года, закончилось. Оно было полно опасных приключений, но принесло Колумбу лишь горькие разочарования: пролива к берегам Индии он не нашел, а открытый им перешеек не заинтересовал государей, и они даже не собирались послать на берега Верагуа экспедицию для разработки золотых рудников. Сообщение Колумба показалось королю неубедительным.

Однако великий мореплаватель, сам того не зная, открыл новый материк, лежащий к югу от Кубы, — побережье Центральной Америки, и, обследовав юго-западные берега Карибского моря на протяжении полутора тысяч километров, доказал, что Атлантический океан в тропических широтах отделен от «Южного моря», о котором он слышал от индейцев, огромным барьером. Колумб получил также первые сведения о народах высокой культуры, населявших западное побережье Карибского моря и берега «Южного моря».

Помимо этого, он дважды пересек западную часть Карибского моря, где не бывал еще ни один европеец.

Такими результатами мог бы гордиться любой первооткрыватель, если бы он сознавал все значение своих открытий, а не оценивал их лишь по количеству найденного золота.

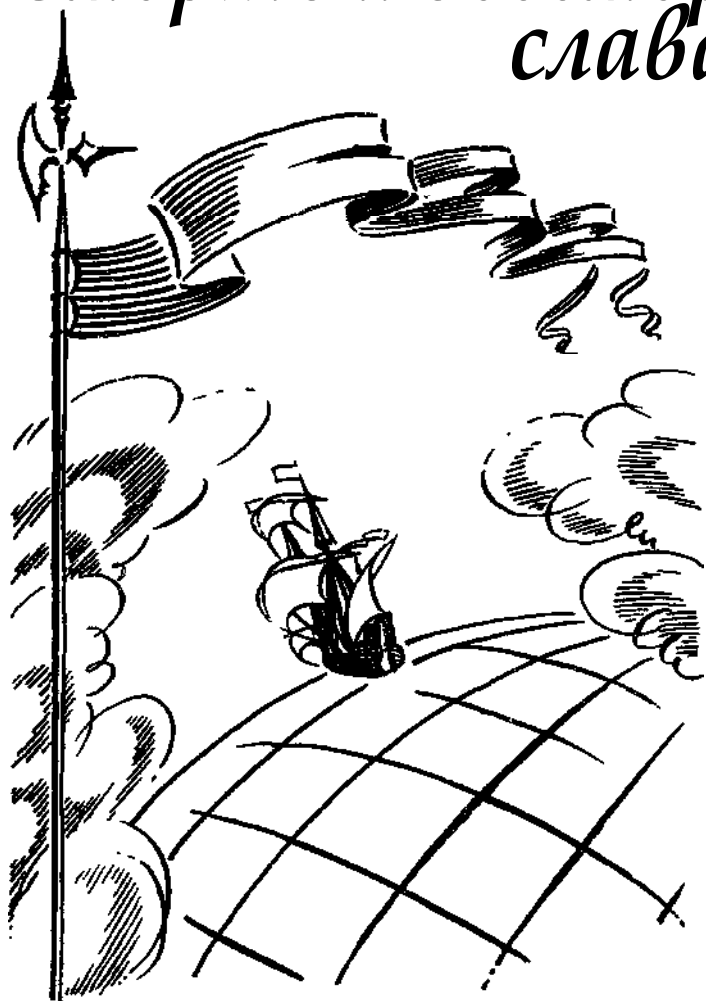
Вконец больной и измученный старик, действуя с удивительной настойчивостью и отвагой, совершил все, что было в его силах. После возвращения в Испанию он так писал своему сыну Диего:

«Я служил их высочествам с огромным прилежанием и любовью, служил так, словно бы рассчитывал попасть за это в небесный рай или в еще лучшее

место; и если в иных случаях я что-то не сделал, то потому, что это было невозможно, далеко выходя за пределы моих знаний и сил. В таких случаях господь бог наш ждет от человека только честного стремления и желания, но большего он не спрашивает».

Так утешал себя великий мореплаватель, полный горького разочарования, — он так и не разбогател и не осуществил свою мечту, которую лелеял всю жизнь.

Смерть и бессмертие слава

КОНЕЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

*Покинутый, забытый старец. — Затуманенный
алчностью и честолюбием взор. — Неблагодар-
ность — воздаяние света! — Одинокая смерть
в Вальядолиде 20 мая 1506 года. — Где
покоится прах великого мореплавателя? — Тяжба
потомков с королем.*

Из последней экспедиции Колумб вернулся тяжело больным и угнетенным духовно. В порту Сан-Лукалк его на руках вынесли с корабля и отвезли в Севилью. Большой старик тщетно ожидал, что государи пригласят его ко двору и выслушают сообщение о Великом плавании. При дворе никто и знать ничего не хотел об адмирале. Его покровительница королева лежала на смертном одре. Письмо с Ямайки, очевидно, не вызвало особого интереса: помимо бесчисленных жалоб, оно содержало лишь неясные намеки на то, что каравеллы адмирала якобы достигли Малаккского полуострова и близки к богатой Индии. Король, занятый войной в Европе, не обращал больше внимания на незадачливого адмирала.

Королева Изабелла, на которую адмирал возлагал большие надежды, умерла 26 ноября 1504 года, даже не упомянув его в своем завещании.

Все же больной Колумб не сдавался на милость суровой судьбы и не хотел примириться с мыслью, что он больше не нужен, что его место занято другими, более молодыми, энергичными и способными мореплавателями и конкистадорами.

Он был весь во власти одной маниакальной идеи — во что бы то ни стало вернуть свое высокое положение, вновь обрести присвоенные ему права и привилегии, возвратиться в Индию в качестве вице-короля и взыскать там все обещанные ему доходы. На это он потратил весь остаток жизни, все свои последние силы. Алчность и честолюбие затуманили ясный некогда взор, разглядевший за океаном очертания неведомых земель.

Надо сказать, что в материальном отношении Колумбу в то время жилось не так уж плохо. Из последней экспедиции он привез много золота, получил часть своего имущества, отобранного у него на Эспаньоле. Но он чувствовал себя обманутым, преданным и забытым.

Он осыпал письмами своего сына Диего, находившегося при дворе, умоляя его защитить интересы отца. В этих письмах многократно повторялся один и тот же мотив: «Напомни всем этим людям о моем недуге и о воздаянии, которое мне полагается за мои труды!»

Старый адмирал жаловался, что не получил с Эспаньолы и четвертой доли своего золота, сетовал на плохое управление колонией, давал многочисленные советы и предлагал свои услуги, обещая быстро навести порядок на острове, если ему доверят управление им.

Интересно отметить, что великий мореплаватель обвинял правителей Эспаньолы в тех же грехах, в которых еще так недавно обвиняли его самого: он говорил, что доходы от колонии незначительны и вносятся в королевскую казну с опозданием, что нынешнего вице-короля Овандо все ненавидят, что на острове необходимо построить более мощные крепости и послать туда опытного человека, который за три месяца наведет строгий порядок. Он способен еще принести королю пользу и никто не сделает это лучше его, ибо никто не заинтересован в этом так, как он.

Колумба тревожила также мысль, не строят ли против него козни братья Поррас — мятежники, вы-

пущенные на свободу и находившиеся при дворе. И он жаловался на них королю, сообщая, что они вовсе не соответствовали своим постам и что следствие это показало бы. «Их возмущение при всем том, что я сделал для них, поразило меня так, как если бы солнце вдруг стало посылать мрак вместо света», — писал Колумб. Он жаловался также и на других мятежников, отпущенных на свободу и не стыдившихся появляться при дворе. Колумб требовал строго наказывать их: «Может ли быть что-нибудь гнуснее и бесчеловечнее этих людей! Если их величества оставят это дело без внимания, то кто же снова решится управлять людьми на их службе?»

Колумб просил также позаботиться об уплате жалованья преданным ему людям, участвовавшим в экспедиции и после долгого плавания вернувшимся домой. Он уговаривал сына, чтобы тот постарался заинтересовать двор колонизацией новых земель.

Интересно отметить, что и Диего Мендес — верный сподвижник Колумба тоже тщетно добивался обещанного вознаграждения за труды во время последней экспедиции. Мендес просил Колумба пожаловать ему пожизненно должность главного судьи острова Эспаньолы. «Адмирал сказал, — писал он в своем завещании, — что сделает это весьма охотно и что подобное воздаяние незначительно в сравнении с большими заслугами, которыми я отличился перед ним. И приказал он мне сказать обо всем том также и его сыну дону Диего, который был очень обрадован пожалованием мне упомянутой должности. И дон Диего мне заявил, что если отец его дал ее мне одной рукой, то готов дать то же обеими руками. И все это чистая правда, в чем клянусь загробной жизнью».

Все же Мендес так и не получил этой должности. Диего после смерти отца был назначен губернатором Эспаньолы; но должность главного судьи была отдана Бартоломео Колумбу. Мендес горько сетовал на такую несправедливость — эта должность прино-

сила бы ему целый миллион мараведи в год. «Если бы мне ее дали, — писал он, — я стал бы самым богатым и уважаемым человеком на всем острове».

«Неблагодарность — вот воздаяние света!» — мог бы в конце своей жизни воскликнуть ни один из покорителей новых земель.

Нельзя не рассказать еще об одном интересном свидании: Колумба посетил его старый знакомый Америго Веспуччи. Адмирал так писал об этой встрече сыну Диего в письме от 5 февраля 1505 года: «Два дня тому назад я беседовал с Америго Веспуччи, который передаст тебе это письмо; Веспуччи призван ко двору в связи с некоторыми вопросами мореплавания. Он всегда выражал желание быть мне полезным. Счастье было к нему неблагосклонно, как и ко многим другим. Его труды не принесли ему тех выгод, на которые он был вправе рассчитывать. Он едет туда (ко двору) с горячим желанием добиться для меня при удобном случае чего-нибудь благоприятного. Я не имею возможности, находясь здесь, подробнее объяснить ему, чем он мог бы быть нам полезен... Но он полон решимости сделать для меня все, что в его силах... Подумай хорошенько, чем он мог бы помочь, — он сделает это охотно, только устрой все так, чтобы он не догадался, что оказывает мне помощь. Я ему рассказал о своих делах все, что было возможно, не исключая и того, что я совершил и какое воздаяние было мне за это. Покажи это письмо аделантадо (Бартоломео), пусть он придумает, чем и как мог бы мне Веспуччи быть полезен».

Это письмо свидетельствует о дружбе Веспуччи с великим мореплавателем, однако неизвестно, пытался ли Веспуччи как-то помочь покинутому старцу.

Письма Колумба королю оставались без ответа, несмотря на старания близких и друзей адмирала, Фернандо считал договор с Колумбом столь невыгодным, что о возобновлении его не могло быть и речи. Только приличия удерживали государя от того, чтобы публично отказаться от всех обязательств и обещаний,

которые он и покойная королева дали Колумбу. Поэтому Фернандо всячески оттягивал решение спорного вопроса и молчал.

В мае 1505 года Колумб, почувствовав себя несколько лучше, испросил у короля аудиенцию и отправился ко двору. Фернандо принял старика вежливо, но ничего не обещал. Колумб же с прежней настойчивостью требовал выполнения всех пунктов договора. Король уклонился от ответа и предложил передать спор на разрешение третейского суда. Однако Колумб на это не согласился, считая свои права бесспорными и не требующими доказательств. Он отказался также принять от короля крупное поместье в Испании и огромную пожизненную пенсию, которые тот хотел даровать ему взамен всех титулов и привилегий на новых землях.

Король передал спор на рассмотрение особого совета, который, однако, не торопился принимать решение.

В это время в Кастилию из Фландрии прибыла вместе со своим супругом Филиппом Австрийским наследница Кастильского престола дочь Изабеллы и Фернандо принцесса Хуана. Колумб загорелся новой надеждой: он поспешит навстречу молодой королеве и будет просить у нее подтверждения своих привилегий. Старик проследовал через Саламанку в Вальядолид, но тут болезнь снова свалила его с ног.

Убедившись, что ему не добиться восстановления своих прав и званий. Колумб обратился к Фернандо с просьбой признать Диего наследником его титулов: «Это дело касается моей чести. Во всем остальном поступите как заблагорассудится. Возвратите или удержите, смотря по тому, как признаете полезнее для ваших интересов. Я останусь доволен. Я думаю, что главная причина моего недуга — тревога, терзающая меня от неопределенного положения этого дела».

Фернандо и эту просьбу оставил без ответа.

Потрясенный неудачами Колумб почувствовал при-

ближение своего смертного часа. Он написал завещание, в котором передавал потомкам свои титулы, права, привилегии и доходы и призывал к новому крестовому походу в Палестину; это предприятие он обеспечивал частью своих доходов. Кроме того, он поручал сыну Диего позаботиться о Беатрисе — матери Эрнандо.

«Перед нею я состою в неоплатном долгу, — писал адмирал. — Пусть это будет сделано тобою для облегчения моей совести, потому что на моей душе это лежит тяжким бременем, по причине, которую я не имею права здесь объяснить».

Великий мореплаватель скончался там же в Вальядолиде 20 мая 1506 года. Смерть его прошла незамеченной современниками. Лишь небольшая горстка родных и друзей оплакала Колумба. Скромная траурная процессия скорее походила на похороны никому не известного бедняка, нежели человека, чьи подвиги десять лет назад потрясли всю Европу. Можно только подивиться тому, как могли столь быстро и столь прочно забыть Колумба.

И только двадцать семь лет спустя в официальной хронике Вальядолида было отмечено, что упомянутый адмирал умер.

Колумб был похоронен в вальядолидском монастыре, а через три года его бранные останки были перевезены в другой монастырь — в Севилью, но и здесь прах его покоился недолго.

Колумб когда-то просил, чтобы его похоронили на Эспаньоле. Около 1541 года прах Колумба перевезли через океан и предали земле в Санто-Доминго, под сводами незадолго до того построенного собора. Рядом с ним похоронили и членов его семьи. В 1673 году собор был разрушен сильным землетрясением. При раскопках останки захороненных там людей были извлечены из земли, однако не исключено, что их могли перепутать.

Прах Колумба и здесь не нашел успокоения. В 1795 году остров Гаити (Эспаньола Колумба) перешел от Испании к Франции, и испанское правитель-

ство, желая, чтобы останки великого мореплывателя покоились на испанской земле, приказало перевезти их в Гавану, на Кубу. В 1796 году прах адмирала был торжественно захоронен в Гаванском соборе, однако впоследствии духовенство Санто-Доминго утверждало, будто на Кубу был привезен прах сына Колумба — Диего.

Согласно одной из версий, епископ Санто-Доминго, не желая тревожить вечный сон великого мореплывателя, выдал вместо него гроб его сына, который и был перевезен в Гавану. В 1877 году в соборе Санто-Доминго рядом с опустевшей гробницей Колумба была обнаружена еще одна гробница со свинцовым саркофагом, надпись на котором гласила, что здесь покоится прах Колумба.

Начался горячий спор, в котором обе стороны не скупилась на доказательства. Однако специальной комиссии не удалось обнаружить ни в одной из этих гробниц — ни в Гаване и ни в Санто-Доминго — никаких признаков цепей, которые, по свидетельству Эрнандо, были положены в гроб адмирала.

В конце XIX века, когда кубинские патриоты после долгих жестоких сражений сбросили наконец испанское иго, прах Колумба был перевезен из Гаваны обратно в Испанию и захоронен в Севильском соборе. Однако никто не может с уверенностью сказать, где в действительности великий мореплыватель нашел свое успокоение.

После смерти Колумба король не прервал отношений с его семьей. Он отправил Овандо письмо, в котором приказывал передать старшему сыну адмирала все золото и другие ценности, которые причитались и будут причитаться его отцу.

Но Диего получил в наследство и тяжбу с испанским королем. Фернандо заявил Диего, что он может подать в суд на кастильских государей и постараться доказать справедливость своих притязаний. Удивительный факт: подданный короля ведет тяжбу со своим повелителем! Но таковы были нравы и обычаи того времени.

И сыну удалось достичь того, чего так упорно и безрезультатно добивался его отец. Правда, тяжба эта не закончилась при жизни Диего и затянулась чуть ли не на два столетия. Но еще до окончательного решения суда требования Диего были полностью удовлетворены, ибо он породнился с семьей герцога Альбы. В 1509 году король пожаловал Диего Колумбу пост правителя Эспаньолы и других островов и земель, открытых его отцом, но не пожизненно, а лишь до тех пор, пока на то будет милость и воля короля. Он предоставил Диего также право на десятую долю доходов от этих колоний, ибо суд разъяснил, что государь обязан выполнять данные обещания.

Новый вице-король в сопровождении блестящей свиты торжественно въехал в Санто-Доминго. Вместе с ним прибыл и Бартоломео Колумб, назначенный на пост главного судьи Эспаньолы, на что горько сетовал обойденный Диего Мендес.

Однако король всячески старался ограничить власть нового вице-короля, назначая должностных лиц без его ведома и согласия, посылая для проверки его деятельности контролеров и, наконец, оставив под его управлением одну лишь Эспаньолу. Поэтому Диего Колумб вплоть до самой смерти (он умер в 1526 году) часто приезжал в метрополию для защиты своих прав.

Тяжба с государем продолжалась и после смерти Диего. Диего оставил шестилетнего сына Люиса, и мать ребенка от его имени отказалась от титула вице-короля и большей части доходов, выторговав для него вместо этого звучные титулы герцога Верагуа, маркиза Ямайки, адмирала Индии и пенсию в десять тысяч дукатов в год.

Впоследствии некоторые из потомков Колумба еще пытались продолжать затянувшуюся тяжбу с испанским королем, однако никому из них не удалось вновь обрести ни титулы, ни власть, ни богатство, к которым так страстно стремился Христофор Колумб.

БЕССМЕРТНАЯ СЛАВА

Жизнь, подобная легенде. — Идеализированный образ. — Кто он: один из великих умов Ренессанса, поборник цивилизации, апостол и святой или жестокий завоеватель и расчетливый работорговец? — Неувядаемая слава великих географических открытий. — Открытие Нового Света — случайность или закономерность? — Норманны открыли Америку слишком рано.

В истории человечества трудно найти хотя бы еще одну такую личность, деятельность которой имела бы столь огромное влияние на дальнейший ход событий, но которую оценивали бы столь противоречиво, кого бы так превозносили и так порицали, как Христофора Колумба.

Жизнь его подобна легенде: нищий, безвестный чужестранец, человек, которого многие считали авантюристом без роду и племени, не имевший ничего за душой, кроме маниакальной идеи о западном морском пути в Индию, он добился поддержки богатейших людей Испании и благосклонности королей, привел в исполнение свои планы, казавшиеся фантастическими, пересек океан и стал адмиралом и вице-королем вновь открытых земель, наделенным неограниченной властью.

Буржуазные историки долгие годы окружали чело Колумба ореолом благородства и славы, утверждая, что лишь благодаря его гению Америка была открыта и стала культурной и процветающей страной.

Они идеализировали великого мореплавателя, превозносили бескорыстие и величие его замыслов, изображали его сверхчеловеком, идеальной личностью, обладавшей глубоким умом и кристально чистой душой; называли его выдающимся ученым и мыслителем с необъятным кругозором; восхищались им как одним из великих умов Ренессанса, поднявшимся высоко над уровнем средневековой науки и далеко перегнавшим свою эпоху, боровшимся против невежества во имя прогресса человечества, и потому

оставшимся одиноким и непонятым. Исполнению его планов препятствовали, по их мнению, темные и невежественные люди, завистники и недоброжелатели; они срывали подготовку экспедиций, преследовали его и, наконец, заковав в цепи, отняли все, что он имел, и он умер в нищете.

Христофор Колумб действительно прожил свой век в эпоху Ренессанса. В Европе это время ознаменовалось зарождением буржуазного уклада, формированием наций, образованием крупных абсолютных монархий. Больших успехов достигли техника и мануфактурное производство. Начался расцвет науки, литературы и искусства.

Какими яркими, разносторонними талантами богата эта эпоха!

Ее зачинатели — великие итальянцы Данте, Петрарка и Боккаччо воспевали духовный мир человека и подлинную любовь, страстно бичевали лицемерие и аскетизм. Красоту, силу и величие человека, искрящуюся жизнерадостность изображали на своих полотнах и в скульптурах гениальные итальянские художники Джотто, Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микельанджело и Тициан. Они стремились изгнать из жизни мракобесие и аскетизм средневековья. Широко распространился гуманизм, являвший собой диаметрально противоположность теологическому мировоззрению, господствовавшему в средние века. Гуманисты провозгласили новый идеал человеческой личности, проповедовали веру в человека и его гигантские силы, утверждали, что человек должен жить полноценной жизнью, отбросив аскетизм, разорвав религиозные путы. Идеи гуманизма подточили железную диктатуру церкви в области духовной жизни; они несли с собой свободомыслие, которое впоследствии привело к материализму.

То было время, когда Томас Мор и Томмазо Кампанелла мечтали о светлом обществе будущего, без угнетения и эксплуатации, когда великий Франсуа Рабле едко высмеивал феодализм, когда вновь увидели свет «Илиада» и «Одиссея» Гомера, произведения Вергилия, сочинения античных мыслителей.

Больших успехов достигла наука. Современником Колумба был гениальный польский астроном, создатель учения о гелиоцентрической системе мира Николай Коперник — один из величайших умов эпохи Возрождения. Его утверждение, что Земля, как и другие планеты, вращается вокруг своей оси и вокруг солнца, было вызовом авторитету церкви и переворотом в естествознании.

Энгельс так охарактеризовал эпоху Возрождения: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех, пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества».

Почти все упомянутые титаны Возрождения были предшественниками или современниками Колумба. Естественно, возникает вопрос: как влияли на великого генуэзца возвышенные идеи той эпохи? Были ли они для него источником вдохновения?

К сожалению, на этот вопрос трудно дать положительный ответ. Христофора Колумба нельзя поставить в ряд с великими умами Ренессанса — учеными, философами, борцами за прогресс и гуманистами, как многие пытались это сделать. Колумб не шел впереди своей эпохи. Влияние средневековья на него было еще слишком сильно.

Разве прогрессивный ученый стал бы предсказывать конец света, искать рай на земле и подвергать сомнению шарообразность нашей планеты? А что же сказать о его планах крещения язычников и освобождения гроба господня?

Колумб не обладал такими обширными познаниями, как многие его современники. Его географические представления были очень хаотичны. Великий мореплаватель тщетно пытался согласовать свои открытия с наивными библейскими притчами и разглагольствованиями столпов церкви. Ряд фактов заставляет усомниться даже в навигационных познаниях Колумба. Нередко он допускал грубые ошибки в определении географической широты и площади открытых им островов.

Многие превозносили Колумба как апостола христианской веры, считая, что главной целью его экспедиций было обращение язычников в христианство. Между прочим, это лицемерно утверждали испанские государи и сам Колумб. Его сын Эрнандо, ловко используя значение слова «колумб», что по-итальянски означает «голубь», уподоблял своего отца голубю из Ноева ковчега и утверждал, что Колумб якобы нес за океан в языческие страны оливковую ветвь — символ мира и веры христовой.

Колумб действительно был глубоко религиозным человеком, фанатичным католиком. Сам он считал, что открыл новые земли как избранник божий, как «посланец нового неба и новой земли» и что ему на роду было написано нести в заокеанские страны имя Христово, ибо его собственное имя — Христофор — означает «носитель Христа».

Некоторые предлагали даже причислить Христофора Колумба к лику святых и в церквах поставить ему алтари, но папа римский не согласился.

Действительно, трудно назвать Колумба святым. Личность его вряд ли вызывает симпатию даже у самых горячих его поклонников.

Он был груб, подозрителен и обидчив, плохо разбирался в людях, не умел завоевать их расположение, часто бывал с ними несправедлив, а иногда, наоборот, — непростительно мягкотел и нерешителен, не умел подобрать подходящих людей, вверял ответственные посты недостойным.

Порой начинает казаться, что в великом мореплавателе уживалось несколько человек — настолько противоречив его характер. Фанатическая вера переплеталась в его душе чуть ли не с языческими суевериями, восторг и энтузиазм — с глубоким пессимизмом и отчаянием. Он был угрюм, раздражителен, чужд юмора и улыбки, зато умел безропотно, с железной выдержкой переносить любые трудности, нужду и страдания. Он был невзыскателен и не стремился к роскоши и удобствам, но с тщательностью скопидома беспокоился о каждом не полученном в срок платеже, был болезненно честолюбив и эгоистичен.

В ярких лучах славы подчас исчезают отрицательные черты личности и характера, однако на образ великого мореплавателя падает мрачная тень, а его памятник освещают зловещие сполохи кровавых сражений, пожаров и костров инквизиции. Колумб был первым в бесконечно длинном списке конкистадоров — завоевателей, разграбивших и поработивших Новый Свет. Торговля рабами и поголовное истребление индейцев — тяжкие обвинения против Колумба. Суд истории не в силах оправдать вице-короля Индии, жестокого, тщеславного завоевателя, работящего, лицемерно прикрывавшего гуманными фразами алчность и зверства конкистадоров, человека, для которого открытие новых земель было средством наживы.

И все же имя Христофора Колумба овеяно неувядаемой славой. Великие географические открытия сделали его бессмертным. Он первым осмелился выйти в просторы неведомого океана, страшившие самых отважных и опытных мореплавателей, а в вопросах практической навигации он превзошел многих своих современников. С несокрушимой верой и фанатическим упорством добивался Колумб достижения своих целей. Мировая слава, завоеванная им в великих морских походах, не померкнет в веках.

Христофор Колумб первым пересек Атлантический океан в субтропическом и тропическом поясе северного полушария, первым из европейцев совершил пла-

вания в Карибском море, открыл все Большие Антильские острова — Кубу, Гаити, Ямайку и Пуэрто-Рико, большую часть Малых Антильских островов — от Доминики до Виргинских включительно, а также Тринидад, центральную часть Багамского архипелага и ряд мелких островов в Карибском море. Он положил начало открытию материка Южной Америки и перешейка Центральной Америки, хотя сам и не осознал всего значения содеянного. Кроме того, он оставил массу полезных сведений о морских течениях, пассатах, магнитном склонении компасной стрелки и о природных условиях новых земель.

Были ли открытия Христофора Колумба случайны? Отнюдь нет. Его путешествия явились закономерным следствием растущих потребностей человечества, развития производительных сил и зарождения в недрах феодального строя нового общественного уклада — капитализма, который пришел на смену феодализму. Великий мореплаватель в те времена мог получить поддержку и помощь только в Испании или Португалии — первых морских державах Европы, владевших судами, приспособленными к океанским плаваниям. Колумб вышел в океан в самый подходящий момент — в канун лихорадки великих географических открытий. Испанских и португальских мореплавателей давно уже занимал вопрос о возможности достичь Индию, переплыв океан в западном направлении, и походы к мысу Доброй Надежды рано или поздно привели бы их в Новый Свет. Об этом свидетельствует хотя бы экспедиция португальца Кабрала в 1500 году. Отправившись вслед за Васко да Гамой в Индию, он открыл берега Бразилии, приняв ее за остров и не подозревая, что там скрывается целый материк. И так, не будь Колумба, открытие Америки состоялось бы всего на несколько лет позже. Между тем восторженные сторонники Колумба без всяких на то оснований пытались утверждать обратное. В этой связи Марк Твен в рассказе «Таинственный незнакомец» вкладывает в уста вездесущего ангела — племянника сатаны — иронические слова, что без Колумба «...откры-

Норманны высаживаются на чужой берег (по старинному рисунку).

тие Америки было бы отсрочено еще на двести лет. Я знаю это наверняка».

Но разве до Колумба европейцы ничего не знали о заокеанском материке, о далеких заморских странах? Нет, это не так. В действительности великий мореплаватель не может претендовать на роль первооткрывателя Америки. На целых пятьсот лет его опередили викинги (норманны) — воинственные обитатели полуостровов Ютландии и Скандинавии. Уже в IX веке, совершая набеги, они обосновались на северных островах — Исландии и Гренландии. Оттуда норманнские суда около тысячного года нашей эры отправились еще дальше на север и запад и добрались до берегов Америки.

Итак норманны еще за пятьсот лет до Колумба достигли американского побережья примерно около 40° с. ш., неоднократно плавали туда, но колоний там не основали.

Эти плавания не были забыты ни в Исландии, ни в Дании, ни в Норвегии, но им не придавали особого значения, ибо дальние земли в то время не манили своими богатствами. Позднее — в XIV веке — норманны проникли еще глубже в северную часть Американского континента. Память о походах к берегам Америки надолго сохранилась в народе и в древнем героическом эпосе — сагах.

Однако норманны достигли берегов Америки слишком рано. Что могло тогда привлечь европейских рыцарей, торговцев или охотников в тех далеких странах? Леса, богатые зверем, невозделанные, малонаселенные земли? Но они имелись в избытке и в Европе. Пустынные берега Америки не сулили предприимчивым купцам больших барышей, а отважные морские разбойники напрасно искали бы там богатые города и селения.

Походы викингов не могли оказать никакого влияния на великие открытия Колумба. Нет никаких данных о том, что Колумб в молодости посещал Исландию и получил там какие-то сведения о ранних заокеанских плаваниях норманнов. Да и что он

мог узнать в Исландии? Только то, что норманны открыли когда-то суровые, неприветливые земли на северо-западе и дальнем севере, связь с которыми вскоре прервалась.

Таким образом походы норманнов в Америку нельзя считать началом ее открытия. Постоянные связи с народами Америки не были установлены. Не возникли также и новые географические представления. Лишь путешествия Колумба установили такие связи, дали новое направление всей истории Америки и оказали большое влияние на дальнейшее развитие Европы, Азии и Африки.

Поэтому только путешествия Христофора Колумба можно считать началом открытия Америки, ранние открытия норманнов ничуть не умаляют его заслуг.

Испанский писатель Бласко Ибаньес сказал о великом мореплавателе знаменательные слова, к которым можно только присоединиться: «Колумб не был ни святым, ни ученым. Он был просто выдающимся человеком, наделенным пламенным воображением и поразительной силой воли, душою поэта и алчностью торгаша, порой безудержно смелым, порой до крайности осторожным, вплоть до того, что он оставил незавершенными большинство своих начинаний; гениальным во многих своих суждениях и вместе с тем непостижимо слепым и упрямым в других. Подведем итог: это был человек, совмещавший в себе огромные дарования и такие же недостатки, на редкость поощряемый судьбой в первом своем путешествии и преследуемый ею же во всех остальных, обнаруживший Новый Свет, но никогда так и не узнавший об этом, — ошибка, доставившая ему величайшую славу и чреватая величайшими последствиями для истории человечества».

Да, это было действительно потрясающее географическое открытие, сыгравшее исключительную роль в истории человечества.

ПОЧЕМУ АМЕРИКА, А НЕ КОЛУМБИЯ?

Флорентинец Америго Веспуччи и его путешествия. — Ловкий купец или великий первооткрыватель новых земель? — За тридцать две страницы — бессмертие. — На смену славе приходит позор и бесчестье. — Название «Америка» — результат случайностей и ошибок, памятник человеческой несправедливости.

Сам Колумб до конца своих дней был уверен, что открыл морской путь в Индию и достиг Азиатского побережья, а не какого-то неведомого материка. Об этом заблуждении свидетельствует название Вест-Индия, сохранившееся за островами Карибского моря. Имя Колумба носит лишь одна из южно-американских республик — Колумбия, а не весь открытый им Новый Свет. Кроме того, его имя присвоено также одной из западных провинций Канады, которая называется Британской Колумбией.

А Новый Свет был назван Америкой по имени флорентийца Америго Веспуччи.

Как же это случилось? Кем был Америго Веспуччи?

Веспуччи родился в 1454 году в итальянском городе Флоренции в семье небогатого нотариуса. Он работал мелким служащим в банке Лоренцо Медичи. По поручению владельца банкирского дома Веспуччи поддерживал связь с представителями Медичи в Испании.

В 1492 году Америго Веспуччи в качестве представителя банкира Берарди переехал в Испанию и поселился в Севилье. Берарди участвовал в финансировании первой экспедиции Колумба, и Веспуччи познакомился с великим мореплавателем, который до конца своей жизни считал флорентийца другом и благодетелем.

Таким образом деятельность Америго Веспуччи была тесно связана с дальними морскими походами. В то время в сознании людей жажда наживы тесно переплеталась со стремлением к дальним путешествиям, приключениям и авантюрам. Поэтому нет ничего

Америго Веспуччи (по старинной картине).

удивительного в том, что Америго Веспуччи тоже отправился за океан.

Теперь уже трудно установить, во скольких экспедициях участвовал флорентиец. В своих письмах Америго Веспуччи рассказывает о четырех — двух на испанских судах, и двух — на португальских.

Однако большинство историков считают, что в действительности Веспуччи участвовал только в одной экспедиции 1499 года — к Жемчужному Берегу под начальством Охеды. Не позднее 1501 года Веспуччи перешел на португальскую службу и, возможно, участвовал в одной или двух экспедициях португальцев в южное полушарие, вдоль побережья Нового Света. В 1504 году Веспуччи возвратился в Испанию и через четыре года был назначен главным пилотом (штурманом) Кастилии — руководителем испанской навигационной службы. В его обязанности входило обучение штурманов обращению с измерительными приборами, астролябиями и квадрантами, проверка их знаний и умения применять теорию на практике, выдача дипломов, а также составление и постоянное пополнение секретной карты мира. Этот факт свидетельствует о немалых познаниях Веспуччи в области навигации.

О своих открытиях Америго Веспуччи повествует в письмах. Из них следует, что в 1497 году (несколько раньше Колумба), совершая свое первое путешествие, он открыл берега Южной Америки и Мексики, а оттуда отправился к северу до 28° — 30° с. ш. Во второй экспедиции он был штурманом и ходил к берегам Южной Америки под началом Охеды. Об этой экспедиции речь уже шла выше, и нет никаких сомнений, что Веспуччи действительно в ней участвовал.

В середине мая 1501 года, по словам Веспуччи, он отправился в свою третью экспедицию. Три португальских каравеллы (имя начальника экспедиции осталось неизвестным) пошли якобы к берегам Западной Африки, а оттуда к островам Зеленого Мыса. Затем последовал девятидневный переход через океан в южное полушарие. Пять недель свирепствовали бури. В начале августа мореплаватели достигли боль-

шой неизвестной земли, поплыли к югу вдоль ее берегов и обозначили на карте обширное побережье длиной свыше трех тысяч километров — от 5° до 25° ю. ш. — с превосходными бухтами, устьями рек и мысами. Это подтверждает и примитивная карта, сохранившаяся до наших дней. Веспуччи писал, что каравеллы в феврале 1502 года достигли 32° ю. ш., однако на карте эта конечная точка не обозначена.

Здесь португальские офицеры, по утверждению Веспуччи, единогласно избрали его руководителем экспедиции. Тогда он якобы отошел от берега и пересек океан в юго-восточном направлении, достигнув 52° ю. ш. Далеко на юге мореплаватели заметили какую-то мрачную, неприветливую землю, но из-за тумана и метели не смогли высадиться на берег.

Через тридцать три дня, пройдя около семи тысяч километров, мореходы достигли берегов Гвинеи. Таким образом Америго Веспуччи якобы руководил первой экспедицией в антарктических водах, однако сообщенные им сведения об этом плавании крайне туманны и противоречивы.

И все же описание как раз этой, третьей экспедиции (которая, очевидно, действительно состоялась — историки сомневаются лишь в участии в ней самого Веспуччи и в правильности его сведений) принесло Америго Веспуччи мировую славу. В своем письме к Медичи он первым из тогдашних мореплавателей сумел рассказать о заокеанском плавании как талантливый литератор — живо, образно и увлекательно.

Веспуччи поведал в письме, что он якобы по поручению португальского короля отправился за океан в западном направлении и в течение двух месяцев и двух дней находился под таким черным грозовым небом, что не было видно ни солнца, ни луны. Мореходы потеряли уже всякую надежду достигнуть берега, однако благодаря познаниям Веспуччи в космографии 7 августа 1501 года увидели наконец землю. То была благословенная земля, где людям неведом тяжкий труд, деревья и нивы без всякого ухода дарят обильные, не известные европейцам плоды,

море кишит рыбой, реки и источники полны прозрачной, вкусной воды, с моря дуют прохладные бризы, а густые леса, в которых водится много неизвестных животных и птиц, даже в самые знойные дни дают приятную прохладу. Кожа у людей красноватого цвета, потому что они, по словам Веспуччи, от рождения до самой смерти ходят нагими и загорели на солнце, у них нет ни одежды, ни украшений, ни какого-либо имущества. Нравы у них дикие, всем, что у них есть, они владеют сообща, даже женами.

Далее Веспуччи рассказывал, что в этой стране нет ни вождей, ни храмов, ни языческих идолов. Туземцы не знают ни торговли, ни денег и живут в большой вражде с соседями, часто сражаются с ними и убивают друг друга самым жестоким образом. Они питаются человеческим мясом, которое солят и вешают на кровли домов, и были удивлены тем, что белые люди не захотели попробовать такую вкусную еду. Один из туземцев похвалялся, что он лично съел триста человек.

Несмотря на это, жизнь в той стране показалась Веспуччи такой прекрасной, что он заявил в конце: «Ежели где-либо существует земной рай, то, видимо, недалеко отсюда».

Америго Веспуччи поведал также о красоте южных звезд, совсем иных, чем у нас, и образующих иные созвездия.

Он обещал описать и другие свои путешествия, чтобы память о них дошла до потомков.

Однако, как это ни удивительно, всеобщее внимание привлекло не содержание письма, не его яркое увлекательное изложение, а два слова из его заголовка: «Mundus Novus» («Новый Свет»).

До тех пор в Европе самыми крупными географическими открытиями считались морские пути в Индию, найденные Колумбом и Васко да Гамой. Оба они достигли берегов Азии, но с двух разных сторон.

Между тем Америго Веспуччи, судя по его словам, открыл по пути на запад не Индию и не Азию, а совсем новую неизвестную землю между Европой

и Азией, новую часть света, которую он так и назвал — «Новый Свет», Америго подробно аргументирует это название: «Никто из наших предков не имел ни малейшего представления о странах, которые мы видели, и о том, что в них находится; наши знания далеко превосходили знания предков. Большинство из них полагало, что южнее экватора нет материка, а только беспредельный океан, который они называли Атлантическим; и даже те, кто считали возможным наличие здесь материка, по разным причинам придерживались мнения, что он не может быть обитаем. Теперь мое плавание доказало, что такой взгляд неверен и резко противоречит действительности, ибо южнее экватора я обнаружил материк, где некоторые долины гораздо гуще населены людьми и животными, нежели в нашей Европе, Азии и Африке; к тому же там более приятный и мягкий климат, чем в других знакомых нам частях света».

Своим утверждением об открытии им нового мира Веспуччи как бы расширил масштабы земного шара, хотя сам он и не подозревал, каковы действительные размеры нового материка. Все же он одним из первых понял, что это самостоятельная часть света и ясно и определенно высказал свою мысль.

«В этом смысле Веспуччи, — пишет Стефан Цвейг, — действительно завершил открытие Америки, ибо каждое открытие, каждое изобретение становится ценным не только благодаря тому, кто его совершил, но еще более благодаря тому, кто раскрыл его истинный смысл и действенную силу...».

Письмо Веспуччи разожгло любопытство всей Европы. Оно было переведено с итальянского языка на латынь, «дабы все образованные люди знали, сколько замечательных открытий совершено в эти дни, сколько неизвестных миров обнаружено и чем они богаты», — как сказано в подзаголовке небольшой брошюры, в которой было опубликовано письмо Веспуччи. Брошюру эту везде охотно покупали, читали и перечитывали, ибо люди хотели узнать как можно больше о новых землях за океаном. Ее перевели и на другие языки, и вскоре текст ее был включен в сбор-

ник рассказов о путешествиях. Ученые — географы, космографы, а также книгоиздатели и читатели с нетерпением ждали, когда автор выполнит свое обещание и более подробно расскажет о своих заокеанских путешествиях.

В мае или июне 1503 года Америго Веспуччи якобы отправился в четвертое плавание. Из Лиссабона в Юго-Восточную Азию вышли шесть каравелл. Они должны были плыть по западному морскому пути, обогнуть только что открытые земли и достичь Малакки. Одной из каравелл командовал Веспуччи. Сведения об этом плавании весьма скудны. Португальцы якобы пересекли экватор и увидели в океане скалистый остров. Флагманский корабль напоролся на риф и пошел ко дну, но люди спаслись. Веспуччи с несколькими матросами отправился на лодке к острову, чтобы разыскать безопасную стоянку для судов, но через неделю туда пришла лишь одна каравелла. Остальные отправились к «Земле Святого Креста» — Бразилии, назначив местом встречи бухту Байя. Однако Веспуччи, придя в эту бухту, напрасно прождал их там два с половиной месяца. Затем он двинулся вдоль, берега на юг. Около 18° ю. ш. капитан приказал построить форт и оставил там группу моряков с потерпевшего крушение флагманского корабля, снабдив их припасами и оружием. Корабль простоял там пять месяцев. За это время моряки совершили ряд походов и проникли вглубь страны почти на двести пятьдесят километров. В июне 1504 года каравелла вернулась в Лиссабон с грузом красного дерева.

Это и свои предыдущие путешествия Америго Веспуччи описал в 1504 году в письме к товарищу детских лет флорентийскому вельможе Пьеро Содерини. Письмо было опубликовано одним флорентийским издателем на итальянском языке под названием «Письмо Америго Веспуччи об островах, открытых им во время его четырех путешествий». Вот эта брошюра о четырех морских путешествиях и поставила ранее никому не известного купца в ряд с великими мореплавателями и первооткрывателями того времени.

Америго Веспуччи на тридцати двух страницах сообщил много новых сведений о свободной и счастливой жизни туземцев, изображал их битвы с враждебными племенами, кораблекрушения, жестокие стычки с каннибалами-людоедами и гигантскими змеями, описывал животных, растения и жизнь людей, а в заключение обещал вскоре закончить большой труд о новых частях света.

По словам Стефана Цвейга, «...вот все литературное наследие Америго Веспуччи, крохотный и не слишком ценный багаж для дороги в бессмертие. Можно без преувеличения сказать: никогда еще человек, написавший так мало, не становился так знаменит; надо было нагромоздить случайность на случайность, ошибку на ошибку, дабы поднять это произведение столь высоко над его эпохой, чтобы и наш век сохранил это имя...».

Что же это были за случайности и ошибки?

В 1504 году в Италии вышли отдельные рассказы о путешествиях. Были опубликованы описания путешествий Васко да Гамы, первой экспедиции Колумба и другие. В 1507 году они были объединены в сборник, в который вошли также описания экспедиций Кабрала, трех путешествий Колумба и «Mundus Novus» Америго Веспуччи. Составитель этого сборника почему-то снабдил его совершенно необоснованным заголовком: «Новый Свет и новые страны, открытые Америго Веспуччи из Флоренции». Эта книга издавалась много раз и потому широко распространилось ложное мнение, будто Веспуччи был первооткрывателем всех этих новых земель, хотя в тексте его имя упоминается лишь наряду с именами Колумба и других мореплавателей. Это было первое звено в длинной цепи случайностей и ошибок.

В начале XVI века в маленьком лотарингском городке Сен-Дье организовался кружок географов-любителей. Один из его членов — молодой ученый Вальдземюллер написал небольшой трактат «Введение в космографию» и опубликовал его в 1507 году с приложением двух писем Веспуччи, переведенных на латынь.

Nūc ꝑo & hę partes sunt latius luſtratę/ & alia quarta pars per Americū Veſputiū(vt in ſequentibus audietur)inuenta eſt/quā non video cur quis iure vetet ab Americo inuentore ſagacis ingenij vñ Amerigen quali Americi terrā / ſiue Americam dicendā:cū & Europa & Aſia a mulieribus ſua ſortita ſint nomina.Eius ſitū & gentis mores ex his binis Americi nauigationibus quę ſequunt̄ liquide intelligi datur.

Текст из книги Вальдземюллера «Введение в космографию», где впервые упоминается название Америки.

В этой книге впервые появилось название «Америка», а имя Колумба вовсе не было упомянуто. Описав мир таким, каким его знал еще Птоломей, автор заявил, что, хотя границы этого мира и расширились благодаря стараниям многих людей, человечество узнало об этих открытиях только от Америго Веспуччи. Вальдземюллер объявил Веспуччи первооткрывателем этих земель и внес предложение назвать четвертую часть света землей Америго или Америкой.

Через несколько глав автор вновь повторил свое предложение, снабдив его следующей мотивировкой: «Сегодня эти части света (Европа, Африка и Азия) уже полностью исследованы, а четвертая часть света открыта Америком Веспуччи. И так как Европа и Азия названы именами женщин, то я не вижу препятствий к тому, чтобы назвать эту новую область Америгой — землей Америга, или Америкой, — по имени мудрого мужа, открывшего ее».

Вряд ли Вальдземюллер стремился своим предложением приуменьшить заслуги и славу Колумба. Просто он, как и другие географы начала XVI века, был убежден, что Колумб и Веспуччи открыли новые земли в разных частях света: Колумб, шире обследовав Азию, открыл новые острова и полуострова Ста-

рого Света, а также тропическую полосу Восточной Азии, тогда как Веспуччи обнаружил «четвертую часть света», «Новый Свет» — целый материк, простирающийся по обе стороны экватора,

Вальдземюллер вынес слово «Америка» на поля своего трактата и вписал его в приложенную к книге карту мира. Ученый не подозревал, конечно, что впоследствии этим именем будет назван огромный материк, протянувшийся через оба полушария от Патагонии до Аляски. Название «Америка» Вальдземюллер относил лишь к северной части Бразилии, так называемой «Земле Святого Креста» или «Новому Свету», но впоследствии его присвоили всему материку.

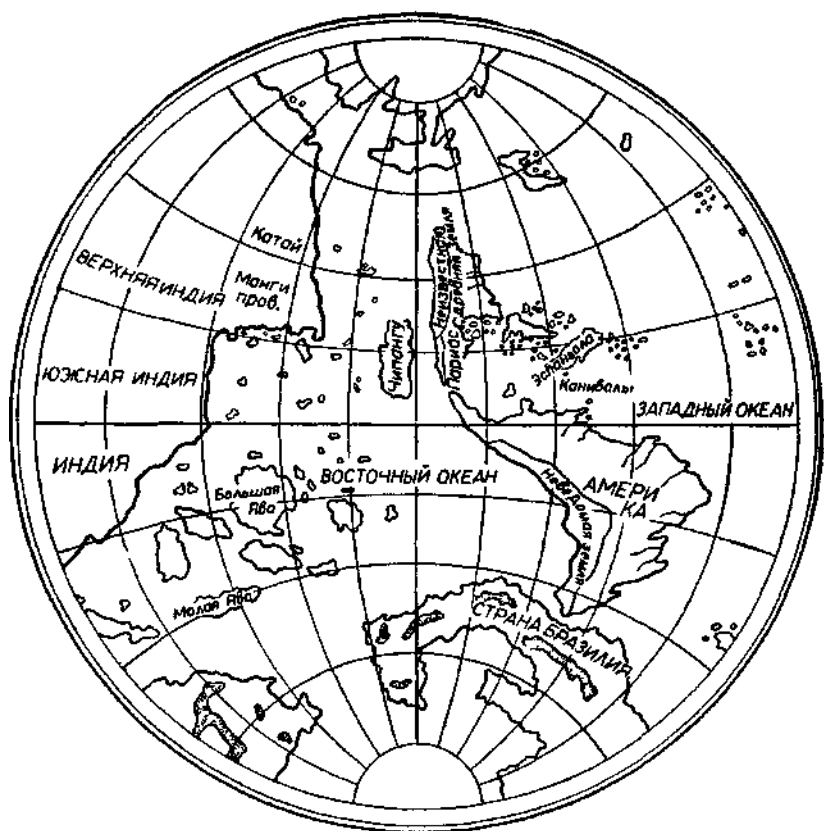
Через несколько лет Вальдземюллер, получив, очевидно, более достоверные сведения об истинном первооткрывателе Нового Света, изъял из повторного издания своей книги все, что касалось путешествия Америго Веспуччи, и повсюду заменил имя флорентийца именем Колумба. Но было уже поздно.

Слава Америго Веспуччи росла с каждым днем, Колумба же, казалось, мир предал забвению.

Во второй половине XVI века на многих картах и глобусах название «Америка» распространилось уже на оба материка. Только в Испании, и отчасти в Италии, это название было не в ходу. Испанцы по-прежнему писали на своих картах «Индия», «Западная Индия» и «Новый Свет».

Новое название — Америка — вызвало также возражения и протесты. Веспуччи обвинили в злонамеренном обмане. Почтенный епископ Лас Касас, увидев на карте название Америка, пришел в негодование. Он назвал Веспуччи лжецом и мошенником, присвоившим себе после смерти адмирала славу первооткрывателя.

Нападки на Америго Веспуччи не прекращались. Ученые были взволнованы — Веспуччи обманщик! Раздавались голоса, требовавшие запретить пользоваться словом Америка. В XVII веке слава Америго Веспуччи померкла, а Колумба стали снова превозносить как

Западное полушарие на глобусе Иоганна Шенера 1515 г.

не признанного в свое время героя. Недостатки и ошибки адмирала замалчивались, а пережитые им трудности и страдания драматически преувеличивались и превращались в легенды. Врагов адмирала, в особенности Бобадилью и Фонсеку, стали изображать как низких негодяев, но самым низким, по мнению людей, был Америго Веспуччи — завистник, недоброжелатель, злой и трусливый человек. Сам он якобы никогда не решался даже ступить

на палубу корабля, но, сидя в своем кабинете, он сгорал от зависти и украл и присвоил себе славу Колумба.

И лишь в начале XIX века знаменитый немецкий географ Александр Гумбольдт взял флорентийца под защиту, ограждая его от несправедливых обвинений. Ведь нельзя было пройти мимо факта, что против Америго Веспуччи не выступал никто из наследников и друзей Колумба, и даже испанское правительство, долгие годы судившееся с потомками великого мореплавателя, не воспользовалось версией, будто новый материк еще до Колумба открыл Америго Веспуччи. К тому же, по мнению Гумбольдта, Америго Веспуччи не мог отвечать за искажение фактов и дат, так как сам лично не опубликовал ни одной строчки из своих писем и, проживая в Испании, не мог знать, кто и как издает эти письма за пределами страны. В те времена издатели бесцеремонно обращались с текстами литературных произведений, изменяли и сокращали их без ведома автора и произвольно давали заголовки. Очевидно, и письма Веспуччи перед их опубликованием были дополнены, переработаны и искажены издателями.

«Не совершили ли этого подлога без ведома Америго собиратели рассказов о путешествиях? — спрашивает Гумбольдт. — Или, может быть, это всего лишь следствие путанного изложения событий и неточных сведений?»

Сегодня очень трудно ответить на эти вопросы.

Гумбольдт продолжает: «Что касается имени великого континента... то оно представляет собой памятник человеческой несправедливости. Вполне естественно в конце концов приписать причину такой несправедливости тому, кто казался в этом наиболее заинтересованным. Но изучением документов доказано, что ни один определенный факт не подтверждает этого предположения... Стечение счастливых обстоятельств дало ему славу, а эта слава в течение трех веков ложилась тяжким грузом на его память, так как давала повод к тому, чтобы чернить его характер. Такое положение очень редко в истории

человеческих несчастий. Это пример позора, растущего вместе с известностью».

Какой парадокс! Колумб открыл Америку, но не осознал этого. Америго Веспуччи ее не открывал, но одним из первых понял, что Америка — новый континент. Этого было достаточно, чтобы его имя было навеки веков вписано в великую книгу человеческой славы.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ - НАЧАЛО ЗОЛОТОГО ВЕКА?

Вслед за Колумбом — конкистадоры. — Испания — всемирная империя. — Принесенные золотом проклятие, упадок и нищета. — Закат могущества Испании. — Заря эры капиталистического производства — кровавая страница истории человечества. — Друг и защитник индейцев Лас Касас — инициатор торговли неграми. — Африка — заповедник для охоты на рабов. — Образование колониальной системы. — Историческое и революционное значение открытий Христофора Колумба.

Вслед за Колумбом за океан устремились английские, французские и другие мореплаватели, объявив войну владычеству Испании и Португалии на море. В тропической полосе продолжали экспансию испанцы. После покорения Эспаньолы наступил черед и других островов Антильского архипелага — Кубы, Ямайки, Пуэрто-Рико. Искатели золота и приключений устремились и к берегам Центральной Америки. Васко Нуньес Бальбоа пересек Панамский перешеек, открыл «Южное море» (Тихий океан) и привез известие о несказанно богатых землях на его берегах.

Новые земли, как в свое время Эспаньолу и Кубу, захлестнула волна грабежей, поджогов и убийств. Разодетые в бархат и шелка рыцари вместе со всяким темным сбродом грабили золото, охотились за рабами

и сами гибли от голода, болотной лихорадки и в сражениях с индейцами.

Молва о богатых золотых россыпях привлекла конкистадоров и к берегам Мексиканского залива. Здесь в течение нескольких лет были уничтожены царства ацтеков и майя, обладавшие высокоразвитой культурой. Их землями в Мексике завладела кучка конкистадоров под командой Эрнандо Кортеса. Еще через несколько лет такая же грабительская банда во главе с Франсиско Писарро вторглась в Южную Америку и разгромила государство инков. Завоеватели постепенно проникали во все новые и новые области. Золото, серебро и другие сокровища чужого неведомого материка, его грандиозные горные массивы с покрытыми вечным снегом вершинами, широкие реки и мощные водопады, роскошные тропические леса и бескрайние равнины влекли к себе завоевателей, и они в течение ближайших столетий огнем и мечом покорили всю Южную и Северную Америку.

Конкистадоры — эти странствующие рыцари буржуазии — поражали мир удалью и отвагой, дерзаниями и презрением к смерти. Но еще в большей степени — своей невиданной алчностью, жестокосердием, кровожадностью и вероломством.

Исторические последствия этих разбойничьих походов были очень велики. Исчерпывающую характеристику их значения дал Фридрих Энгельс: «Мир сразу сделался почти в десять раз больше... И вместе со старинными тесными границами родины пали также и тысячелетние рамки предписанного средневекового мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт... То было для буржуазии время странствующего рыцарства; она переживала также свою романтику и свои любовные мечтания, но по-буржуазному преследуя в конечном счете свои буржуазные цели».

А цели эти сводились к одному — богатство, богатство и еще раз богатство: золото, новые земли и рабы.

Испания превратилась во всемирную империю: она владела необозримыми территориями на западе, за

океаном, господствовала на севере — в богатых Нидерландах, на юге — на Африканском побережье и на востоке — в Италии. Испания стала центральным ядром огромной империи Карла V, в которой никогда не заходило солнце. Эта великая держава присоединила к себе Португалию и угрожала даже Англии и Франции — самым развитым странам Западной Европы.

Однако вскоре могущество и богатства Испании рассеялись как дым. Уже во второй половине XVI века в стране появились первые признаки экономического упадка.

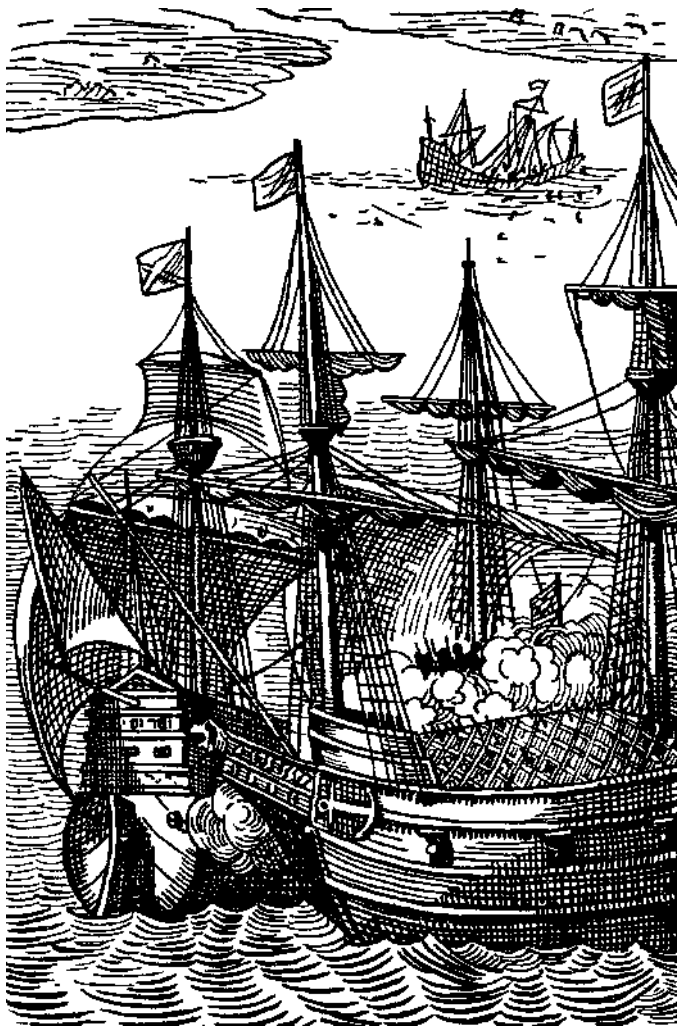
В XVI и XVII веках в Нидерландах, Англии, а частично и во Франции широкое развитие получила капиталистическая промышленность. А в Испании в то время, несмотря на огромный, все возрастающий приток золота, серебра и других ценностей, промышленное производство и ремёсла приходили в упадок, сокращалась торговля, хирело сельское хозяйство, уменьшалось население. Испания была не в силах использовать для развития своего хозяйства поступающие извне богатства.

Американское золото явилось для Испании проклятием. Драгоценный металл, который испанские конкистадоры с такой алчностью искали в джунглях Нового Света, ради которого они совершали любые преступления, переносили невероятные тяготы и даже жертвовали жизнью, — не только не обогатил их родину, а, наоборот, разорил и поверг ее в нищету и надолго задержал ее историческое развитие.

Золото попадало прежде всего в руки феодальной аристократии — придворных вельмож, крупных землевладельцев и католического духовенства, способствуя росту их могущества и еще более усиливая феодальный гнет и темную власть церкви.

Огромный приток золота вызвал во всей Европе, и особенно в Испании, падение стоимости денег и невиданное повышение цен.

Денег было много, а их стоимость упала и, их покупательная способность резко уменьшилась. Между тем количество товаров почти не увеличилось, и цены

Нападение пиратов на испанские корабли (по старинной гравюре).

неимоверно возросли. Началась настоящая революция цен.

Это падение стоимости, золота вызвало по всей Европе рост дороговизны и обнищание масс. Особенно повысились цены на испанские товары. Они больше не могли соперничать с товарами других стран, которые стали вытеснять их со всех рынков. Купцы в самой Испании и ее колониях тоже начали отдавать предпочтение более дешевым иностранным товарам.

Господствовавший класс феодалов, получая огромные доходы от колоний и богатых европейских владений, а также в виде прямых налогов от населения, не был заинтересован в развитии национальной промышленности и не стремился к замене старых, гибнущих предприятий новыми.

Зарождение капитализма в Испании происходило значительно медленнее и позже, чем в других странах Западной Европы. Богатства, поступающие на Пиренейский полуостров, укрепляли феодализм.

Лишь на севере испанских владений, в Нидерландах, широкое развитие получили новые капиталистические отношения, и нидерландская буржуазная революция в XVI веке явилась первым взрывом, вызванным противоречиями между зарождавшимся капитализмом и отмирающим феодализмом.

Победа нидерландской революции и отделение Нидерландов от Испании свидетельствовали о том, что испанская монархия осталась в стороне от столбовой дороги исторического развития и была осуждена на упадок и прозябание.

За экономическим упадком последовало уменьшение политического влияния и могущества этой страны. Усилилась мощь более развитых стран Западной Европы — Англии, Франции, Голландии, оставивших Испанию далеко позади. Буржуазия этих стран вступила в борьбу с Испанией за господство на море и за колонии в Америке, используя в этой борьбе даже помощь пиратов, которые обосновались на мелких островах Карибского моря и бороздили океан

во всех направлениях, подстерегая испанские суда.

Однако самый большой удар могуществу Испании был нанесен Англией — будущей владычицей морей и океанов. В 1588 году Англия уничтожила огромный флот короля Филиппа II, «Непобедимую Армаду» — сто тридцать кораблей с двумя с половиной тысячами пушек и тридцатью двумя тысячами воинов. Флот этот направлялся из Лиссабона в Англию, чтобы покорить этот остров, осмелившийся бросить вызов могущественной Испанской империи.

После этого поражения Испания так больше и не поднялась. Другие европейские государства то и дело навязывали ей войны и понемногу захватывали и расхищали колонии бывшей всемирной империи.

Открытия Христофора Колумба и других мореплавателей и конкистадоров, сделанные в XV и XVI веках — в начальный период эпохи великих географических открытий, — принесли правящим классам европейских стран огромные богатства, награбленные в колониях, и вызвали тем самым стремительный рост капитализма и создание колониальной системы.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, — писал Карл Маркс в «Капитале», — искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства».

Маркс отмечает, что рождение капитализма отнюдь не являло собою идиллию, а, наоборот, было связано с величайшими злодеяниями, кровопролитием, насилем не только на завоеванных землях Американского и Азиатского континентов, но и в самой Европе. Оно было связано с рабством и работорговлей — этим позорнейшим пятном в истории человечества, и бесчисленными, грабительскими войнами.

На завоеванных землях Америки конкистадоры уничтожили миллионы индейцев, а на Антильских островах истребили их полностью. Между тем

сахарные и табачные плантации все разрастались, все интенсивнее шли работы в золотых и серебряных рудниках, на корабельных верфях, а рабочей силы не хватало.

Откуда было взять рабочие руки?

Вспомнили о чернокожих рабах — африканцах. Они были значительно сильнее и выносливее индейцев.

По странной иронии судьбы инициатором работоторговли в Америке оказался не кто иной, как друг и защитник индейцев епископ Бартоломе Лас Касас. Этот гуманный человек до конца дней своих защищал индейцев от бесчеловечного истребления. Тринадцать раз пересекал он океан и, посещая новые земли, с ужасом видел, какие зверства творят конкистадоры. Возвращаясь в Испанию, Лас Касас в своих пламенных речах на диспутах и в необыкновенно смелых трактатах неустанно разоблачал конкистадоров. Особенно большую известность приобрел его язвительный памфлет «Кратчайшая история разрушения Индий», в котором он остро бичует испанских завоевателей за их кровавые злодеяния. Будучи глубоко верующим человеком, епископ грозит божьей карой всем тем, кто с крестом в руках и ненасытной алчностью в сердце отправился за океан для разграбления и опустошения новых земель.

Однако Лас Касас был человеком своей эпохи и мечтал о спасении индейцев путем обращения их в христианство и передачи этих несчастных преследуемых и угнетенных людей под опеку миссионеров и гуманных правителей.

Стремясь спасти туземное население от истребления, епископ в самом начале века просил у испанского короля разрешения заменить на тяжелых работах индейцев неграми. Королю эта просьба пришлась по душе, так как создавала моральную основу для разрешения работоторговли в Америке. Фернандо и Изабелла объявили торговлю африканцами «богоугодным делом», и уже в 1501 году в испанские колонии стали ввозить чернокожих рабов.

Лас Касас прожил до 1566 года. Перед смертью девяностодвухлетний старец с горечью писал, что

он сам первым предложил ввозить в Америку рабов, но не предвидел, каковы будут последствия, иначе он никогда не сделал бы этого. «Ибо он, — писал о себе в третьем лице Лас Касас, — всегда утверждал, что рабство — это несправедливость и тирания. Это относится в такой же мере к неграм, как и к индейцам».

Торговлей рабами широко занимались голландцы, французы, испанцы и португальцы, но всех их оставили далеко позади англичане. На английских судах было перевезено рабов в четыре раза больше, нежели на всех остальных взятых вместе. Рабов вывозили, главным образом, из Африки.

Какими только средствами не добывали «черный товар» на берегах Африканского материка! Европейцы нападали на селения, хватали сильных здоровых мужчин и женщин, безжалостно убивая детей и стариков, которые не вынесли бы перехода через океан. Работорговцы вызывали между племенами междоусобные войны и выменивали пленных у победителей на бубенчики, бусы и ром. Покупали рабов и у местных князьков — тоже за ром и винтовки.

За триста пятьдесят лет существования работорговли из Африки только в Америку было вывезено около десяти миллионов рабов. Не надо к тому же забывать, что негритянские племена несли гораздо большие потери, так как чернокожие погибали во время безжалостной охоты на них, затем многие пленники гибли по дороге к берегу, а еще больше их умирало во время тяжелого плавания по океану. Закованных в цепи рабов клали в трюмы рядами, друг на друга, ничуть не беспокоясь о том, что несчастные гибли от жажды и голода, и живые вскоре начинали задыхаться под тяжестью мертвых. В те времена ходила поговорка, что негру на корабле требуется меньше места, чем мертвому в гробу. Продавая тех, кто оставался в живых, работорговцы все же получали баснословные барыши.

Известный негритянский ученый Уильям Дюбуа утверждал, что работорговля лишила Африку примерно от шестидесяти до ста миллионов человек.

К тому же девять десятых из них погибли совершенно бессмысленно.

Главной причиной рабства и работорговли явилось зарождение капитализма. Огромные барыши давала не только торговля невольниками (до 700 процентов), но еще больше их эксплуатация — в течение нескольких столетий миллионы людей трудились по принуждению, не получая вознаграждения. Европейцы руками африканцев окончательно разорили Американский материк.

Итак, эпоха великих географических открытий положила начало развитию колониальной системы. «Это был тот «неведомый бог», который воссел на алтаре наряду со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним толчком выкинул их всех из святилища. Колониальная система провозгласила обогащение последней и единственной целью человечества», — писал Карл Маркс.

Над спинами чернокожих рабов, трудившихся на плантациях, от зари до зари свистели плетки надсмотрщиков, а в Европу непрерывным потоком шли драгоценный сахар, табак, кофе, ром, хлопок и другие товары.

Рабы умирали: редко кто выдерживал до десяти лет такого нечеловеческого труда, мучений и голода. А их потом и кровью питался развивавшийся в Европе капитализм.

Образование колониальной системы ускорило рост торговли и судоходства. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро расцветающих мануфактур, способствовали развитию крупного производства и усиленному накоплению богатств в Европе. Сокровища, добытые путем грабежа, порабощения и убийств туземцев, превращались в капитал.

Таким образом открытие Америки, прославившее имя Христофора Колумба, положило начало эпохе первоначального накопления капитализма и было одним из важнейших условий, подготовивших развитие капитализма и колониализма, образование всемирного рынка, рост крупной промышленности и пролетариата. В этом — историческое и притом революционное зна-

чение для истории человечества великих географических открытий. Вот как оценили его Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще, дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мираж Востока

У берегов океана	9
Португальцы и великий морской путь в Индию	15
Испания на пути к могуществу	22
Христофор Колум	26
Золотой мираж Востока	34
Годы томительного ожидания	46
Мечта становится явью	54

Открытие Нового Света

В безбрежном океане	65
Багамские острова и Куба	77
Эспаньола — маленькая Испания	94
Возвращение и триумф	105
Вторично через Атлантику	121
На берегах Кубы и Ямайки	139

Крестом, огнем и мечом

Опустошение Индии	153
Третья экспедиция за океан	169
Эспаньола в огне мятежа	183

С вершины славы в бездну опалы

Вице-король Индии в цепях	195
Тяжкое бремя опалы	204
Последняя экспедиция — великое плавание	213
Бедствие у берегов Ямайки	231

Смерть и бессмертная слава

Конец жизненного пути	247
Бессмертная слава	255
Почему Америка, а не Колумбия?	264
Открытие Америки — начало золотого века?	276

Артур Лиелайс
КАРАВЕЛЛЫ ВЫХОДЯТ В ОКЕАН

Редактор В. Семенова. Худ. редактор
Х. Пурвинь. Техн. ред. Г. Слепкова.

Корректор А. Брице.

Сдано в набор 8 октября 1968 г. Под-
писано к печати 24 февраля 1969 г.
Типографская бумага № 2, формат
84X108/32. 9 физ. печ. л.; 15,12 усл.
печ. л.; 14,07 уч. изд. л. Тираж' 45 000
экз. Цена 52 коп. Издательство «Лиес-
ма», г. Рига, бульвар Падомью, 24.
Изд. зак. № 22345/1-2180. Отпечатано
в 3-й типографии Управления поли-
графической промышленности Комитета
по печати при Совете Министров Лат-
вийской ССР, г. Рига, ул. Лени-
на 137/139. Заказ № 593.

ПУТЕШЕСТВИЯ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

- 1492 - 1493 г.
- - - 1493 - 1496 г.
- · - · 1498 - 1500 г.
- · · · · 1502 - 1504 г.